accel World 07
ワールドアクセルドライブ
川原礫 イラスト／HIMA
07
災禍の鎧
電撃文庫

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Нега Небьюлас, Легион Черноснежки, начинает «операцию по спасению Ардор Мейден» для того, чтобы «очистить» Сильвер Кроу.

В ходе этой опасной миссии летевший на смерть Сильвер Кроу успевает схватить Ардор Мейден, но дыхание Судзаку, Энеми, охраняющего Имперский Замок, заставляет их бежать на территорию неприступного Замка. Однако, несмотря на смертельную опасность, внутри Харуюки видит таинственный «сон».

Хром Фалькон и Шафран Блоссом. История двух аватаров и «бедствия», которое растоптало их надежды…

- Рэки Кавахара
  -
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Глава 7
  - Глава 8
  - Глава 9
  - Глава 10
  - Послесловие
  - Послесловие команды
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10

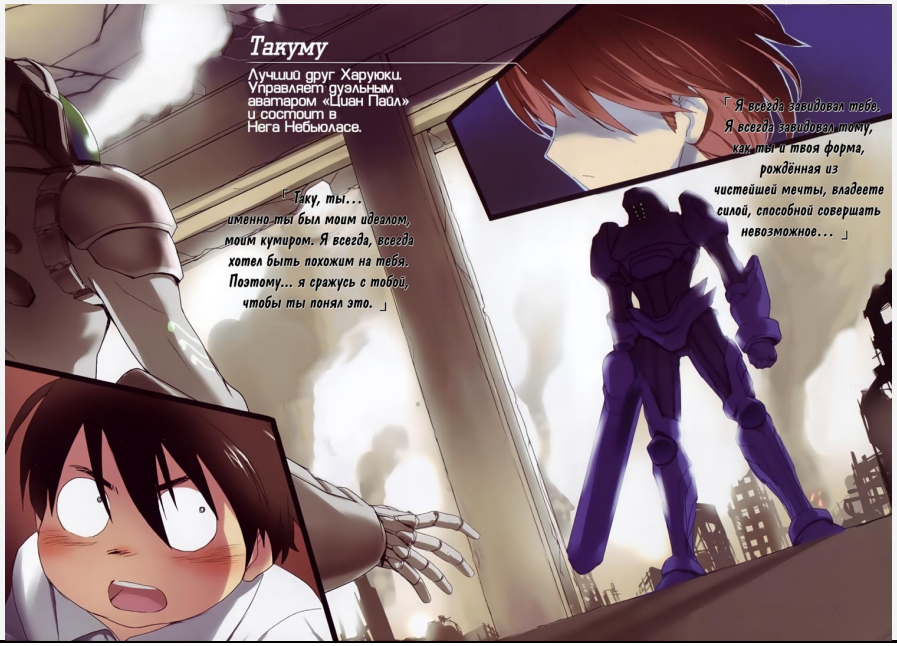
Рэки Кавахара
Ускоренный мир 7
Броня Бедствия

Над переводом работала команда ***RuRa-team***
Перевод с японского: ***arknarok***
Эдит: ***Moxnat***
Контроль качества: ***Soundwave1900***
Редактура: ***Ametrin***

「...Да. Я знаю, я что-нибудь соображу.
Давай возвращаться...
к тем, кто ждёт нас в реальном мире.」
Харуюки
Мальчик из низшей касты средней школы, управляющий аватаром «Сильвер Кроу» с паразитирующей на нем Бронёй Бедствия.
Синомия Утай
Четвероклассница,управляющая аватаром «Ардор Мейден», состоявшем в Старом Нега Небьюласе
「Ку-сан, уверена, тебе уже говорили:
истинная сила в том,
чтобы двигаться вперёд несмотря на
все поражения, падения и ошибки.」

「 Прощу прощения
за бестактность.
Поверьте,
у меня нет
ни малейшего
желания сражаться
с вами. 」
Трилид
Тетраоксид
Таинственный аватар в
виде юного «самурая»,
встреченный внутри
Имперского Замка

「 Хай. 」
「 Х-хэ?!.. 」
Блад Леопард
Бёрст линкер шестого уровня, главный офицер Красного Легиона «Проминенс». Также известна как «Пард-сан».


Такуму
Лучший друг Харуюки. Управляет дуэльным аватаром «Циан Пайл» и состоит в Нега Небьюлесе.
「 Такуму, ты... именно ты был моим идеалом, моим кумиром. Я всегда, всегда хотел быть похожим на тебя. Поэтому... я сражусь с тобой, чтобы ты понял это. 」
「 Я всегда завидовал тебе. Я всегда завидовал тому, как ты и твоя форма, рождённая из чистейшей мечты, владеете силой, способной совершать невозможное... 」

Карта размещения Легионов Ускоренного Мира

«Имперский Замок»
Расположен на месте Императорской Резиденции из реального мира.
С самого своего появления в Ускоренном Мире бёрст линкеры стали называть его «Неприступной крепостью», в которую невозможно попасть.
Врата в Имперский Замок расположены по сторонам света, и невидимая стена мешает попыткам проникнуть внутрь не через них.
Каждые из Врат охраняются Энеми Ультра класса, сильнейшими из сильнейших.
Эти Энеми, которых еще называют «Четырьмя Богами», превосходят по силе даже Энеми Легендарного класса. Попасть в Замок можно лишь одним способом – победить всех четырех одновременно.
Среди бёрст линкеров ходит слух о том, что одно из условий прохождения «Брейн Бёрста» – лишить пятерых бёрст линкеров девятого уровня всех очков и достигнуть десятого уровня. При этом «достижение глубин Имперского Замка» иногда называется еще одним из возможных условий.

Глава 1

Тьма.

Свет прожектора.

Кольцо белого света выхватило огромный тускло-красный круглый столб. К его поверхности прислонялась фигура. Но это был не живой человек. Фигуру покрывала серебристая броня, а голову — такой же серебристый шлем.

Затем слабый свет осветил пространство вокруг него. Ночь. Дрожали огни бесчисленных фонарей. Круглый столб тоже стоял не один — они уходили вдаль бесконечными рядами. Земля вымощена белым камнем. Где-то вдалеке виднелся силуэт какого-то огромного дворца. Серебристый шлем повернулся и окинул дворец взглядом.

«…Тоже мне, «неприступный». Ничего подобного», — мысленно буркнул он. Хотя он сам виноват в том, что оказался здесь.

Увы, вслух он этого произнести не мог. Более того, он не решался сделать даже шага. Малейший звук мог привести к тому, что со всех сторон крепости набегут устрашающие Энеми-самураи.

Каждый из самураев достигал около трёх метров в высоту. Их собратья по Звериному классу, обитающие за стенами, нередко были раз в пять выше, но самураи патрулировали стены и коридоры отрядами по три-четыре Энеми. И вид этих грозно шагающих отрядов устрашал сильнее, чем вид Легендарного Энеми… да что там, они могли поспорить даже с «Четырьмя Богами», охраняющими врата замка.

Естественно, попасть во внутренние дворы Имперского Замка, торжественно высящегося в самом центре неограниченного нейтрального поля, возможно, лишь пробившись сквозь оборону Четырёх Богов. Именно потому он и считался неприступным. Но никто никогда не говорил о необходимости победить этих стражей. Например, можно найти брешь в обороне и прокрасться внутрь. Хотя, уместнее сказать, что возможно воспользоваться удачным моментом.

«Почему нельзя было хотя бы поставить тут точку выхода?..» — произнёс он очередные беззвучные слова, пытаясь заглушить страх и тревогу в своей душе.

Сердце аватара бешено колотилось в груди, но сам он стоял неподвижно в свете крепостных фонарей, освещающих его серебристую, но чуть затемнённую броню. Его ситуация была

совершенно отчаянной. Он никогда ещё не попадал в такую опасную ситуацию с того самого дня, как стал игроком в Брейн Бёрст.

Но, в то же самое время, он ощущал и волнение.

Со дня рождения Ускоренного Мира, с того самого дня, когда таинственный разработчик виртуальной игры-файтинга «Brain Burst» раздал её сотне Токийских первоклашек, прошло уже одиннадцать месяцев. Многие из игроков, дошедших до четвёртого уровня и заслуживших право погружаться на неограниченное поле, бросали вызов этому замку в самом центре мира. Он располагался в красноречивом месте — точно там же, где в реальном мире располагалась императорская резиденция. Его окружал ров, над которым действовала чудовищная гравитация. Всё это указывало на то, что именно он был конечной целью игры. Именно здесь, по мнению детей, находился дом последнего босса.

Но кто бы из игроков в Брейн Бёрст ни бросал крепости вызов, Четыре Бога, Энеми Ультра класса, уничтожали их буквально за один удар.

Генбу на севере. Сэйрю на востоке. Бякко на западе. Судзаку на юге. Это единственные Энеми, имеющие по пять полосок жизней, и, кроме того, обладающие способностью взаимного лечения и усиления. Если конкретнее, каждый Бог, не находившийся в бою, резко усиливал остальных Богов и с огромной скорости восстанавливал их здоровье. Другими словами, сосредотачивать свои усилия на одном из них оказалось бесполезно. Игроки тоже должны были сформировать четыре отряда и напасть на всех Богов одновременно. Но число игроков в Брейн Бёрст ещё не успело дорасти даже до пяти сотен, и большинство из них состояло в крохотных Легионах, враждовавших между собой, поэтому собрать такую армию было совершенно невозможно. А попытки собрать небольшой отряд и попытаться пробиться сквозь одного из Богов заканчивались тем, что аватары попадали в «бесконечное истребление» (кстати, термин появился как раз после этих случаев) и лишались всех очков.

И именно поэтому он так взволнован, ведь, несмотря на непобедимость этих Богов, он смог стать первым человеком, успешно вторгшимся на территорию Имперского Замка.

Кто знает, может, ему удастся проникнуть и в глубины замка, отыскав там последнее сокровище игры, и его имя будет вписано в историю, как имя первого человека, прошедшего Брейн Бёрст.

Ведь до сих пор он был лишь ничем не примечательным аватаром металлического цвета без каких-либо интересных

способностей.

И звали его Хром Фалькон.

Конечно, его имя, переводящееся как «сокол», звучало весьма круто, но из-за своей внешности и способностей ему приходилось жить с репутацией неудачника, недостойного своего имени. Причём неудачником его считали не только противники, но и он сам.

Всё, что ему досталось от хищной птицы — заострённая снизу маска, напоминающая клюв. С учётом того, что остальная часть его маски была гладкой, без глазниц, он производил впечатление какой-то мелкой сошки. Тело ему досталось худое и безоружное. Естественно, ни о каких крыльях на спине не шло и речи.

В бою он опирался лишь на кулаки, ноги, да скорость своего миниатюрного тела. Лишь один человек называл его аватар «милым» — его партнёр по командным боям, Шафран Блоссом. Фалькон никогда не спорил с её словами, но всё же ему хотелось иметь что-нибудь — хоть что-то! — хоть отдалённо сравнимое по силе с её способностью.

Блоссом, как следовало из её имени, могла заставлять цветы цвести. Из маленькой палочки, что она держала в правой руке, она могла распылять семена растений, которые застревали в других аватарах, после чего начинали прорастать. Они обладали самыми разными эффектами: противников эти цветы повреждали, выпивали их энергию и обездвиживали, дружественных аватаров усиливали и освобождали от негативных эффектов. Конечно, некоторые тут же начали называть её способность «атакой паразитического типа», но даже они признавали, что такие удобные и универсальные способности редко встречались среди жёлтых аватаров, специализирующихся на непрямых методах атак.

Естественно, за силу приходилось чем-то расплачиваться, и Блоссом заплатила за свою способность очень низкой защитой. Чтобы компенсировать этот недостаток, Блоссом и начала играть в команде с бронированным Фальконом… но за все те полгода, что они выступали вместе, его всё никак не покидало беспокойство. А именно: что, если ещё более крепкий аватар пригласит Блоссом стать его партнёром?

В отличие от обычного цветового кольца, металлический спектр работал по другой системе. В левой части этого спектра находились благородные металлы, вроде золота и платины, а в правой — простые, вроде стали и железа. Все металлы имели одинаковый потенциал, но благородные характеризовались защитой от яда, кислоты, ржавчины и других «особых» атак, в то

время как простые были лучше защищены от «стандартных» физических атак — кулаков, клинков и так далее.

Хром находился почти в самом центре спектра. Это значило, что он не был хорошо защищён ни от того, ни от другого, и немало металлических аватаров в плане прочности могли дать ему большую фору. Более того, среди аватаров обычного кольца были зелёные, известные высокой защитой, и они вполне могли бы защищать других аватаров лучше, чем он.

Другими словами, если ему нечего было предложить, кроме твёрдости, то однажды он мог потерять Блоссом.

Имя этому чувству, тяжёлым грузом лежащему на его сердце, он не мог подобрать и сам. Ведь несмотря на то, что ему удалось дотянуть до сегодняшнего дня, сражаясь в районе побережья, и то, что его в последнее время стали называть "Сколом из черного серебра", как только заканчивалось ускорение, он превращался в обычного восьмилетнего второклассника. Хотя… разве могло это его оправдывать? Ведь с тех пор, как он заслужил право погружаться на неограниченное нейтральное поле, на котором мог находиться практически вечно, Фалькон, по его собственным оценкам, пробыл на нём уже почти пять лет.

И поэтому он уже начал понимать, что именно чувствует.

Он понимал, ради чего на днях получил пятый уровень. Понимал, почему, получив новую технику, сразу задумался о нападении на Имперский Замок. И он понимал, ради чего он упорно скрывается от Энеми, затаив дыхание, после того, как его план, к счастью или несчастью, сработал. Он делал всё это из-за любви к Шафран Блоссом и нежелания ни с кем ей делиться.

«Если я продолжу тут сидеть, один из отрядов патрульных самураев меня найдёт.»

Высунув маску из тени красного столба, он быстро огляделся по сторонам.

Он прятался в южной части круглого, диаметром в полтора километра, внутреннего сада Имперского Замка, возле дороги от Врат Судзаку к входу в сам дворец. С обеих сторон вход охраняли Энеми, но похожие не на самураев, а на демонов. Пробиться сквозь них, на первый взгляд, казалось совершенно невозможно, поэтому он положил взгляд на одно из окон в белой стене. Очевидно, оно предназначалось не для того, чтобы попасть внутрь, и поэтому снаружи открыть его было возможно, но, если окно было настоящим, это давало ему шанс.

За спиной послышались шаги патрулирующих Энеми. Глубоко вдохнув, Фалькон сделал шаг вперёд, одновременно с этим тихо произнося название техники:

— Флэш Блинк[1].

Как бы он ни старался не шуметь, Энеми явно услышали эти слова, и звуки шагов тут же сменились топотом бегущих ног.

Но чёрно-серебряный аватар уже успел исчезнуть. Оставшаяся за столбом синяя тень исчезла через мгновение, а аватар беззвучно возник у стены в тридцати метрах от своей старой позиции.

Это был спецприём пятого уровня Хром Фалькона, «почти телепорт». На самом деле эта способность была разновидностью сверхскоростного передвижения, и обладала двумя важными ограничениями: он мог перемещаться лишь в то место, которое видел, и на пути не должно было быть разделяющих пространство барьеров. Во время перемещения аватар превращался в кучу бестелесных частиц, на которые не действовали ни физические атаки, ни гравитация.

Прижавшись спиной к белой стене, Фалькон следил за самураями, что совсем недавно пытались его убить. Потеряв след враждебного существа, они какое-то время усердно пытались найти его поблизости, но в итоге сдались и, как ни в чём не бывало, продолжили патрулировать. Фалькон вздохнул с облегчением. Возможно, они и были сильными, но в плане искусственного интеллекта до Четырёх Богов они не дотягивали.

Обернувшись, он заглянул в большое окно на стене.

Его ожидания, связанные с тем, что на неограниченном поле сейчас активен уровень «Эпоха Хейан» в старинном японском стиле, полностью оправдались. Окно сделано из покрашенных красным перекладин, и стекла в нём не было. Каждый квадрат окна имел размеры примерно три на три сантиметра, и никакой аватар не смог бы в такое окно протиснуться, но…

Фалькон посмотрел на шкалы в левом верхнем углу поля зрения. Пять процентов энергии. Двадцать процентов здоровья. Количество здоровья, правда, было неважно — даже с полной шкалой он наверняка не смог бы пережить и одного удара этих самураев.

Тщательно прицелившись, он изо всех сил подпрыгнул и вновь применил Мгновенный Скачок, лишивший его остатков энергии.

Распавшееся на частицы тело Хром Фалькона просочилось сквозь щели окна, проникнув внутрь дворца.

Именно благодаря этой технике он смог провести Богов, проникнув на считавшуюся неприступной территорию Замка. Способ оказался весьма простым. Сначала он заполнил до предела шкалу энергии, а затем направился… вовсе не к мостам, которые охраняли Боги, а к бездонному рву, окружавшему замок. А затем он «скакнул» на максимальное расстояние. Увы, полного

запаса энергии хватает лишь на стометровый скачок, в то время как ров имеет ширину в пять сотен. Так просто его было не перескочить.

Поэтому он прыгал не точно вперёд, а немного вверх, появляясь над рвом. Естественно, его тут же захватывала супергравитация, начиная затягивать на дно бездны и отнимая вместе с этим здоровье. Но этот урон восполнял шкалу энергии, и на определённом этапе он мог скакнуть вверх снова. Этот процесс мог повторяться до полной переправы.

Но, на самом деле, сегодня он собирался лишь разведать, или, точнее, исследовать возможность применения этого метода. Фалькон хотел убедиться в том, реален ли вообще цикл из скачков и перезарядки, после чего умереть на дне бездны, воскреснуть и разработать новый план на основе полученных данных. Всерьёз штурмовать дворец он собирался уже после теоретического оправдания своего плана.

Но в тот самый момент, когда он впервые применил свой спецприём, он осознал, насколько страшно падать в бездонную яму. Забыв обо всём, он начал отчаянно скакать вперёд, и опомнился уже тогда, когда его аватар изо всех сил вжимался в стену замка… так он тут и оказался.

Конечно, он достиг того, чего хотел, но заявить с лёгким сердцем об успехе он не мог.

Одиннадцатимесячная история Брейн Бёрста состояла не только из детей, сражающихся друг против друга, но и из незримого поединка игроков в Брейн Бёрст против таинственного создателя игры. Дети отчаянно искали в системе дыры, лёгкие способы заработать очки. Но как только они их находили, разработчик тут же исправлял эти недоработки в следующем обновлении. Любые трюки, хоть отдалённо попахивающие жульничеством, будь то участки уровней, в которых могли застревать Энеми, или уязвимости, позволяющие пользоваться в игре посторонними программами, чинились настолько молниеносно, что некоторые игроки начали предполагать, что разработчик Брейн Бёрста — не человек, а искусственный интеллект.

В любом случае, было очевидно, что разработчик Брейн Бёрста не поощрял нечестные способы игры… или, точнее, требовал, чтобы игроки платили соответствующую цену за всё то, что даёт им Ускоренный Мир.

А значит, вряд ли ему понравится, что Хром Фалькон нашёл способ перелететь через ров и попасть в «неприступный» Замок, войти в который могли лишь те, кто пробились к вратам. Наверняка он быстро исправит ров так, что даже Мгновенный

Скачок, игнорирующий гравитацию, не сможет ничем ему помочь. Возможно, он уже это сделал…

Выходит, это был его первый и последний шанс.

«Я должен что-нибудь отыскать здесь, чего-нибудь достичь, чтобы стать игроком в Брейн Бёрст, достойным называться партнёром Шафран Блоссом. Чтобы больше не бояться потерять её. Чтобы она была довольна тем, что выбрала меня.

И самое главное, чтобы вознаградить её за то, что она поговорила со мной, что протянула мне свою руку, что так заботилась обо мне, хотя я и в реальном мире, и в Ускоренном боюсь даже голову поднять.»

За окном обнаружился коридор из гладко отполированных досок. На дальней стене виднелась роскошно разрисованная раздвижная дверь. По коридору были равномерно расставлены золотые подсвечники, оранжевый цвет пламени которых едва заметно качался. Энеми не видно… по крайней мере, пока.

Обернувшись, он посмотрел на окно, и обнаружил под ним маленькую защёлку. Вряд ли это просто украшение. Сдвинув её в сторону, он попробовал толкнуть окно, и то с лёгкостью открылось наружу. Как минимум, он нашёл выход из дворца наружу.

Но выходить было бесполезно, ведь портала всё ещё нигде нет. Да и не собирался он отсюда уходить с пустыми руками. Он зашёл слишком далеко, и теперь ему оставалось лишь двигаться вперёд, в самую глубь, рассчитывая на свою силу воли и удачу.

Серебристый аватар затаил дыхание и, пытаясь сокрыть своё маленькое тело во тьме коридора, осторожно пошёл вперёд.

Сколько времени прошло? Часы? Сутки?

Он погрузился на неограниченное поле сразу как пришёл домой из школы, и, в теории, мог провести здесь и дни, и месяцы. Более того, однажды они с Шафран вместе провели на этом поле три месяца подряд. Правда, погружением это назвать сложно. Они на нём жили.

Как бы там ни было, избегать ещё более страшных самураев и жрецов, патрулирующих эти коридоры, оказалось даже сложнее, чем во дворе, и двигаться вперёд получалось с очень большим трудом. Скорее всего, не будь Фалькон таким маленьким, у него бы вообще ничего не получилось. Но вместе с этим он понимал, что замок изначально был рассчитан на десятки, может, даже сотни игроков. Уж слишком широкие у него проходы, и слишком высокий потолок. Несмотря на всё это, Фалькон умудрялся обходить группы Энеми и двигаться вперёд, но сил у него уже почти не оставалось.

Глубокий вдох. Хладнокровие. Поиск следующего островка из тени столба.

Территория Имперского Замка имела диаметр в полтора километра, а расстояние от Врат Судзаку до охраняемого демонами входа — около четырёхсот метров. А значит, с севера на юг дворец не мог иметь длину больше семисот метров. С учётом того, что Фалькон уже успел пройти около полукилометра, уже скоро он должен заметить проход в глубины замка.

И, в конце концов…

Ведущий на север проход вывел его в огромную комнату, на полу которой виднелись таинственные огни.

Два огня, один рядом с другим. Похожие на поверхность воды, они светились прозрачным голубым светом.

Эти цвета были хорошо знакомы ему. Так выглядели точки выхода, расположенные в примечательных местах неограниченного нейтрального поля, точнее, «порталы», которыми они являлись.

Вздохнув с облегчением, Фалькон вдруг сглотнул. Если он выйдет в реальный мир сейчас, то никто не поверит в то, что он побывал внутри Замка, и никакой славы он не снищет. Тогда в чём смысл рисковать жизнью и «скакать» через неприступный ров? Сутками дрожать от страха в тенях и терпеливо ждать?

Хотя…

Нет, на эту миссию его сподвигло вовсе не желание получить осязаемую награду. Он хотел обрести что-то, что смогло бы придать ему уверенности. Что-то, что дало бы ему сил гордо стоять рядом с Шафран Блоссом.

И он уже сделал достаточно. Он проник в самую опасную зону Ускоренного Мира, пробился в её глубины и выжил. Даже если никто другой ему бы не поверил, само осознание этого факта придавало бы ему сил. Он совершил то, что не удавалось ещё никому, даже «Монохромам», стремившимся стать сильнейшими среди всех игроков.

Кроме того, если подумать, то масштабный, полный тайн Брейн Бёрст никогда не рассказывал, что произойдёт, когда он окажется «пройденным». Возможно, на весь мир объявят, что такой-то прошёл игру, ему дадут очков, подарят какое-нибудь снаряжение, и мир продолжит жить дальше… но нельзя исключать и варианта, что вместо этого заиграет прощальная музыка, побегут титры, перед глазами высветится слово «Конец» и Брейн Бёрст немедленно удалится со всех нейролинкеров. Естественно, они с Блоссом никогда не встречались в реальности и не обменивались контактной информацией, а значит, больше

никогда не увидятся.

Именно поэтому, даже если бы Фалькон нашёл в этом замке «финальный» предмет, он бы, пожалуй, не стал к нему притрагиваться. Его и так всё устраивало. Вернуться с этого задания живым уже было для него величайшей наградой…

Но пока ничем не примечательный (но считавший себя особенным) металлический аватар убеждал себя, незримые боги Ускоренного Мира словно решили сжалиться над ним.

Когда аватар собрал остатки концентрации и ещё раз оглядел комнату, он обнаружил, что в ней располагались не просто порталы.

Да, те два овала, мерцающих голубым светом — однозначно точки выхода, ничем не отличающиеся от тех, что встречались снаружи замка. Но перед каждым из них стояло по одному странному объекту.

Чёрные, блестящие постаменты… вернее, пьедесталы, примерно, метровой высоты. И на каждом из них что-то находилось. Стараясь не издавать лишних звуков, Фалькон подошёл к левому.

Он осторожно поднял глаза и увидел… меч, освещаемый светом портала. Меч чем-то походил на катану рукоятью, но, судя по ножнам, очевидно, он был совершенно прямым. Сделанный из металла, блеском похожий на серебро. И украшен небогато.

Но одного взгляда на меч было достаточно, чтобы понять, какую невероятную силу он таит в себе. Если это — Усиливающие Снаряжение, то оно относится к наивысшему по качеству классу… а может, и вовсе принадлежит классу, у которого ещё нет названия. Он выглядит так, словно его мощь может поспорить даже с Энеми Легендарного класса… а может, даже с Четырьмя Богами.

С трудом отведя взгляд от клинка, Фалькон посмотрел на сам пьедестал, на котором тот покоился.

В чёрный гранит врезалась плита с рисунком и символами.

Вверху плиты размещалась фигура из семи точек, соединённых линиями, напоминавшая завалившуюся на левый бок букву «Р». Похожий рисунок он видел в школе, когда они на одном из уроков рассматривали созвездия. Четырехугольник из четырёх звёзд рядом с хвостом из ещё трёх — знаменитый Большой Ковш. А приглядевшись ещё внимательнее, Фалькон заметил, что одна из звёзд «рукояти», пятая слева в созвездии, нарисована крупнее остальных.

Под созвездием обнаружилось странное слово. Хотя все надписи в Брейн Бёрсте делались на английском, эта, по какой-то причине, оказалась исключением. «Алиот». Фалькон не имел ни

малейшего понятия о том, что это значит.

Наконец, под этим словом была ещё одна строка, и вот она была уже на английском.

«THE INFINITY».

Это слово, означавшее «Бесконечность», он уже смог понять. Скорее всего, это и есть системное название клинка. Несколько раз проговорив название про себя, Фалькон сделал несколько шагов вправо и осмотрел второй пьедестал.

На нём он обнаружил защитное снаряжение, оформленное в отчётливо западном стиле…

Другими словами, броню.

Она не выглядела ни тяжёлой, ни толстой. Будь Фалькон в обычной MMORPG, он бы определил её как лёгкую броню. Вместо шлема у неё была диадема. Компоненты брони — нагрудник, наплечники, нарукавники — были очень маленькими. Нижняя часть брони и вовсе состояла лишь из наколенников и ботинок. Но при этом броня не казалась дешёвой. Как и меч, она выглядела зеркально-серебристой и, казалось, таила в себе достаточно силы, чтобы отразить любую атаку. Даже сам воздух вокруг нее будто искажался. Металлическая броня Хром Фалькона не годилась ей и в подмётки.

С трудом удержав вздох, он перевёл взгляд на плиту.

По своему виду она почти ничем не отличалась от плиты под мечом. Наверху располагалось рельефное изображение Большого Ковша. Но в этот раз выделена была уже шестая слева звезда. Слово под созвездием гласило: «Мицар». Смысл его вновь остался для Фалькона загадкой.

А в нижней части плиты было написано название брони…

«THE DESTINY». Другим словом — «Судьба».

Прочитав плиту, Фалькон отступил на шаг, и в этот раз всё же позволил себе вздохнуть.

Перед ним было Усиливающее Снаряжение высшего класса. Меч и броня.

Он мог протянуть руку и забрать его. Истории о том, как кто-то находил на неограниченном нейтральном поле «подземелья» с похожими пьедесталами, передавались в Ускоренном Мире из уст в уста.

Но кое-что беспокоило его. Ведь не просто так за каждым из артефактов находилось по порталу? Он был практически уверен в том, что только он коснётся одной из вещей, как

соответствующий портал немедленно вернёт его в реальный мир.

Более того, помимо такого метода активации, порталы наверняка были одноразовыми, и кроме того, блокировали соседний пьедестал во время срабатывания. Это означало, что за один раз нападавшие на замок игроки могли выбрать либо меч, либо броню. Такой выбор был вполне в духе игры.

Хотя Фалькон ещё несколько минут назад убедил себя в том, что ему будет достаточно самого факта того, что он пробрался сюда, этот аргумент с трудом работал, когда снаряжение находилось на расстоянии вытянутой руки. В конце концов, Фалькону было лишь восемь лет. Ну, или тринадцать, с учётом проведённого в Ускоренном Мире времени. Кроме того, очевидно, что просто воспользоваться порталом, не взяв ни одну из вещей, не выйдет.

Но какую же выбрать?

Наверняка и меч, и броня сделали бы его на порядок могущественнее. Но он не видел смысла в том, чтобы просто становиться сильнее. Он всегда действовал исходя из того, что будет сражаться бок о бок с Шафран Блоссом. Защита Блоссом была для него смыслом жизни. А раз так… меч? В чём смысл надевать броню на изначально крепкого аватара?

Он зёнес ногу, намереваясь сделать шаг в сторону пьедестала с надписью «THE INFINITY»… но замер.

Защищать Блоссом. Если он действительно этого желал, то существовало ещё более правильное решение. Он мог улучшить её броню, чтобы она больше никогда не боялась вражеских атак.

Сжав правый кулак, Фалькон ударил себя в грудь, прогоняя корысть и малодушие, после чего протянул руку к покоящейся на правом пьедестале броне.

Едва его пальцы коснулись брони, как перед глазами с тихим звуком всплыло фиолетовое системное сообщение.

«YOU HAVE RECEIVED ENHANCED ARMAMENT “THE DESTINY”».

Броня рассыпалась на частицы света, и одновременно с этим портал начал расширяться, окутывая Хром Фалькона.

Тьма.

Свет прожектора.

Кольцо белого света выхватило, не сказать, чтобы широкую, но приятную на вид комнату.

Стены и пол из отполированных досок. Чёрная плита для приготовления еды в уголке. Закипающий на ней чайник. Большая кровать с белыми простынями в противоположном углу. Два человека, сидящих на ней.

Опять же, это не живые люди. Одного покрывала мутная серебристая броня. Второй же носил броню настолько яркую и жёлтую, что был похож на солнце. Короткие волосы, узкие плечи, похожее на бутон утолщение чуть ниже талии.

Серебристый аватар сидел, свесив голову, словно провинившийся ребёнок, а солнечный аватар очаровательно размахивала над ним кулачком.

— О-о-ох, какой же ты дурачок! — она в очередной раз постучала кулаком по шлему.

Аватар в ответ вжал голову в плечи и снова начал оправдываться:

— Я же говорил, я просто собирался проверить.

— Тогда что мешало тебе вернуться обратно таким же методом?! Зачем ты решил вместо этого потащиться внутрь замка?!

— Н-ну, у меня оставалось мало здоровья… и я не был уверен в том, что если я умру на середине рва, то меня воскресит снаружи…

— Даже если бы ты воскрес внутри, ты очнулся бы с полным здоровьем. И уже после этого смог бы ускакать обратно!

— Э-э… д-да, здесь ты права…

Логика его партнёра не оставляла ему никаких шансов на победу в споре. Аватар опустил плечи и тяжело вздохнул. Следующего удара кулаком не последовало. Вместо этого, нежная ладонь медленно погладила его по шлему.

— Хотя… твоя решимость штурмовать замок и твоя внимательность, позволившая тебе дойти до конца и вернуться живым, достойны похвалы. Молодец, Фаль.

Нежный голос заставил его ощутить тяжесть в груди и поднять голову. Перед его глазами появилась очаровательная улыбающаяся маска Шафран Блоссом.

— С… спасибо, Фран, — прошептал он, глядя в бледно-голубые линзы её глаз.

Блоссом смущённо повела плечами, убрала руку и поднялась.

— Я сделаю тебе чаю. А, и в честь твоего возвращения поедим тортик. Я недавно купила его в магазине еды в Гинзе, он выглядел вкусно.

Фалькон проводил взглядом свою партнёршу, направившуюся в сторону кухонного уголка. Он ничего ей не ответил — сильные чувства словно запечатали его рот.

Они находились на неограниченном нейтральном поле, в районе побережья, в реальном мире это место соответствовало острову Одайба. Их домик находился на самом уголке острова, и

ради того, чтобы купить его, они несколько лет (по меркам Ускоренного Мира, конечно) вместе охотились на Энеми. Если честно, Фалькон думал, что эти очки лучше вложить в новый уровень или новую экипировку, но в тот самый момент, когда они впервые зашли в новый дом, и он увидел радость на лице Блоссом, эти мелочные мысли моментально вылетели из его головы.

Ещё год они потратили на покупку мебели, и теперь эта комната казалось Фалькону роднее и уютнее, чем его дом в реальном мире. В своей квартире он был одинок — у него нет ни братьев, ни сестёр, а родители возвращались домой поздно. Но здесь рядом с ним всегда находилась Блоссом.

Почему она всё это время так настаивала на покупке дома?

Причину Фалькон узнал около месяца назад (по реальному времени).

Шафран Блоссом с самого рождения страдала от митохондриальной недостаточности. Болезнь эта наследственная, и даже самые современные нано-машины ничем не могли ей помочь. Пока что болезнь проявлялось лишь в утомляемости и головных болях, но со временем она должна перерасти в судороги и паралич. Врачи считали, что до совершеннолетия она не доживёт, так как клеточные мутации однажды доберутся и до сердца. Поэтому она с самого рождения носила только-только поступившие в продажу нейролинкеры ради того, чтобы врачи могли следить за её состоянием.

Всё это она рассказала ему, сидя рядом с Фальконом на той же постели, на которой он сидел сейчас. Тогда он тоже ничего не смог ей ответить. Улыбнувшись, Блоссом сказала ему:

«Не грусти так, Фаль. Если со мной что-то и случится, это будет лишь лет через десять, а может, и все пятнадцать. Кроме того, у нас с тобой есть Брейн Бёрст, правда? Я смогу прожить в Ускоренном Мире полноценную, хоть и чужую, жизнь. Куплю милый, аккуратный домик и буду жить в нём вместе с любимым человеком…»

Затем она вновь смущённо улыбнулась. Фалькон, не сдержавшись, спросил: «Ты про меня?», за что она его от души поколотила.

Он был счастлив. Но в то же время он боялся. Действительно ли она им довольна? Действительно ли Хром Фалькон достоин того, чтобы прожить с Блоссом её «жизнь»? Именно этот страх и довёл его до вчерашнего опрометчивого штурма Имперского Замка.

И именно поэтому он, вернувшись из замка живым и глядя на то, как его напарница готовила чай и торт, был вынужден

посмотреть ей в глаза и спросить:

— Слушай… Фран. Всё-таки… почему я? У меня нет никаких примечательных способностей, и даже среди металлических аватаров я середнячок. Почему ты выбрала меня?

На лице Блоссом проскочило удивление, а затем она тут же надула губы.

— А-а, так ты уже забыл, Фаль?! Это ведь ты первым пригласил меня на командный бой! Ты стоял среди зрителей и сказал это так тихо, что мне пришлось несколько раз переспрашивать!

— Э… м, может быть.

Фалькон отчаянно раскапывал воспоминания, но с его точки зрения эти события случились целых пять лет назад. Он всё же смог найти то смутное воспоминание, и в нём Фалькон, действительно, заговорил с Блоссом сам. «И хватило же мне смелости…» — подумал он и ощутил на коже виртуальный пот. Блоссом поставила на место чайник, а затем подошла и положила руки на его плечи.

— А теперь спрошу я. Почему ты выбрал меня? Ведь у меня тогда не было ни единой техники, я была просто ходячей мишенью для дальнобойных аватаров. Почему я?

«Я не знаю, как это сказать. Я решил так в тот самый момент, когда впервые увидел тебя.»

Но эти мысли и чувства, наполнившие Фалькона, не смогли укрыться от взгляда Блоссом, долгие годы выступавшей с ним в одной команде. Солнечный аватар нежно улыбнулся, обхватил руками голову Фалькона и крепко прижал её к груди.

— И я… я тоже так подумала. Других причин нет, и я никогда не сожалела о своём выборе. Давай пить чай… а потом выйдем к морю. Сейчас активен «Закат», и снаружи должен быть великолепный вид.

Тьма.

Свет прожектора.

Кольцо белого света выхватило две жмущихся друг к другу фигуры. Одна — хромировано-серебристая, а другая — шафраново-жёлтая.

Зажегся свет, освещая бесконечно уходящий вдаль пейзаж. Тихое море, закатывающееся за горизонт солнце. Блики, пляшущие между волн. Цвет этих бликов удивительно похож на оттенки, которые аватары обрели в лучах заката.

Вид на закатную Токийскую Бухту, открывающийся с южной окраины Одайбы, а конкретнее, с побережья парка Акацукифуто,

настолько красив, что невольно возникали сомнения в том, действительно ли его воссоздали на основе изображений с социальных камер.

Но, в отличие от реального мира, здесь не летали бесконечным потоком самолёты, кружа возле аэропорта Ханеда. Вместо них на фоне оранжевого неба парили похожие на птерозавров Энеми. И волны с горизонта в залив гнал не проплывающий кит, а плезиозавр.

Каждый раз, когда он стоял рядом с Блоссом и окидывал взглядом пейзажи неограниченного нейтрального поля, в его голове возникал один и тот же вопрос.

Для чего вообще создан этот мир? Что у него за цель, ради которой сюда приглашаются только маленькие дети?

Мозг младшеклассника не мог даже представить, сколько денег нужно на разработку и поддержку такой гигантской системы. И, в то же время, ни один игрок в Брейн Бёрст ещё не отдал за игру ни копейки. Ходили слухи о том, что эта игра служила экспериментальным исследованием одной из игровых компаний, и о том, что это своеобразный маркетинговый приём рекламных компаний, но все эти теории разбивались о простой факт: игроков слишком мало.

Год назад около сотни детей получили от неизвестного источника файл с игрой. Им дали особое право — становиться «родителями» неограниченное количество раз, но только после достижения второго уровня. Естественно, до него дошла лишь треть игроков: тридцать человек. Затем они начали распространять игру в сообществах детей-геймеров, и к сегодняшнему дню количество проживающих в Токио игроков доросло примерно до пятиста. Но любой серьёзной компании такая цифра показалась бы ничтожной.

Кроме того, условия, которые необходимо выполнить, чтобы начать играть в Брейн Бёрст, слишком суровые. Детей, носивших нейролинкер с рождения и имевших большой опыт фулл дайва, было не так уж и много. Вообще, у Брейн Бёрста есть модуль проверки на совместимость. Можно соединиться с желаемым человеком в проводную или местную сеть под предлогом передачи файла, а самому тем временем проверить, выполняются ли для него эти условия, но Фалькон за всю свою жизнь так и не нашёл ни одного человека, который смог бы пройти проверку. Поэтому к 5 уровню он совершенно забросил попытки стать «родителем».

Зачем? Для чего был создан этот мир с бесконечным временем и пространством?..

— Ты снова задумался, Фаль? — вдруг прошептала

прижавшаяся к нему Шафран Блоссом.

Резко заморгав, Фалькон прервал свои мысли.

— А… угу… на обычных полях это ещё не так заметно, но когда я так смотрю на неограниченное поле, я всегда задумываюсь. Куда оно ведёт меня… всех нас?

— Это да… я понимаю, о чём ты… наверное. В последнее время, когда я разговариваю с родными и друзьями, они часто странно на меня смотрят. Я стараюсь вести себя, как обычно, но то и дело произношу слова, которые раньше не использовала и тому подобное… — опечаленно произнесла Блоссом и свесила голову.

Фалькон обнял её за плечо.

— Ну… ничего не поделаешь. Мы ведь пробыли… прожили в этом мире уже пять лет. За это время мы много чего увидели, много о чём говорили, много о чём думали. Наши души уже старше душ шестиклассников. Но… может, не всё так плохо. Не изменись я за эти годы, я бы постеснялся не то что говорить, а даже находиться с девочкой вроде тебя в одном месте.

— Хе-хе. С моей точки зрения ты все ещё ребёнок, Сокол.

Блоссом кратко усмехнулась, но затем её голос вновь погрустнел.

— Фаль… ты уже слышал?.. О том, что происходит с игроками после того, как они лишаются всех очков, и Брейн Бёрст автоматически удаляется?..

Этот шёпот заставил Фалькона напрячься. Но он тут же расслабился и постарался как можно спокойнее ответить:

— Если ты про то, что лишившиеся игры игроки теряют все связанные с ней воспоминания… мне кажется, это просто слухи. Это звучит слишком нереально. Разве может программа вмешиваться в воспоминания человека?..

— Но ведь и в то, что она может ускорять мысли в тысячу раз, поначалу тоже никто не верил. Если честно, по-моему, я так до конца и не поняла, как это работает. А раз так, то, может, возможно и «стирание памяти»?..

Фалькон, который тоже не слишком хорошо понимал базовые технологии Брейн Бёрста, в ответ на это был вынужден промолчать.

Оба они принадлежали той самой группе «первых игроков в Брейн Бёрст», которых, по подсчётам, осталось уже меньше двадцати. У них нет «родителей», и никто из них двоих так и не завёл «детей». Поэтому ни у кого из них не было шанса проверить, действительно ли слухи о стирании памяти после потери Брейн Бёрста правдивы.

И даже если бы у них появился шанс, убедиться в том, что это

правда, не так-то просто. По тем же слухам, ушедшие из Ускоренного Мира люди не то чтобы полностью теряли связанные с Брейн Бёрстом воспоминания. Они теряли интерес к нему и забывали все касающиеся его детали. Другими словами, у них в памяти не оставалось пустого пятна, которое бы моментально встревожило окружающих. Это, так сказать, «смягчённое» стирание памяти.

И эта процедура вполне могла быть куда страшнее настоящей потери памяти.

Это значило, что в один день человек просто забывал обо всех сильных узах, которые связывали его с товарищами по Легиону, с «родителем», «ребёнком» и другими друзьями… и терял к ним всякий интерес. Он просто начинал считать этих людей ничем не примечательными знакомыми. И, по сравнению с этим исходом, полная потеря памяти кажется гораздо более привлекательной. Ведь она хотя бы даёт небольшой шанс повторно познакомиться с человеком и вновь подружиться с ним…

От этих мыслей аватар вздрогнул, словно от холода. До ушей донёсся ещё более приглушенный шёпот:

— Фаль. Ты знаешь, наверное, я скоро заведу «ребёнка».

— Э?..

Неожиданные слова заставили его повернуть к партнёрше голову. Блоссом смущённо улыбнулась, но затем вновь продолжила тихим голосом:

— До сих пор я не была уверена в том, что смогу защитить его, и потому не осмеливалась. Но с недавних пор мы научились уверенно побеждать в дуэлях и освоили приёмы охоты на Энеми. Даже если мой ребёнок будет в опасности по очкам, я смогу ему помочь. Естественно, я не собираюсь снабжать его очками безвозмездно. Как только он дойдёт до 4 уровня, он отплатит их охотой.

— А-а… ага, понятно…

Фалькон кивнул. Он знал, что Блоссом наверняка станет строгой, но в то же время заботливой мамой… вернее, «родителем». Сама Шафран Блоссом же вновь устремила свой взгляд к тихоокеанскому горизонту Токийской Бухты и вновь произнесла нечто поразительное:

— И ещё, это долговременный план, но однажды я хочу основать Легион.

— Э?.. Ты хочешь власти над территорией? — тут же спросил Фалькон, но шафрановый аватар резко замотал головой.

— Нет-нет. Ну, если территория Одайба никому не нужна, я, может, и объявлю её своей, но Легион я хочу не поэтому. Это будет невоенный Легион… я хочу, так сказать, организовать

Легион взаимопомощи.

— Легион… взаимопомощи?

— Да, именно. Помнишь, я говорила, что помогу ребёнку, если у него будут проблемы с очками, в обмен на то, что он вернёт их мне позже? И вот я подумала, а нельзя ли организовать то же самое в больших масштабах?

Начав понимать, к чему она клонит, Фалькон резко повернулся в её сторону. Блоссом неспешно повернулась, взяла Фалькона за руки и с ещё более серьёзным лицом сказала:

— Фаль… смотри. Мы ведь начали ходить парой с самого первого уровня, так? Мы самозабвенно сражались и достигли второго уровня. Затем третьего, потом четвёртого. А когда опомнились, оказались уже на пятом. Но ты понимаешь, насколько нам повезло добраться до него? Неприятно об этом думать, но… на другой стороне наших уровней — игроки, лишившиеся всех очков и изгнанные из Ускоренного Мира…

— …

Да, она права. Никто не знал, сколько игроков лишилось всех очков к настоящему времени, но из «первой сотни» выжил лишь каждый пятый.

Произнесённые ею слова оказались такими тяжёлыми, что Фалькон не нашёл даже обнадёживающего ответа. Маленькие ладони, державшие его руки, ласково погладили запястья Фалькона, и послышался мягкий шёпот:

— Прости меня, Фаль. Я не сожалею о том, что мы сделали. Ведь Брейн Бёрст — это файтинг. Кто-то должен выиграть, кто-то — проиграть. Но… но то, что обнуление очков ведёт к потере и игры, и памяти о ней, после чего ты уже никогда не сможешь вернуться в этот мир… это слишком жестоко. Я видела немало людей, у которых осталось мало очков, и они удовольствия от боёв точно не получают… но что же это за игра, которая не приносит удовольствия?..

«Возможно, именно в суровости правил, по мнению разработчика, и состоит суть игры», — пронеслась в голове Фалькона мысль, но он не высказал её, вместо этого спросив:

— И поэтому… ты хочешь сделать «Легион взаимопомощи»?..

— Да… мы накопим большое количество очков и будем делиться ими с попавшими в беду людьми. Когда опасность минует, они вернут их в ходе совместных охот. За эти пять лет я поняла принципы охоты очень хорошо, даже слишком. Освоенные нами трюки должны значительно сократить количество неудачных охот.

— Но… но раз так, — Фалькон отчаянно пытался воссоздать в голове все мысли, которые вложила в свою идею Блоссом, и они

привели его к вопросу, которые он с опаской и задал: — Если все игроки вступят в Легион взаимопомощи… то больше не будет игроков с иссякшими очками. Очки на ускорение и новые уровни будут приходить из охоты на Энеми… ты думаешь, это возможно?

— Возможно. Я уверена, что смогу… нет, что должна сделать это.

Бледно-голубые глаза Шафран Блоссом, похожие на весеннее небо, никогда ещё не светились такой уверенностью.

— Недавно… до меня дошёл отвратительный слух. Некоторые Легионы ищут по магазинам игр и паркам развлечений детей, способных ускоряться, а найдя, сразу же пересылают им Брейн Бёрст…

— Э… это, конечно, грубый метод, но я не вижу ничего особенно плохого в том, чтобы таким образом пополнять ряды своего Легиона…

— Дело не в этом. Они вовсе не собираются делать этих «детей» своими друзьями и товарищами… они ничего не объясняют им про Брейн Бёрст, а просто вызывают их на дуэль через прямое или местное соединение, забирая все их очки… и сразу же доводя их до автоматического удаления игры…

— Чт…

У него спёрло дыхание. Это уже даже не «вымогательство». Это «охота». Но не на Энеми… эти люди охотились на игроков.

Блоссом вгляделась в глаза лишившегося дара речи Фалькона и напряжённо произнесла:

— Если это так… то это неправильно. Даже если система такое допускает, это всё равно неправильно. Пусть я всё ещё бессильна… но… но я должна, пусть понемногу, но делать хоть что-то. Я не знаю, сколько времени на это уйдёт, но я сделаю «ребёнка», попробую поддерживать его очками, создам Легион… чтобы однажды все мы смогли дружно играть в этом мире, улыбаясь и радуясь ему…

Когда Фалькон опомнился, руки Блоссом уже крепко обнимали его.

Он нагнулся к маленькому аватару, прижавшемуся к его груди и уверенно прошептал:

— …Я помогу тебе. Пусть слово «бессильный» подходит мне ещё лучше, чем тебе… но я обещаю. Я сделаю всё, что смогу, ради тебя, ради всего этого мира. Брейн Бёрст — это файтинг, игра, а игра должна приносить удовольствие. И… я ощущал это удовольствие, когда сражался бок о бок с тобой, Фран. С тех пор как я встретился с тобой, я начал с нетерпением ждать каждого нового дня. И я хочу, чтобы все игроки ощутили то же самое…

— Да. Да… мне тоже нравилось сражаться с тобой, Фаль. И я

знаю, что и будет весело. Мы должны поделиться этой радостью с миром. Вместе мы справимся… — ответила она дрожащим голосом.

Фалькон прижал её к себе, а затем осторожно отпрянул.

Он выставил вверх палец, прося её немного подождать, и коснулся шкалы здоровья в верхнем левом углу. Из появившегося меню он перешёл в инвентарь, пробежался по нему взглядом, а затем нажал на одну из вещей, превратив её в объект.

Объект этот выглядел как сверкающая серебром карта. Большинство вещей на неограниченном нейтральном поле сначала выглядят похожим образом, и Усиливающее Снаряжение — не исключение. Когда снаряжение обнаруживается в сундуке или после смерти Энеми, оно выглядит как карта. И хозяином этого снаряжения становится тот, кто первый наденет его.

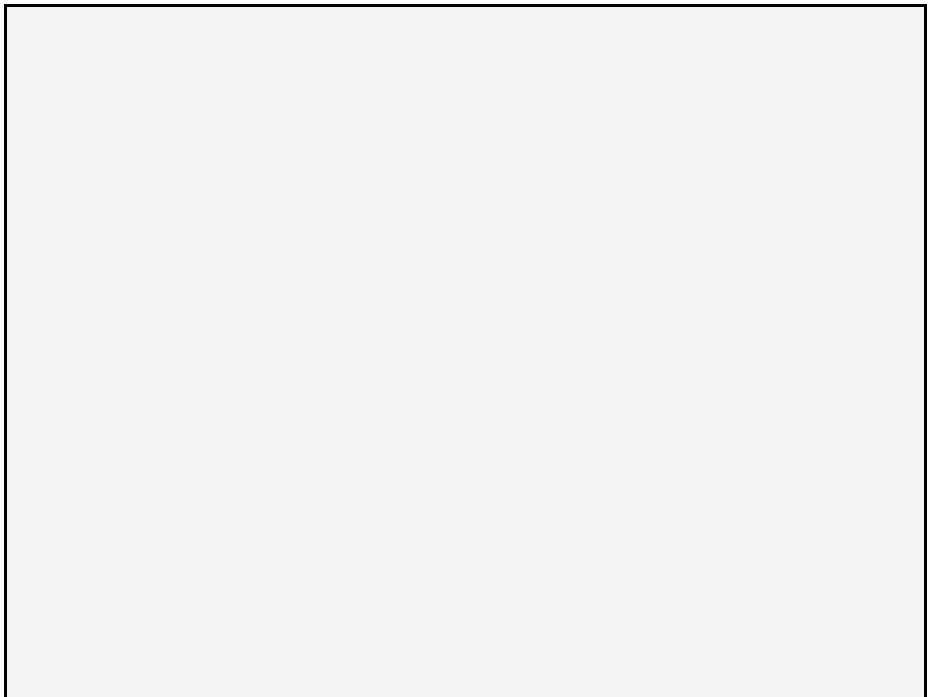
Взяв карту в руки, он протянул её Блоссом.

Спереди на карте была надпись мелкими буквами: «THE DESTINY». Это была та самая серебряная броня высшего качества, которую он нашёл в глубинах Имперского Замка.

— Фран, я дарю тебе её. Уверен, она поможет тебе исполнить твою мечту…

Блоссом осторожно подняла руки, и Фалькон вложил в них карту.

Он ещё не знал, насколько сила этой карты исказит их судьбу…



Тьма.

Свет прожектора.

Кольцо света выхватило миниатюрную фигуру.

Она, шафраново-жёлтая, напоминающая своим цветом лучи весеннего солнца. Но на некоторых участках её тела были заметны незнакомые серебристые детали.

Аватар низко склонил голову с короткими, похожими на распустившийся бутон волосами. Руки широко раскинуты в стороны, ноги бессильно свисали. Несмотря на неустойчивую позу, фигура стояла совершенно неподвижно. Что-то держало её сзади.

За её спиной был… крест, сделанный из тончайших, матово-чёрных досок. Неведомая сила словно магнитом прижимала к нему фигуру.

Наконец, свет осветил пространство вокруг.

Земля отсвечивала зелёным металлическим блеском. Похожим образом блестели и таинственные жуки, ползущие по ней. Крест установлен на дне широкой впадины. Стала видна огромная щель возле креста, стенки которой были влажными от какой-то прозрачной, липкой жидкости.

Свет стал сильнее.

На границе круглого тридцатиметрового кратера стояло кольцо из нескольких десятков фигур. Они не двигались, не разговаривали, а лишь молча смотрели на крест. Они словно знали, что сейчас произойдёт. Они почти не дышали и внимательно смотрели — либо они боялись того, что должно случиться, либо предвкушали это.

Одна из фигур, в отличие от остальных, лежала на земле.

Небольшая и отдающая блеском почерневшего серебра. Тонкие руки и ноги, круглый шлем. Фигура пыталась подняться и скребла металлическими пальцами по земле. Но сдвинуться не могла. Две матово-чёрные плиты, подобные тем, из которых был сделан крест на дне кратера, надёжно удерживали её на месте.

Вдруг ползающие по кратеру насекомые разбежались по сторонам, словно испуганные паучата, и скрылись в многочисленных трещинах.

Низкий, тяжёлый гул начал раздаваться из щели в центре кратера.

— Прекратите… прекратите, прекратите-е-е!!! — пытался кричать он десятки, сотни раз, но слова его каждый раз бессильно растворялись в небесах неограниченного нейтрального поля.

Земля перед его глазами была усеяна царапинами, сделанными его же пальцами. Но как бы он ни старался, двигались лишь руки по локоть. Две чёрные плиты, сжимавшие плечи Хром Фалькона, не были толстыми, но сжимали его с невероятной силой подобно гигантским тискам.

Но ещё более невероятным было то, что тот же самый игрок, что взял его в плен, одновременно с этим поддерживал и тот самый крест на дне кратера, который обездвиживал Шафран

Блоссом.

Её голова понуро висела. Казалось, у неё уже не осталось сил сопротивляться. И её можно понять. За последние минуты она перенесла такие кошмарные мучения, которых до того не испытывала за всю свою жизнь в Ускоренном Мире.

То же самое можно было сказать о яростном гневе и отчаянии в сознании Фалькона — таких эмоции он не испытывал никогда.

— Прекратите… прекратите, остановитесь… — раздавался сдавленный голос сквозь стиснутые зубы.

Одновременно с этими словами пальцы аватара прорисовали новые царапины в твёрдой земле «Чистилища». Но аватар не смог сдвинуться. И от этого бессилия отчаяние становилось ещё глубже.

Он ощущал вибрацию всем своим телом. Оно возвращалось.

Из самого центра кратера, из двухметровой щели около креста с Блоссом, пыталось вылезти нечто. Вначале появилась дюжина заострённых щупалец, медленно извивавшихся в воздухе. Затем во тьме загорелись два ряда красных точек. Свет их, полный неистового голода, принадлежал глазам создания. Как только щупальца коснулись тела Блоссом, эти глаза резко вспыхнули. А затем…

Разбрызгивая вокруг себя липкую жидкость, из щели с влажным звуком быстро выполз гигантский червь. Это был представитель сильнейшего (за исключением «Четырёх Богов») класса Энеми Ускоренного Мира — Энеми Легендарного класса, адский червь «Ёрмунганд».

Встретиться с ним можно было только на органических уровнях вроде «Чистилища», «Эпидемии» и «Прогнившего Леса», но каждая из этих встреч практически гарантировала смерть. Правда, в отличие от многих Энеми, Ёрмунганд обладал крайне ограниченным ареалом, распространявшимся лишь на тридцать метров вокруг его щели. Появление на уровне занимало у него около десяти секунд, чего вполне достаточно для того, чтобы сбежать с ареала сразу после воскрешения. Если, конечно, ты не обездвижен чьими-то техниками.

Ёрмунганд приближал свою голову к распятой на чёрном кресте Шафран Блоссом. Под шестнадцатью глазами, похожими на красные фонари, был окружённый щупальцами круглый рот. Внутри него виднелись несколько рядов похожих на лезвия пилы клыков. Продолжая истекать вязкой жидкостью, рот приближался к миниатюрному аватару. Блоссом на мгновение вздрогнула, но затем склонила голову ещё ниже.

— Прекра… ти… прекрати-и-и-и!!! — раздался хриплый голос из-под шлема Фалькона, но лишённый разума Энеми не мог

его услышать.

Червь широко разинул свой метровый рот над головой Блоссом. Вязкая слюна стекала на жёлтую броню, превращаясь в белый дым, когда касалась её. Эта жидкость временно ослабляла защиту аватара, на которого попадала. Серебристая броня Блоссом начала резко тускнеть. Словно ожидавший этого момента Ёрмунганд заглотил распятое на кресте тело Блоссом.

Мир перед глазами Фалькона, красный от пылающих в нём чувств, наполнили душераздирающие вопли его закадычной партнёрши.

Сила «Судьбы» оказалась гораздо выше, чем они могли себе представить.

Она давала полную защиту от любых физических атак — рубящих, ударных, колющих, пуль, взрывов и так далее. Энергетические и лазерные атаки она отражала обратно. К холоду, жару и электричеству — абсолютно устойчива. Урон ей могли нанести лишь кислотно-коррозийные атаки, бич любого металла, но аватаров с такими способностями практически не было. Аватара в этой броне можно без преувеличения назвать неуязвимым. Этот уровень защиты пугал.

Но, если подумать, то получить её мог лишь аватар, пробившийся через «Четырёх Богов» и проникший в самые глубины Имперского Замка. Её можно назвать «финальной экипировкой» Брейн Бёрста. Но игра всё ещё находилась на заре своего существования, а Фалькон смог получить её лишь благодаря случайностям, удаче и ошибке игры. На данном этапе эта сила действительно должна казаться невероятной.

Даже сама Шафран Блоссом, завладевшая «Судьбой», испугалась силы этого артефакта, способного уничтожить баланс всей игры. Красные и синие аватары, которые раньше убивали её чуть ли не с одного удара, теперь могли лишь едва поцарапать её даже самыми сильными спецприёмами. Уже через несколько дуэлей по Ускоренному Миру пошли слухи. Блоссом завалили просьбами продать броню и приглашениями от сильных Легионов. Естественно, звучали и обвинения в жульничестве.

Если бы Блоссом, как и раньше, не собиралась заниматься ничем кроме командных боев на пару с Фальконом, она бы запечатала «Судьбу» или каким-либо способом уничтожила её.

Но теперь у неё была заветная мечта. Создать «Легион взаимопомощи», который защитил бы игроков от потери очков, убрал бы из Ускоренного Мира поединки насмерть и сделал бы его местом, в котором бои велись бы только ради удовольствия… миром, в котором можно было бы жить.

Блоссом говорила, что она смирилась со своей судьбой сразу, как узнала, что не доживёт до совершеннолетия. Но, возможно, она втайне пыталась сопротивляться. Именно тогда у неё возникла мечта превратить пустоши Ускоренного Мира в цветущие сады… тогда, в тот самый момент, когда она начала играть в Брейн Бёрст.

Ядром Легиона взаимопомощи должна была стать система снабжения очками бедствующих игроков, но для её работы нужен запас этих самых «бёрст поинтов». Кроме того, им нужна сила, способная противостоять диверсантам, которые наверняка попытались бы помешать зарождающемуся Легиону.

Поэтому «Судьба», в разы облегчившая и охоту на Энеми, стала для Блоссом путеводной звездой к её мечте. Естественно, она старалась не вдаваться во все тяжкие, но многие смельчаки пытались нападать на неё и Фалькона. Все они были повержены.

В конце концов, против них вышел «Монохром», один из сильнейших игроков, но и он потерпел поражение (правда, в бою 2 на 1). В тот же самый день Блоссом заявила о своём плане всему Ускоренному Миру, зазывая игроков в свой Легион.

Вчера к ним пришло сообщение, подписанное примерно тридцатью игроками в Брейн Бёрст, в котором они сообщали, что хотели обсудить некоторые конкретные вопросы.

Блоссом и Фалькон обрадовались, но некоторые части сообщения вызвали у них беспокойство. Игроки настаивали на встрече на неограниченном нейтральном поле. Они писали, что хотели лично убедиться в том, что броня позволит ей стабильно охотиться на Энеми. Но на неограниченном поле не было никаких гарантий. Они вполне могли попытаться дружно напасть на них.

Но даже в этом случае они не смогли бы так просто прикончить одетую в «Судьбу» Блоссом. Поэтому в своём ответе она попросила устроить встречу возле точки выхода, чтобы быстро сбежать в том случае, если противники подстроят западню.

Естественно, даже с учётом этого ситуацию сложно было назвать безопасной. Способности дуэльных аватаров вовсе не ограничивались исключительно наносящими урон. Примером могла служить даже сама Блоссом. Способности могли включать обездвиживание, ослепление и прочие неприятные эффекты, которые могли помешать их побегу. Но Блоссом и Фалькон решили довериться авторам сообщения. Среди имён подписавшихся были и давно знакомые им аватары. Они и подумать не могли, что те будут замышлять против них что-то плохое. Вернее, они не хотели так думать.

Местом для сегодняшней встречи выбрали в местечке возле

северного конца Радужного Моста: парковка возле Сибауры, неподалёку от которой находилась точка выхода. На всякий случай, они предварительно осмотрели точку сбора издалека и, действительно, обнаружили в её районе подписавшихся под сообщением аватаров. Успокоившись, они начали спускаться с моста над линией Кодайба, как вдруг из-под их ног выскочили тонкие плиты…

И взяли их в плен до того, как они успели как-либо среагировать.

— Прекратите… пожалуйста! Почему… за что?!.. — изо всех сил продолжал кричать Хром Фалькон, не в силах оторвать глаз от того, как бесчисленные клыки Легендарного по классификации и ужасающего по виду червя впивались в тело его любимой партнёрши.

Вопрос предназначался игрокам, окруживших этот кратер, служивший логовом Ёрмунганда.

Он знал большинство из них, а с некоторыми по-дружески разговаривал каждый раз, когда замечал на зрительских трибунах. Естественно, он встречался с ними и в дуэлях, но победы в них постоянно перемежались с поражениями. Он не знал случаев, которые могли бы обидеть их так, что заставило бы устроить такую западню.

Но все они молчали, и даже не смотрели в сторону прижатого к земле Фалькона. Их неподвижные взгляды были устремлены ко дну кратера, к повторяющемуся раз за разом кошмару. На их лицах был страх и шок. Но не только. Фалькон отчётливо ощущал, что за этим страхом пряталось нечто ещё. Нечто ещё более жуткое.

Вдруг сзади справа послышался низкий, мягкий голос:

— Извини, Фалькон. Давай я поясню тебе, раз они не хотят.

Этот голос, напоминавший по интонации учительский, принадлежал тому самому аватару, чьи плиты обездвижили Фалькона и распяли Блоссом. Имени его он не знал. Более того, он до сих пор ни разу не видел его в Ускоренном Мире. Выглядел он очень странно — его тело было сложено из вертикальных плит.

— Мощь этого Усиливающего Снаряжения слишком сильна для этого мира, всё ещё находящегося на своей заре. Вы ведь и сами ощутили это в ходе недавних дуэлей, не так ли?

Игроки в Брейн Бёрст могли быть максимум второклассниками. Это следовало из требования, гласившего, что для установки необходимо с самого младенчества носить нейролинкер. В продажу они поступили в тот самый год, когда

родился Фалькон, относившийся к «первой волне» игроков.

Но голос чёрного пластинчатого аватара не казался детским. Он казался старше даже классного руководителя Фалькона, которому было двадцать лет. Изо всех сил сопротивляясь давлению плит, Фалькон выдавил из себя:

— Тогда… дайте нам сдать «Броню» в магазин. Мы раздадим вам очки от продажи. Неужели этого недостаточно?.. Неужели вам нужно доходить до этого?!..

— Увы, у этого способа есть недостаток — Усиливающее Снаряжение останется в магазине. Кто-то может выкупить его и вновь нарушить баланс игры. Эту броню нужно вернуть на её законное место. И сделать это можно лишь одним способом, Фалькон — её владельца необходимо уничтожить.

Как только этот спокойный голос закончил говорить…

Тело Блоссом, зажатое челюстями Ёрмунганда, рассыпалось на бесчисленные осколки. В небо поднялся столб шафранового цвета, вспыхнул и исчез.

Червь, уничтоживший противника буквально за один укус, удовлетворённо повёл щупальцами и уполз в гнездо. Чёрный крест беззвучно погрузился в тени на земле.

Остался лишь маленький шафраново-жёлтый огонёк. По правилам неограниченного нейтрального поля Блоссом перешла в «призрачное» состояние, из которого воскресла бы через час на том же самом месте. Но…

Справа, из-за спины пластинчатого аватара раздался тихий шёпот:

— Ризарект бай Компашн [2].

Голос звучал настолько чисто и невинно, что казался нечеловеческим. Вслед за ним появились маленькие частицы света, по дуге устремившиеся ко дну кратера. Стоило им коснуться шафранового огонька, как с неба ударил мощный столб белого цвета, сфокусировался и материализовал на дне тело аватара. Это была Шафран Блоссом, которая должна была воскреснуть лишь через час. Она едва не рухнула на землю, но из теней опять показался крест, вновь пригвоздивший её к себе и зафиксировавший возле логова червя.

Этот процесс повторялся уже бесчисленное количество раз. Смерть от Энеми всегда лишала игрока ровно десяти очков, и накопленный в дуэлях запас иссякал медленно. Цикл жестоких смертей и ещё более жестоких воскрешений продолжался.

О случаях, когда игрок забредал вглубь ареала Легендарного Энеми, не мог сбежать и умирал столько раз, что лишался всех очков, слышали многие. Эту ситуацию игроки (с ужасом в голосе) называли «бесконечной гибелью». Но сейчас ситуация другая.

Чёрный пластинчатый аватар намеренно поймал их в ловушку и удерживал Блоссом на месте с помощью чёрного креста. Это не несчастный случай, а убийство. Поэтому, такие ситуации называли «бесконечными истреблениями».

«Пожалуйста, прекратите…»

У Фалькона уже кончились силы умолять их голосом, поэтому слова эти он произнёс глазами.

Болевые ощущения от получаемого урона на неограниченном поле были практически неотличимы от реальных. Каждый раз, когда Ёрмунганд убивал Блоссом, она чувствовала такую боль, словно её тело действительно разрывали зубы гигантского червя. Пусть её реальное тело не страдало, но эти воспоминания навсегда останутся в её сознании, её душе.

Но…

По-настоящему её ранили не клыки чудовища, а взгляды игроков, стоявших вокруг кратера. Те, кого она считала друзьями, вызвали её сюда, поймали в ловушку и молча наблюдали за тем, как гигантский червь раз за разом пожирал её.

На их лицах был заметен не только страх и испуг, но и нотки азарта, словно у детей, увидевших нечто страшное. И это чувство таило за собой другое, гораздо более реальное, гораздо более уродливое. Они были похожи на школьников, обращавшихся с казавшимся им странным одноклассником как с изгоем.

И в то же самое время.

Хром Фалькон испытывал те же чувства, что и школьник, жалевший странного одноклассника, но который мог лишь бессильно смотреть на него из безопасной зоны.

Если бы Фалькон не пробрался в Имперский Замок, если бы он не забрал «Судьбу», если бы не передал её Блоссом, ничего этого не произошло бы. Всё произошло по его вине, но сам он, без единой царапины на своём теле, лишь смотрел на страдания своей возлюбленной.

Ёрмунганд быстро почувствовал, что Блоссом воскресили, и вновь начал выползать из недр земли. Земля содрогалась от его перемещений, но шафрановый аватар уже даже не дёргался. Она лишь бессильно свисала с чёрного креста и ожидала очередной «смерти». А, возможно, и того, что ждало после неё — лишения всех очков и потери памяти. «Конца».

«Я…

Я вновь совершаю ту же ошибку.

Я клялся самому себе. Что я больше не буду молча смотреть. Что больше не буду закрывать глаза на то, как другие люди страдают, как их отчуждают, как они лишаются того места, что однажды называли домом. Но я вновь не могу ничего поделать. Я

просто смотрю на то, как теряю кого-то важного…»

— Нет… — выдавил он голос затухающим сознанием. — Я больше не могу. Я больше никогда не хочу оставаться один.

Сжимавшие его пластины были такими тяжёлыми, словно установил их не аватар, а сама система. Он полностью осознавал, что никакими усилиями не смог бы сдвинуть их даже на миллиметр. Но он знал, как может освободиться от них.

Если он не мог разрушить плиты… то мог уничтожить свою собственную броню.

— У-у… о-о… о-о-о-о… — застонал он скрипучим голосом и напрягся из последних сил, отчаянно толкая плиты.

Хромированная броня начал истошно стонать, не выдерживая давления. Именно на этом месте Фалькон и сдавался все прошлые разы. Но он игнорировал признаки того, что ломается сам, и продолжал давить.

— Лучше не делай этого, Фалькон, — послышался шёпот пластинчатого аватара, по которому могло показаться, что тот действительно переживает за него. — Мы не собираемся изгонять тебя. Обещаю, что отпущу тебя, как только эта операция закончится. Скорее всего, нам осталось повторить буквально один или два раза. Полежи тихонько, осталось немного.

— За… мол… чи!!!

Эта реплика словно превратилась в дополнительный импульс, ударившийся о плиты. Наконец, броня на руках начала трескаться. Посыпались искры, Фалькон почувствовал боль. Но её было недостаточно. Совсем недостаточно.

— …!!! — беззвучно взревел он и выплеснул всю оставшуюся силу. И тут…

Броня на его руках с металлическим лязгом рассыпалась. Показавшееся из-под неё тёмно-серое тело испустило похожие на кровавые брызги эффекты, и ошеломляющая боль прокатилась по его нервам… в следующее мгновение полоска здоровья резко скакнула вниз, а шкала энергии моментально заполнилась на 20 %.

Охрипшим голосом он прокричал:

— Флэш Блинк!!!

Аватар Хром Фалькона превратился в бестелесные частицы и, наконец, вырвался из плена плит. Он кинулся вперёд так быстро, словно телепортировался, и материализовался через пятнадцать метров.

Точно перед ним Ёрмунганд как раз собирался сомкнуть свои зубы на распятой Шафран Блоссом.

Собрав остатки сил, Фалькон вонзил острый носок правой ноги в тело червя. Удар пришёлся в один из глаз чудовища, и тот

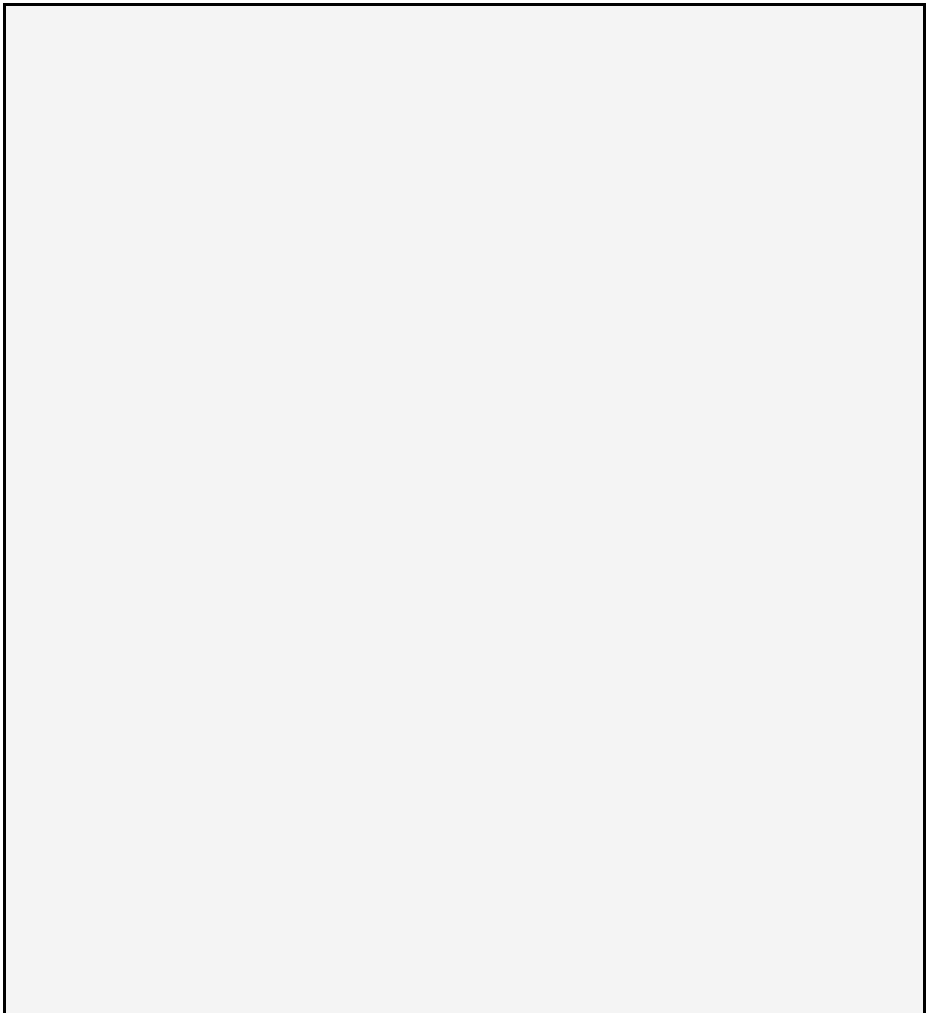
лопнул, залив все вокруг вязкой жидкостью. Перед глазами возникла двойная шкала здоровья Энеми, сократившаяся, увы, лишь на безнадёжно крохотную величину. Но неожиданная атака удивила червя, и тот резко взмахнул головой, позабыв о Блоссом.

Монстр испустил рёв, который смешался с еле слышным шёпотом:

— Петал Шелтер[3].

Под крестом вдруг появилось несколько огромных зелёных лепестков, моментально укрывших обоих аватаров в бутон. Это был спецприём Шафран Блоссом пятого уровня. Эти мощные лепестки защищали их от всех атак. Действовала техника тридцать секунд.

Внутри шара из лепестков горел мягкий зелёный свет. Крест исчез, и Блоссом полетела к земле, но Фалькон поймал её изодранными руками.



Он немедленно опустился на колени и посмотрел в лицо своей любимой партнёрши. Это были последние тридцать секунд, которые они могли провести вместе. Как только исчезнут лепестки, крест появится снова и обездвижит их. А остальное сделают хищные инстинкты Ёрмунганда.

Естественно, Фалькон ни мгновения не жалел, что полетел на

свою смерть. Но даже сейчас, в такое важное время, он не мог найти тех слов, что должен был сказать. Он лишь стиснул зубы и, стараясь не разрыдаться, продолжал смотреть на Шафран Блоссом, чтобы навсегда запечатлеть в своей памяти это прекрасное лицо и небесного цвета глаза, пока они навсегда не исчезли из Ускоренного Мира.

— Прости… — обронила она тихое слово. — Прости меня, Фаль. Твоя… доброта меня избаловала. Я вознадеялась, что смогу обрести в этом мире то будущее, которого меня лишили в реальном… и затянула тебя в свои попытки казаться взрослой. Во всём этом… виновата моя поспешность. Прости…

Из глаз Блоссом одна за другой скатывались прозрачные слёзы, растворяясь в воздухе.

«Это не так. Это… не так», — хотел возразить ей Фалькон, но горький ком встал в его горле. Он смог лишь замотать головой. В ответ его шлем нежно погладили пальцы.

— Но… но я хочу, чтобы ты знал. Я всегда любила тебя. Любила с того самого момента, когда мы впервые встретились. Потому что я сразу поняла: ты хотел защищать меня потому, что я была слаба. Среди всех людей, что пытались забрать мои очки, ты… и только ты…

Не договорив эту фразу, Блоссом улыбнулась.

Затем она убрала ладонь с его щеки, взяла правую руку Фалькона и переложила её на обезображенную клыками Ёрмунганда грудь.

— У меня к тебе последняя просьба. Добей меня.

— …Э? — наконец, смог произнести хоть что-то Фалькон.

Блоссом с улыбкой ответила:

— У меня осталось лишь семь очков. Если мне суждено погибнуть, я хочу умереть от твоей руки, а не от этого Энеми. Потому что тогда я навсегда запомню тебя. Пусть Брейн Бёрст удалит себя, пусть он сотрёт мою память, но тебя я буду помнить всегда.

Время действия техники подошло к концу, и лепестки начали раскрываться. Тишину убежища нарушил рёв гигантского червя.

— Фран…

Времени на то, чтобы высказать ей все чувства, скопившиеся у него в груди, ему катастрофически не хватало.

Он изо всех сил прижал к себе солнечного аватара левой рукой и вложил все свои чувства в одно слово:

— Спасибо.

«Спасибо. Спасибо тебе за то, что протянула мне руку. Спасибо тебе за всё, чему ты меня научила. Спасибо за то, что раздвинула границы моего крошечного мира.»

Он вытянул пальцы на правой руке, и соколиные когти коснулись точки над самым уязвимым местом Шафран Блоссом — её сердцем.

— …Я тоже люблю тебя.

Произнёс он слова, которые никогда до сих пор не смог сказать ей, и резко опустил правую руку.

Ладонь Фалькона глубоко впилась в деактивированную слюной Ёрмунганда «Судьбу».

«Прощай, Фаль. Я люблю тебя», — пронеслись лёгким ветерком тихие слова в его голове и исчезли.

Аватар Шафран Блоссом не распался на тысячи осколков, как обычно, а начал развоплощаться. Её маленькое тело разлетелось на бесчисленные ленты, похожие светом и теплотой на лучи весеннего солнца. Ленты эти, сплетённые из ниточек кода, возвращались в небеса, что однажды породили их, и растворялись в нём.

«Окончательное развоплощение». Феномен, сопровождавший полную потерю очков, полный уход из Ускоренного Мира.

Когда Фалькон опомнился, в руках у него осталась лишь пустота.

Чувство утраты напало на него с такой силой, будто он потерял самого себя. Бесчисленные клыки Ёрмунганда со скрежетом впились в его спину.

Затем он поднял его в высоко в воздух. Броня Фалькона рассыпала вокруг жёлтые искры. Тело его скрипело, а полоса здоровья в левом верхнем углу быстро убывала. От неистовой боли помутнело в глазах.

Но он не кричал. Он не мог кричать. Ведь эту страшную боль Блоссом пришлось перенести несчётное число раз. Поэтому он стиснул зубы и терпел. Где-то вдалеке, на другом конце искажённого мира, виднелись стоявшие кольцом фигуры.

В их глазах было изумление… и презрение. Они насмехались над глупцом, бессмысленно лишившим себя жизни.

На самом деле ситуация не была безнадёжной. Урон восполнил шкалу энергии, и он мог с лёгкостью «ускакать».

Но был ли смысл бежать?.. Был ли смысл жить дальше?

Ведь Шафран Блоссом не стало. Он снова остался один. Что он сделал бы после побега? Вернулся бы к одиночным битвам? Ради чего? Уж лучше он бы позволил этому червю сожрать его так же, как Блоссом. Затем ещё. И ещё. Пока у него не кончатся очки, и этот мир не отторгнет его…

Но тут он заметил.

Под убывающей шкалой здоровья и заполняющейся шкалой энергии горел маленький огонёк. Повернув голову, Фалькон

упёрся в него взглядом. Это… системное сообщение. Огонёк курсора ждал его внимания, чтобы что-то сообщить.

И стоило ему сфокусировать на нем взгляд, как перед глазами появился текст:

«YOU HAVE ACQUIRED ENHANCED ARMAMENT “THE DESTINY”».

Смысл этого сообщения он понял не сразу.

Он получил новое Усиливающее Снаряжение. Но что-то в этой фразе не так. Там было не слово «RECEIVED», а «ACQUIRED». Разница в том, что первое использовалось при подбирании вещи, а второе — при получении прав собственности. Кроме того, эта вещь… «Броня». Та самая Судьба, которая должна была исчезнуть вместе с Шафран Блоссом.

Но как? Передача экипировки осуществлялась либо через магазин, либо через дуэль по кабелю прямого соединения…

Стоп. Ходили слухи про ещё один способ передачи. Существовал крохотный шанс того, что в тот момент, когда старый владелец экипировки навсегда покинет Ускоренный Мир, вещь может появиться в инвентаре игрока, нанёсшего последний удар.

Возможно, Блоссом попросила Фалькона добить её именно потому, что рассчитывала на такой исход, но спросить её об этом он уже не мог.

Фалькон почувствовал, что эта броня была последним посланием от Блоссом.

Она хотела, чтобы он жил. Чтобы продолжил сражаться.

Его рот сам по себе открылся и прошептал стандартную команду на надевание вещи.

— Экипировать… «Зе Дестини».

Маленький огонёк, похожий на звезду, залил мир серебром.

Конечности и торс аватара со звоном покрылись толстым слоем брони. Выглядела она совсем не так, как на Блоссом. Конечно, Усиливающие Снаряжения подстраивались под облик своего владельца, но Судьба пошла гораздо дальше. Она совершенно утратила элегантность и лёгкость, превратившись в грубый латный доспех.

Последним появился шлем, и в этот раз это был именно шлем открытого типа, а не диадема. Тело Фалькона оказалось более чем на 80 % покрыто новой толстой броней, и клыки Ёрмунганда с громким звоном отскочили от неё.

Энеми Легендарного класса издал полный ненависти рёв и вновь попытался зажевать Фалькона, попутно заливая его слюной. Он рассчитывал, что та сможет разъесть броню и аннулировать эффект.

Но поверхность брони помутнела лишь на мгновение, после чего сразу вернулась к хромированному блеску, отказываясь ржаветь. Цвет её в точности соответствовал цвету собственной брони Фалькона.

Хром находился в самом центре металлического спектра, не относясь ни к благородным металлам, ни к простым. Это значило, что у него нет надёжной защиты ни от физических атак, ни от особых. У него лишь одно ярко выраженное свойство — практически полная устойчивость к коррозийным атакам.

Удивительным образом не имевшая своего сознания «Броня» почуяла это свойство и вобрала его в себя — иначе это невозможно объяснить. Но Фалькон не хотел задумываться о теории происходящего.

Словно ведомый чем-то, он поднял руки и ухватился ими за гигантские клыки, высекавшие искры из его груди.

В груди его резко что-то вспыхнуло.

За 11 месяцев реального времени и 5 лет субъективного он почти никогда не ощущал это чувство. Тоска по Шафран Блоссом и отчаяние от её смерти выковали в нём новую эмоцию… ярость.

— У-у… а-а… — пробился хриплый голос из его горла.

Даже в реальности Хром Фалькон никогда не злился. Он всегда слушал взрослых, угождал всем вокруг и никогда никому не перечил.

Именно поэтому, когда его друг по детскому саду перешёл в ту же школу, что и он сам, а затем немедленно стал мишенью школьных задир, Фалькон молча отстранился от него. Он отвёл взгляд, зажал уши и ждал, пока кто-то решит за него проблему. Но не успел он дождаться, как его бывшего друга не стало.

Он должен был хотя бы разозлиться. На тех детей, что возглавляли травлю. На учителей, которые ничего не замечали. И на себя самого, за то, что он делал вид, что ничего не видит. Но он не сделал этого. Он всегда лишь запечатывал свои чувства и воспоминания в маленьких камешках и хоронил их глубоко в своём сознании.

— У-у… а-а-а-а… — вновь послышался искажённый голос.

Он ощущал, как эти камни начали трескаться, выпуская на волю запечатанный в них жар.

Пальцы его со звоном превратились в огромные когти. Их острия начали впиваться в клыки Ёрмунганда. Броня на руках и плечах становилась всё угловатее и толще.

Он понял, почему эти тридцать человек предали их, послав фальшивое письмо о желании вступить в новый легион. Вовсе не потому, что они хотели избавиться от «нечестного» Усиливающего Снаряжения.

Они сделали это, потому что Шафран Блоссом отличалась от них. У неё была и мечта, и сила, способная воплотить её в реальность.

— Но… вы ведь…

«Вы ведь не только игроки в Брейн Бёрст. Вы должны были так или иначе ощутить на себе, что значит отторжение в реальном мире. Вас не приняли в коллектив, и именно поэтому вы, гонимые моральными травмами, пришли в Ускоренный Мир. И, несмотря на всё это, вы готовы отторгать в этом мире других людей? Вы готовы бросать камни в тех, кто не похож на вас?»

— Фран… хотела построить дом… для таких как вы…

Ярость, поднимающаяся из глубин сердца, начала покрывать его руки тусклым светом.

Но эта энергия не стремилась ничего освещать. Это отрицательные импульсы, убивающие свет и тепло.

Аура тьмы.

Дуэльные аватары могли испускать такой постоянный свет только во время активации спецприёмов. Однако заполненная почти до предела шкала энергии Фалькона не убывала.

Но он не замечал этого, продолжая отплёвываться словами.

— Чтобы вы… могли играть в этом мире вечно… не боясь потерять все очки… Фран хотела…

Клыки Ёрмунганда, пробитые когтями Фалькона, оторвались от его тела. Чудовище отчаянно сверкало глазами и извивалось, но покрытый тёмной аурой аватар не двигался.

— Лишь… этого!!! — послышался леденящий душу рёв.

Фалькон услышал, как в его сердце разом разбились все камни, в которых таились его эмоции.

Ярость. Накопленная до этого самого момента подавленная ярость ко всему на свете кружила по его аватару, пробиваясь наружу в виде ауры пустоты.

Волны тьмы словно превратились в осязаемое оружие. Шкура червя дрожала и трескалась, когда касалась их. Верхняя часть рта истошно ревущего Энеми начала рваться.

— А-а… а-а-а… а-а-а-а-а!!! — послышался искажённый металлическим отзвуком вопль, и Фалькон широко развёл сжимавшие клыки руки в стороны.

Голову Ёрмунганда с неестественным звуком разорвало напополам. Почти все глаза немедленно лопнули, и из пустых глазниц фонтанами хлынула вязкая жидкость. Фалькон, не обращая на это внимания, пробивал открывавшиеся раны ладонями, хватался за мягкие внутренности и продолжал разрывать Энеми.

Когда ноги Фалькона коснулись земли, адского червя уже

почти разорвало на две части. Правая половина немедленно попыталась скрыться в гнезде, но Фалькон схватил её когтями правой руки, а левую половину прижал к земле ногой. Он напряг все свои силы… и немедленно разорвал червя до самого хвоста.

Изодранное тело Энеми начало мерцать, а затем рассыпалось на тысячи осколков.

Спецэффекты от взрыва накрыли весь кратер, и в самом его центре тут же материализовался длинный, тонкий объект. Длинный меч с чистым белым лезвием, словно выкованным из кристалла и светившимся изнутри, подобно звезде. Награда за убитого Энеми. Фалькон тут же протянул руку к мечу и ухватился за рукоять.

Меч мгновенно превратился в маленькую карту и исчез. В верхней части поля зрения появилось системное сообщение:

«YOU HAVE RECEIVED ENHANCED ARMAMENT “STAR CASTER”».

Скрипучий голос прошептал:

— Экипировать «Стар Кастер»[4].

В правой руке тут же появился божественный клинок. Но аура тьмы немедленно окутала его, начав искажать как цвет, так и облик. Прозрачный кристалл стал хромировано-серебристым. Прямое лезвие зловеще изогнулось, стало вдвое шире и толще. На мече появились выступы, похожие на когти.

Взяв обновлённый меч в обе руки, он выставил его перед собой.

В отражении хромированного лезвия показался дуэльный аватар. Но это был уже не Хром Фалькон с его элегантным дизайном и круглым шлемом. Эта фигура воплощала материализовавшуюся волю к разрушению.

От старого облика осталось лишь одно — под открытым шлемом все ещё была видна старая гладкая маска. Но аура тьмы тут же сфокусировалась на шлеме, начав покрывать его лицо визором.

Фалькон моментально понял, что, как только это случится, прежним он не станет никогда.

«Возможно, моё превращение опечалит Фран.

Но… её больше нет в этом мире.

Наконец, пришло время отбросить имя Хром Фалькона. Я похороню его прямо здесь, вместе с Шафран Блоссом. Вместе с её мечтами, её добротой и её заботой.

Именно здесь, в этом кратере, их отторгли пришедшие сюда игроки. Им не нужен мир, они хотят войны. Они не хотят протягивать руку друзьям, они хотят отбирать у них жизни. Им не нужна любовь, они хотят гнева и ярости. А раз так…

Они их получат.»

Он занёс клинок над головой и, продолжая излучать неистовую ярость, ещё раз проревел:

— О-о… о-о-о-о!..

По металлической земле начали бить чёрные молнии, испускаемые аурой тьмы. Вокруг его ног начали расходиться трещины. Земля задрожала. Рёв земли слился с рёвом Фалькона:

— О-о-о… о-о-о-а-а-а!!!

Он ощутил, как его бесконечно усиливающаяся ярость словно начала заражать саму игровую систему. Но это была не просто галлюцинация. Он увидел, как что-то замерцало в верхнем левом углу. Там находились две строчки, сообщающие об экипированном Снаряжении. Слова «THE DESTINY» и «STAR CASTER» исказились, съехали со своих строк и расплавились.

Строки слились в одну. Новое слово гласило:

«THE DISASTER».

— Гр-р… р-р-ра-а-а-а!!!

Этот вопль издал уже не человек. Это яростный клич голодного зверя.

Послышался громкий лязг. На его лицо навсегда опустился визор.

Мир накрыл бледно-серый фильтр. Но качество изображения одновременно с этим резко скакануло вверх. Он видел лица каждого из аватаров, стоящих на границе кратера. Он видел смесь из сомнения, изумлённости и беспокойства. Но их чувства, их мысли уже ничего не значили для Фалькона. Игроки стали лишь целями, которые он должен истребить. Глаза за визором сузились, выбирая свою первую жертву.

Вдруг, когда он остановился взглядом на одной из точек, до ушей его донеслись перешёптывания людей, такие отчётливые, словно они шептали в микрофон.

— …овья и энергии полностью восстановились. Энергия не тратится. Можно с уверенностью сказать, что это то самое явление оверрайда Основного Визуализатора через контур воображения.

Голос принадлежал крохотному аватару с четырьмя огромными линзами на лице. В ответ послышался голос таинственного чёрного пластинчатого аватара, удерживавшего своей техникой Фалькона и Блоссом:

— Как мы и предполагали, эмоциональный взрыв вызывает это явление гораздо быстрее по сравнению с глубокой концентрацией. Вопрос в том, можно ли им управлять.

Четырёхглазый аватар кивнул.

— Это точно. Ах, да, ещё этот случай практически подтверждает теорию о том, что люди, обладающие Сердечной Бронёй определённой силы, становятся металлическими аватарами. Правда, мой Анализ не может ничего сказать по поводу того, является ли этот синтез характеристической особенностью Звёздного Снаряжения, или же это свойство металлических аватаров.

— Хм… по возможности, конечно, хотелось бы поизучать его подольше…

Тут раздался ещё один голос из-за их спины:

— Вайс, ты можешь задержать его?

Этот голос не содержал в себе ни единой примеси. Он казался чистым, словно талая вода, и звучал так сладко, что Фалькон тут же понял, что он принадлежал тому аватару, что всё это время насильно воскрешал Блоссом. Он тут же напряг взгляд и попытался рассмотреть его, но таинственное свечение скрывало от него эту фигуру.

— Я попробую, — ответил пластинчатый аватар, кивнул головой и поднял левую руку.

Пластины, из которых была составлена рука, тут же скользнули в землю. В следующее мгновение за спиной Фалькона беззвучно возник чёрный крест и попытался пригвоздить его к себе таинственной силой.

Но…

— Гр-р-ра-а!.. — кратко прорычал он, а затем взял меч в правую руку и размахнулся им назад.

Крест разбился словно стеклянный. Из плеча владельца креста тут же брызнули искры, означавшие получение урона.

— Ой. Впечатляет, нормальными техниками его не удержишь, — прошептал пластинчатый аватар. Фалькон продолжал внимательно смотреть на него.

Он многого не понимал из их разговора, но одну вещь знал совершенно точно. Именно они спланировали всё это. Они вызвали Шафран Блоссом сюда ради каких-то своих целей и издевательски расправились с ней «бесконечным истреблением».

А значит, они и должны стать первой добычей.

Ухватившись за меч обеими руками, он высоко занёс его над головой и, не обращая внимания на засуетившихся вокруг кратера аватаров, сделал шаг в сторону чёрного пластинчатого аватара. Одновременно с этим он беззвучно произнёс:

«Флэш Блинк.»

Одновременно с телепортацией он опустил клинок, под корень отрубая вторую руку чёрного аватара. Но на лице противника, если это, конечно, можно было назвать лицом, не

проскочило никаких чувств. Он лишь отступил на шаг, а затем его тело вдруг распалось на части.

Эти части тут же соединились в две большие пластины, окружившие собой стоявшего рядом четырёхглазого аватара и находящуюся чуть позади окутанную светом фигуру. А затем, подчиняясь неведомой логике, плиты сошлись, соединившись в одну.

Последняя плита тут же начала погружаться в тень на земле. Фалькон попытался разрубить её горизонтальным ударом, но отсёк лишь крохотный фрагмент с самого верха. Плита полностью погрузилась в землю, оставив за собой лишь несколько маленьких волн. Они тут же утихли, и больше на поле об этих трёх аватарах ничего не напоминало.

— Гр… р-р… — обиженно прорычал он, поняв, что упустил врага.

Прошло несколько секунд.

Фалькон ощутил лёгкий удар и услышал оглушительный звон.

Он медленно повернулся. Перед ним стоял синий дуэльный аватар среднего роста. В руках он держал два оружия ближнего боя, одно из которых напоминало деревянный меч, а второе — стальной. Его лицо казалось до боли знакомым, если не сказать родным. Это один из немногих оставшихся в живых игроков первой волны, а его клинки могли разрубить даже броню Хром Фалькона.

Но теперь этот удар не оставил на его плече даже царапины.

По лицу аватара было видно, что он не мог поверить в происходящее. Он пытался что-то сказать Фалькону, но тот даже не удосужился вспомнить его имени, равнодушно взмахнув покрытым тёмной аурой мечом.

Холодный воздух содрогнулся от тяжёлого звука. Мечи вывалились из рук аватара на землю, а затем верхняя половина его тела свалилась на землю. Нижняя часть начала заваливаться чуть позже, но зависла в воздухе, а через мгновение останки синего аватара рассыпались на осколки, оставив после себя похожий по цвету огонёк.

Собравшиеся здесь игроки — без сомнения, одни из самых высокоуровневых на тот момент, но это зрелище заставило каждого из них содрогнуться. Послышались перешёптывания:

«Что всё это значит?»

«Мы на такое не подписывались…»

Голоса становились всё громче, а затем…

— Чёрт… бежим!!! — крикнул кто-то, и они бросились бежать, словно вода, прорвавшая плотину.

Им нужно было пробежать совсем немного — точка выхода у парковки Сибауры находилась лишь в нескольких десятках метров. Но…

«Флэш Блинк», — пронеслась мысль в голове Фалькона, и через мгновение тёмно-серебряная броня появилась точно перед убегающими игроками. Взмах меча. Три головы упали на землю.

— А… а-а… а-а-а-а-а!!!

Крики. Вопли. Кто-то продолжал попытки прорваться к выходу. Кто-то решил укрыться в зданиях. Кто-то даже пытался контратаковать. Но клинок тьмы настигал каждого из них без исключения и уничтожал каждого аватара одним взмахом.

Фалькона вела в бой уже не ярость. Им двигала решимость, возвысившаяся даже над ненавистью и жаждой отмщения. Решимость проклясть этот мир.

Решимость уничтожить его.

Если бы игроки будущих лет, ставшие к тому времени называть себя бёрст линкерами и многое узнавшие о тайной логике, на которой работал Брейн Бёрст, увидели эту сцену, они бы описали её так: тёмная аура — это Оверрей, воплощение чистой негативной Инкарнации. Сильнейшее эмоциональное отрицание этого мира родило в Фальконе волю к разрушению всего и вся с помощью тёмной стороны Системы Инкарнации.

Меньше чем через минуту резня подошла к концу, и вокруг кратера остались лишь подрагивающие огоньки.

Хромированный разрушитель вонзил окровавленный меч в землю и замер.

Он ждал окончания таймера воскрешения.

В тот самый день свыше тридцати игроков навсегда покинули Ускоренный Мир.

Лишь одному из тех, кто был у кратера, повезло добраться до портала живым. Он и рассказал об ужасном происшествии — о том, что Хром Фалькон призвал кошмарную броню и убил всех его товарищей. Естественно, поначалу в эту историю мало кто поверил.

Но каждый, кто вызывал Фалькона на бой после того дня, погибал в дуэли от одного взмаха его клинка. Все они были вынуждены признать правоту выжившего.

Ужасное бедствие снизошло на Ускоренный Мир через год после его рождения.

Со временем, игроки перестали называть разрушителя по его старому имени. Половина его имени слилась с названием экипировки, и с тех пор его прозвали…

«Хром Дизастер».

Тьма.

Свет прожектора.

Кольцо света выхватило фигуру рыцаря в тёмной металлической броне, держащего в руках зловещий клинок.

Он стоял на коленях, весь покрытый глубокими ранами и трещинами. Даже меч выглядел истерзанным.

Чтобы довести его до такого состояния, сильнейшие игроки Ускоренного Мира бесконечно вызывали его на дуэли, периодически прибегая к режиму «Королевской Битвы», чтобы истощать его.

Но разрушитель ни разу не отказал никому из них в дуэли. Более того, на него не действовало даже правило «не более одной дуэли за день». Большинству игроков даже десять дуэлей в день казались выматывающими настолько, что после такого числа сражений они не могли и пальцем пошевельнуть, но он проводил за день больше сотни битв, постепенно изнашивая свою душу и своё сознание.

Со временем аура, покрывающая его меч, начала тускнеть, броня потеряла былой лоск, но он всё продолжал сражаться. Он начал проигрывать всё чаще и чаще, запас очков неумолимо уменьшался, и пришёл тот день, когда он встретил свой конец в финальной битве на неограниченном нейтральном поле.

Скорчившегося на земле рыцаря окружило кольцо дуэльных аватаров, постепенно надвигающихся на него.

Все они достойно назывались сильнейшими игроками того времени. Среди них было даже несколько Монохромов, управляющих огромными Легионами.

Умирающий разрушитель опёрся на меч и поднялся на ноги.

Сквозь разбитый визор проглядывала гладкая поверхность старой маски.

И эта маска обратила свой взор в небо Ускоренного Мира.

«Сегодня я, игрок, которого раньше называли Хром Фалькон, исчезну из этого мира.

Если слухи про стирание или модификацию памяти окажутся правдивы, я забуду всё, что относится к Ускоренному Миру… даже Шафран Блоссом, которую так сильно любил. Я снова стану второклассником, не знающим даже тех слов, что сейчас произношу.

Но мой гнев, моя печаль и моё отчаяние останутся.

Ни я, ни Блоссом не просили власти. Мы никогда не задумывались о том, чтобы править Ускоренным Миром с помощью силы Брони. Мы лишь хотели, чтобы все игроки смогли

жить в этом мире вечно. Большего нам не было нужно.

Поверхность Брони не зря была зеркальной — каждый видел в ней лишь отражение своих собственных желаний. Будь то жажда власти, силы или разрушения.

Но силу жаждали они. Они, те, что раз за разом убивали Шафран Блоссом чудовищным методом.

А теперь задумайтесь.

Моя ярость и страдания Блоссом останутся в этой броне, в «Бедствии». Однажды её найдёт кто-то другой, движимый неутолимой жаждой силы. Он будет атаковать бёрст линкеров, уничтожать их, жрать. Пожирая их, он будет впитывать их силу и становиться всё могущественнее. Пока не останется один. Пока не наступит день, когда он будет в одиночестве стоять посреди опустошённой земли Ускоренного Мира.

Потому что именно такова ваша мечта.

Будь проклят и осквернён этот мир. Пусть я исчезну сам, но ненадолго. Мои гнев и ненависть будут вечно возрождаться в нём.»

Тьма.

Глава 2

Почувствовав, как кто-то гладит его по щеке тонким пальчиком, Арита Харуюки приоткрыл глаза.

Взгляд его медленно сфокусировался. Ладонь, покрытая белоснежной бронёй. Рукава того же цвета. Очаровательная маска. Овальные линзы багрового цвета.

Харуюки опознал в сидевшей подле него на коленях фигуре одного из Элементов старого Нега Небьюласа, аватара-очистителя, бёрст линкера седьмого уровня Ардор Мейден. Какое-то время он просто смотрел на неё.

На пальце хрупкого аватара блестела прозрачная капля. Харуюки обеспокоенно наклонил голову, вглядываясь в её лицо, но затем осознал, что слеза принадлежала ему самому.

— Э… а-а… — хрипло обронил он и тут же принялся протирать руками лицо.

Наполовину открытая маска тут же закрылась, и вернувшийся к своему обычному виду дуэльный аватар Сильвер Кроу принялся неуклюже оправдываться, стараясь не смотреть на Мейден:

— Э-э… извиняюсь. Я в порядке… просто мне приснился очень… очень длинный сон…

Сказав это, он нахмурился.

Он… видел сон.

Очень длинный сон, и в нём Харуюки был не Сильвер Кроу, а металлическим аватаром, очень похожим на него, но немного отличающимся по оттенку. Но больше он ничего не помнил. Ни того, куда он ходил, ни того, что делал. На пути воспоминаний словно стояла белая стена из мягкого шёлка.

Осталось лишь лёгкое ощущение пустоты в самой глубине души. И ощущение боли, жившей в этой пустоте. Это… чувство утраты?..

«…Я люблю тебя…» — вдруг проскочили в голове чьи-то незнакомые слова, и слезы вновь попытались наполнить его глаза, но Харуюки быстро заморгал, прогоняя их.

Он резко взмахнул головой и вдохнул холодный воздух, прогоняя таинственную печаль, а затем осмотрелся по сторонам.

Вокруг темно. Звёзды на небе казались гораздо ярче и отчётливее тех, что он видел в Токио. Небо над собой он видел потому, что находился во дворе, а не под крышей.

Харуюки сидел с протянутыми ногами, опираясь спиной на толстую колонну метрового диаметра. Справа от него, совсем рядом, уходила под самое небо огромная стена.

Местность перед глазами ничем не отличалась от той, что он

видел перед тем, как уснуть. Но, к его удивлению, толстый лёд под ногами уступил место белому гравию. Тут же обернувшись, он увидел, что и колонна была уже не ледяной, а деревянной, покрашенной в красный цвет.

— А-а… тут что, был Переход, пока я спал? — тихо спросил он Мейден, и бело-багровая жрица кивнула.

Её юный, но величественный голос ответил так же приглушённо:

— Похоже, что так, Ку-сан. Но я спала рядом с тобой и не увидела его.

«Переход» — явление, периодически происходящее на неограниченном нейтральном поле Брейн Бёрста, при котором меняется активный уровень. Сильвер Кроу и Ардор Мейден заснули на уровне «Лёд и Снег», на котором все объекты вокруг них были заморожены. Но теперь на поле не видно ни снега, ни льда.

Казалось, словно из зимы они вернулись в осень — деревья стояли с ярко-красной листвой, столбы стали деревянными, а стены покрашены белой краской. Это самый «японский» по духу из всех уровней, и назывался он…

— Мы на уровне «Эпоха Хейан», — прошептала Мейден, после чего выпрямилась и поправила бронированную юбку.

Её образ на удивление хорошо подходил пейзажу. Харуюки даже забылся и начал зачарованно смотреть на неё, но та скромно потупила взгляд, заставив его опомниться.

Сам Харуюки — второклассник средней школы, но этим очаровательным, хладнокровным аватаром управляла девочка по имени Синомия Утай, вообще учившаяся в четвёртом классе начальной школы. Кроме того, училась она в начальном крыле академии для девочек Мацуноги, что делало её самой настоящей юной леди. Харуюки, понимая, что ей вряд ли приходилось ловить на себе такие долгие взгляды от мальчиков, вновь забегал глазами по сторонам.

С севера на юг тянулись покрашенные красной краской столбы. Вглубь вела мощёная дорога. Мерцали бесчисленные огоньки. Вдали на севере виднелся огромный силуэт дворца.

Уровень «Эпоха Хейан» подходил этому месту как нельзя кстати.

Дело в том, что в реальном мире это место соответствовало адресу «Тиёда 1» — самому центру императорской резиденции. Они находились внутри неприступного Имперского Замка.

Сегодня, во вторник 18 июня 2047 года, в 17 часов 20 минут, Харуюки и полный состав Легиона Нега Небьюлас, в котором он

состоял, приступили к самой крупномасштабной миссии из всех, что они предпринимали текущим составом.

Перед ними стояла невообразимо трудная задача — они пытались спасти Ардор Мейден, запечатанную на алтаре одного из Четырёх Богов, Энеми Ультракласса Судзаку. Но тактика, которую они избрали, была на удивление простой.

Их лидер, Черноснежка (Блэк Лотос), при поддержке псевдолекаря Тиюри (Лайм Белл) атаковала Судзаку издали, становясь его целью. Пользуясь тем, что Судзаку привязан к огромному мосту, тянущемуся от южных врат Замка, Фуко (Скай Рейкер) вместе с Харуюки (Сильвер Кроу) перелетели над ним. После этого по сигналу Такуму (Циан Пайл) Утай (Ардор Мейден) появилась в Ускоренном Мире. На этом месте Харуюки должен был схватить её, развернуться и сбежать…

И они были почти уверены в том, что у него получится…

Но в самый последний момент случилось непредвиденное. Хотя Харуюки и пальцем не притронулся к Судзаку, тот вдруг резко переключился на него и попытался испепелить его своим дыханием.

Едва успевший схватить Ардор Мейден Харуюки уже не успевал развернуться из-за обжигающего пламени и продолжил лететь вперёд. Он собирался погибнуть, врезавшись во врата, которые должны были оставаться запертыми до гибели Судзаку… но, по неизвестной причине, врата на мгновение приоткрылись. Не имея другого выбора, Харуюки и Утай влетели в них.

Услышав, как врата закрылись за его спиной, Харуюки рухнул на землю и потерял сознание, но быстро пришёл в себя и спросил Утай:

— А-а… мы что, живы?..

Её ответ шокировал его настолько, что слова до сих пор эхом разносились в голове Харуюки:

— Мы живы… но… мы… сейчас… находимся… внутри Имперского Замка.

— Мне… всё ещё не верится, что мы внутри Замка… — прошептал Харуюки, опираясь о столб.

Сидевшая рядом Утай тут же кивнула.

— Я тоже удивлена, что мы проникли внутрь, но ещё больше я поражена тем, что мы находимся здесь уже шесть часов и до сих пор живы.

— Э?.. Я так долго проспал? То есть, сейчас темно не из-за того, что уровень такой, а потому что ночь? — изумлённо спросил он в ответ.

В меню Брейн Бёрста можно узнать время погружения на

неограниченное нейтральное поле, но точное внутреннее время поля (то есть «сколько сейчас времени на неограниченном поле?») узнать гораздо сложнее. Харуюки слышал, что где-то на этом поле существуют гигантские часы, которые отсчитывают общее время с момента создания этого мира, но он их не видел. Сама мысль о таких часах пугала его. Ведь если эти часы шли уже семь лет, отсчитывая ускоренное в тысячу раз время, то счётчик лет на них уже должен перевалить за семь тысяч.

Утай кивнула и указала пальцем в небеса.

— На уровне «Эпоха Хейан» видны звезды. Судя по положению созвездий, сейчас уже около полуночи.

— А-а… ясно… — прошептал он и устремил взгляд в небеса.

Шесть часов назад (по времени Ускоренного Мира) они с Утай прорвали оборону южных врат Имперского Замка. С тех пор они так и не продвинулись вперёд, но вовсе не от глубины перенесённого шока. Дело в том, что по тянущейся на север дороге к дворцу медленно расхаживали патрули Энеми.

Энеми походили на самураев времён феодальных войн Японии. В высоту они имели около трёх метров и казались гораздо слабее Четырёх Богов, но мощная броня и огромные клинки на поясах бросали Харуюки в дрожь. А главное — они перемещались группами, как минимум по три воина.

Более того, патрули бродили и по внутренним помещениям стен возле ворот. Именно услышав лязг их брони Харуюки и Утай поняли, что необходимо менять укрытие. Сражаться с ними и вовсе безрассудно. У обожжённого Судзаку Харуюки оставалась примерно половина здоровья, да и Утай немного ранена.

Именно поэтому они пока что избегали коридоров, стен и главной дороги. Они сбежали в похожий на лабиринт сад и нашли в нём безопасный столб. После этого психологическая усталость и склоняющийся к закату день взяли своё, и они улеглись спать, хотя и понимали, что оставшаяся за стенами Черноснежка и остальные легионеры наверняка страшно беспокоятся за них. Сейчас, пробудившись, они сидели у основания того же самого столба.

Когда они спрятались в этом укромном месте, на небе виднелись окрашенные в фиолетовые тона тучи «Льда и Снега», но теперь над головой развернулся чёрный купол небосвода с бесчисленными звёздами, сверкающими на нём.

В подтверждение слов Утай, все звёзды в точности соответствовали тому, что Харуюки помнил из уроков, в которых они рассматривали созвездия в режиме фулл дайва. Он расслабленно водил глазами по небесам, а затем увидел одну очень яркую звезду…

— Это Вега… из Лиры? — тихо прошептал он.

Утай подняла взгляд и кивнула.

— Совершенно верно. В Японии эту звезду также называют Орихиме.

Обрадовавшись тому, что казавшиеся бесполезными школьные уроки наконец пригождаются, Харуюки продолжил указывать на разные звёзды:

— А значит, справа снизу от неё, в созвездии Орла должен быть… А-Альтаир, а слева снизу, в созвездии Лебедя — Денеб, так? Э-э… какую там из них называют Хикобоси?…

Утай сдержанно усмехнулась и тоже воздела к небу руку.

— Хикобоси — это Альтаир. Эти три звезды образуют «Летний Треугольник». Сейчас только июнь, поэтому они низковато.

— А-а. Получается, в Ускоренном Мире звёздное небо соответствует реальному времени года?..

Забыв о том, что находится на смертельно опасной территории, Харуюки заворожённо смотрел в небеса.

Воссоздание реального ландшафта с изображений, получаемых сетью социальных камер, имело как тактический, так и стратегический смысл. Но ведь звёздное небо — это просто задник на сцене. Вряд ли кто-то из игроков начал бы возмущаться, если на чёрном фоне в случайном порядке расставили бы светящиеся точки и наклеили эту картинку на небо.

Но если система специально воссоздаёт реальное положение звёзд, да ещё и перемещает их по небу в соответствии с временами года, то в этом должен быть сокрыт определённый смысл. Скорее всего… это небо словно пыталось сказать игрокам, что они оказались не просто в игре, не просто в виртуальном мире…

— Когда первые бёрст линкеры… вернее, в те времена они называли себя «игроками в Брейн Бёрст»… — вдруг тихо заговорила Утай, вновь сложив руки на коленях. — Увидели небо Ускоренного Мира, так похожее на небо реального… нет, даже более прекрасное и яркое, чем небо реального мира, поскольку в Токио из-за искусственного освещения такую красоту увидеть нельзя, они тоже это почувствовали. Именно поэтому названия всех основных Легионов так или иначе связаны с космосом.

— Э?.. Разве космических имён так много?.. — Харуюки удивлённо повернул к ней голову.

Маленькая жрица слегка улыбнулась.

— По крайней мере, их имеют все Королевские Легионы. Так, имя нашего Нега Небьюласа означает «Тёмная Туманность»…

конечно, правильнее было бы назваться «Дарк Небьюла», но важен сам мысленный образ. Красный Легион, «Проминенс», назван так в честь красного пламени, извергающегося из поверхности Солнца. Синий Легион «Леониды» — в честь метеоритного дождя из созвездия Льва.

— О… ого… так вот оно что…

«Наверняка Тию и Таку поняли это моментально, и им это показалось таким очевидным, что они ни разу этого не упоминали. Хорошо, что мне удалось узнать об этом до того, как пришлось переживать очередной раунд шуток из серии «ты серьёзно этого не знал?!»…» — тихо прошептал он в своём сознании, а затем спросил:

— Погоди, а Белый Легион… как их там, «Осциллатори Юниверс», тоже назван в честь чего-то космического? Я почему-то подумал, что это как-то связано со Сциллой[5].

На лице Утай вновь проскочила снисходительная улыбка, но затем она снова приняла серьёзный вид. Она отвела взгляд и почему-то заговорила чуть более напряжённым шёпотом:

— Да. «Осциллатори Юниверс» означает «Пульсирующую Вселенную»… но я этого в школе пока не проходила, и что конкретно это означает — не знаю…

— П… Пульсирующая Вселенная?..

«Разве космос пульсирует или вибрирует?»

Харуюки напряг голову, но и он ко второму классу средней школы ещё не слышал этого термина. Более того, он вообще сомневался в том, что смысл этих слов изучался в общеобразовательной программе. Пообещав себе поискать смысл этого термина позднее, он вновь вернулся к разглядыванию звёзд.

Выше Летнего Треугольника, почти ровно над головой, мерцало скопление чуть более тусклых звёзд. Созвездие Геркулес. Чуть левее от него было созвездие Дракона, названное так в честь стоглавого дракона Ладона. По легенде Геркулес изгнал его до самых небес, и даже на них продолжает его преследовать.

А ещё левее них находилось скопление, способное поспорить с Летним Треугольником по яркости.

Большая Медведица. И, конечно же, самой яркой частью этого созвездия был её хвост. Именно поэтому у этого хвоста было своё собственное название.

Ковш с длинной ручкой.

Большой Ковш.

Харуюки ощутил, как ёкнуло его сердце. В голове его словно зажглись искры. Взгляд его приковало к трём звёздам, из которых была сделана ручка ковша. Он не знал названия этих звёзд, но они пульсировали перед глазами на той же частоте, что и искры в

голове.

Пульсирующий зуд начал перемещаться ниже. Из головы он спустился в шею, затем к плечам, а потом остановился на точке между лопаток. Пульс стал болезненным, словно что-то постороннее застряло в его спине…

— Ку… Ку-сан?

Харуюки ощутил, как его дёргают за руку, и поднял голову.

Он увидел беспокойство в багровых глазах Ардор Мейден. Резко замотав головой, он заплетающимся языком проговорил:

— П… прости, я немного выпал из реальности…

— И… всё? Видимо… мне показалось. Извини, Ку-сан, мне просто привиделось… что на мгновение твоё тело окутала тень…

— …

Слова показались ему знакомыми. Похожую фразу он слышал не так давно. Это случилось неделю назад, во время «вертикальной гонки по Гермесову Тросу», когда их шаттл ехал внутри варпа. Тогда нечто похожее заметила Скай Рейкер…

— Т… тебе показалось. Я ничего не делал, — ответил Харуюки почти той же фразой, что и в тот раз, а затем, словно стараясь избавиться от беспокойства, добавил, — И вообще… нам пора подумать о том, что делать дальше. Мы же не можем всё время сидеть в безопасной точке.

— Да, я… понимаю.

Утай размашисто кивнула, прогоняя свои опасения, и обвела окрестности взглядом.

От площади, находившейся сразу за южными вратами, они ушли примерно на пятьдесят метров на северо-восток. Они находились у столба, к западу от которого пролегала широкая дорога с юга на север, а к востоку — похожий на лабиринт сад. На юге были видны коридоры, уходившие вглубь окружавшей Замок стены.

И дорогу, и коридоры патрулировали устрашающие самураи, просочиться сквозь которых крайне трудно. Со стороны восточного сада периодически доносились громкие всплески и звуки чего-то, ползущего по земле. Соваться туда тоже не хотелось.

Единственная относительно безопасная дорога — узкое пространство с садовой стороны столбов, которые можно использовать как укрытия. Но дорога эта, ведшая на север, шла не к выходу, а к основному дворцу. На уровне «Эпоха Хейан» дворец выглядел как огромный храм, и не возникало никаких сомнений в том, что внутри тоже бродят и самураи, и монстры пострашнее. Их же задача — не штурм Замка, а спасение Ардор Мейден. Приближаться к дворцу и рисковать попаданием в ещё более

сложное «бесконечное истребление» никак нельзя.

— Скорее всего… — задумчиво произнесла Утай, вновь выправив осанку и переведя взгляд на Харуюки. — Лотос, Рейкер и прочие уже прошли через портал полицейского управления и вернулись в реальный мир. Кодекс поведения на неограниченном нейтральном поле предписывает немедленно покинуть опасную зону, а затем и поле, если ты теряешь контакт со своими товарищами.

— Угу… это точно, — Харуюки кивнул.

Девочка продолжила ясным тоном:

— Далее, если погружение осуществлялось через «страховку», то вышедший первым человек активировал её, чтобы группа смогла собраться в реальном мире и обсудить произошедшее. Поэтому, если мы будем сидеть и ждать, то через какое-то время нас отключат, и мы вернёмся в твою квартиру… но…

Под «страховкой» она понимала то, что все они подключили свои нейролинкеры к глобальной сети не беспроводным методом, а проводами через домашний сервер Харуюки. Это означало, что даже если они не смогут выйти из неограниченного поля самостоятельно, их товарищи, покинувшие это поле, смогут освободить их, немедленно отключив от сети.

В реальном мире Харуюки, Утай, Черноснежка, Фуко, Такуму и Тиюри находились в зале квартиры Харуюки с соединёнными между собой нейролинкерами. Поэтому Черноснежка, которая наверняка ушла с поля через портал полицейского управления, находившегося совсем рядом с мостом, могла немедленно отключить Харуюки и Утай от сети, выдернув их кабель.

Но тут Утай вновь перешла на задумчивый тон:

— Но с учётом всего произошедшего, Лотос и прочие наверняка в замешательстве. Ведь случилось совершенно невероятное, и мы с тобой пробились сквозь Судзаку. Возможно, это наш единственный шанс разведать территорию Имперского Замка.

— Единственный?.. Что мешает нам потом попробовать пробиться по точно такой же тактике?..

Естественное, проходить через это снова он ни капельки не хотел, но возможность повторного успеха допускал. Утай подняла руку и указала ей на юго-запад, за спину Харуюки.

— Ку-сан, посмотри вон туда. На врата с внутренней стороны.

— Х…хорошо.

Обернувшись, Харуюки осторожно высунулся из тени столба и вгляделся в гигантские врата, находящиеся в пятидесяти метрах от него.

Гигантские створы, сделанные из мощного тяжёлого дерева,

надёжно отделяли внутренний мир от внешнего. Казалось совершенно невероятным то, что шесть часов назад они слегка приоткрылись, пропуская Харуюки и Утай.

Палец Утай указывал точно на середину створов. Их освещал лишь тусклый свет фонарей, и Харуюки пришлось хорошенько прищуриться, но потом он заметил нечто огромное.

Рельеф. Створы врат держала закрытыми квадратная металлическая плита, примерно три на три метра. Рельеф выгравирован на её поверхности, и он слишком сложный и внушительный, чтобы быть простым украшением.

— А… — обронил Харуюки, когда ему, наконец, удалось воссоздать изображение в своей голове.

На рельефе была изображена огромная птица с широко раскинутыми крыльями и острым клювом на длинной шее. Это был Судзаку, один из Четырёх Богов.

— Это… печать?.. — на автомате прошептал Харуюки и ощутил, как Утай вновь кивнула.

— Я тоже так подумала. Ку-сан… ты, наверное, и не заметил, но… в тот момент, когда мы с тобой влетели внутрь, эта печать была кем-то сломана.

— Э… э-э?! — удивлённо воскликнул Харуюки и тут же зажал рот рукой. Затем он приглушённо переспросил: — С…сломана?!.. То есть, она не разошлась в стороны сама по себе… а её кто-то разбил?

— Давай я расскажу, что видела. Она не разделилась вертикально пополам. На ней остались два грубых рубленых следа, словно кто-то дважды ударил по ней огромным клинком. Следы были диагональными, крест-накрест, — иллюстрируя эту картину, Ардор Мейден скрестила перед собой ладони соответствующим образом. Опустив руки, она добавила ещё более приглушённым тоном. — Но через несколько секунд после того как мы оказались внутри, печать восстановилась и стала выглядеть, как сейчас. В этом мире такие печати работают системными замками. Эта печать висит, пока жив Судзаку, и до его смерти она не должна никого пропускать. Я думаю… что-то разрубило её изнутри, открыв на мгновение ворота, когда мы приближались к ним. Или кто-то…

— Но… погоди. Это же получается…

Харуюки упорно вглядывался в освещаемый фонарями рельеф. Он несколько раз не мог решиться произнести эти слова. Наконец, он собрался с мыслями и сказал:

— Выходит, что какой-то бёрст линкер проник в Имперский Замок до нас… и более того, этот кто-то разрубил печать специально для того, чтобы внутрь мог попасть кто-то ещё?..

— Да, я думаю именно так.

— Но… но ведь Судзаку до сих пор жив. Как этот бёрст линкер проник внутрь Замка? Если ты видела, что эта печать может восстанавливаться, значит, она не могла быть разбита когда-то давно… но ведь этот кто-то не мог пройти сквозь врата, не убив Судзаку… разве нет?..

Утай вновь сложила руки на коленях и покачала головой.

— Этого и я не знаю. Боюсь, мы узнаем это… только если войдём во дворец…

К концу фразы она перешла на совсем тихий шёпот, и Харуюки перевёл взгляд на силуэт к северу от них.

«Проникнуть туда? В самый центр сердца Ускоренного Мира?..

Ни за что. Это безумие, у нас ничего не получится. Хотя бы потому, что вход во дворец караулят эти жуткие бронированные Энеми-самураи. Мы никаким образом не сможем…»

Харуюки, вжав голову в плечи, убеждал себя в безнадёжности затеи, как вдруг…

Глубоко в его голове появилась таинственная сцена, словно спроецированная на экран.

Он увидел, как ещё один аватар, его второе я, встал на ноги и направился на север. Аватар прятался за столбами, чтобы не попадаться на глаза самураям. Он шёл осторожно, но уверенно. Он направлялся не на надёжно охраняемый вход, а к окну на белоснежной стене на значительном удалении от него…

— …забудем на мгновение о печати, в конце концов нам всё равно придётся выдвинуться, — донеслись до слуха слова Утай, разрушив иллюзию.

Харуюки резко открыл глаза и заморгал. Утай, не обратив на это внимание, продолжала внимательно смотреть на дворец и приглушённо говорить:

— Если мы будем тут ждать, то Лотос в итоге насильно отключит нас с тобой. Но следующий анлимитед бёрст погрузит нас из реальности на это же самое место. Наша ситуация не сильно лучше бесконечного истребления.

— А… э, да, ты права… — согласился с ней Харуюки, кое-как собравшись с мыслями. — Наша с тобой миссия, Синоми… э-э, Мей, закончится только тогда, когда мы пройдём через портал. Поэтому мы должны либо вновь открыть врата, увернуться от атаки Судзаку, перелететь через мост и добраться до полицейского управления… либо найти портал внутри дворца…

— Да… всё именно так.

Ардор Мейден кивнула. Харуюки посмотрел в её багровые глаза, глубоко вдохнул и неожиданно сказал:

— Мей. У меня есть предложение, которое я не могу ни обосновать, ни оправдать, но… я хочу попробовать проникнуть во дворец. Я не знаю, почему… но мне кажется, что я смогу.

Он продолжал смотреть в глаза наклонившей голову жрицы, а его аватар тем временем подобрал ноги и выпрямился. Сжав руки в кулаки, он продолжил:

— Я понимаю, что если нас убьют эти самураи или какие-то более сильные Энеми, то мы окажемся в «дворцовом бесконечном истреблении», и что-либо хуже этой ситуации вообразить сложно. Я понимаю, что нельзя так рисковать, опираясь лишь на невнятное предчувствие. Но… но я всё равно хочу пойти… мне кажется, что я должен это сделать…

Харуюки старался говорить уверенно, но к концу его голос стал едва различим. Он понимал, что такими словами ни за что не убедит бёрст линкера седьмого уровня, гораздо более опытного по сравнению с ним. Но тут…

— Я понимаю, — вдруг ответила Утай и кивнула.

Харуюки рефлекторно воскликнул в ответ. Жрица усмехнулась, а затем пересела ровно напротив него, так, что их колени соприкоснулись. Затем она протянула правую руку и положила её на кулаки Харуюки.

— Ку-сан. Когда за тобой гналось пламя Судзаку, ты проигнорировал приказ Лотос об отступлении и полетел к алтарю, чтобы спасти меня. В тот самый момент я всё поняла. Что тебе можно… нужно доверять. Хотя… возможно, я осознала это в тот самый момент, когда впервые увидела тебя… старающегося изо всех сил, пытающегося в одиночку расчистить сарай на заднем дворе школы Умесато…

— Д… да ладно тебе. Я… совсем не такой, как тебе… — проговорил Харуюки заплетающимся языком и глубоко свесил голову. — Я никогда ничего не продумываю… постоянно совершаю ошибки… да даже пока мы чистили сарай, я случайно облил тебя водой…

Словно вспомнив этот эпизод, Утай усмехнулась, а затем ещё сильнее сжала кулаки Харуюки.

— Уверена, тебе уже говорили. Истинная сила — в том, чтобы двигаться вперёд, несмотря на все поражения, падения и ошибки. И я верю в то, что даже если нас убьют Энеми, скрывающиеся в глубине дворца, ты что-нибудь придумаешь.

Её слова были нежными, и в то же время сильными. Харуюки поднял голову, увидел перед собой блестящие глаза Утай и кивнул.

— …Да. Я знаю, я что-нибудь соображу. Давай возвращаться… к тем, кто ждёт нас в реальном мире.

Глава 3

Дорога, что вела от южных врат Имперского Замка (Врат Судзаку) до дворца имела длину около трёхсот метров.

Вдоль неё примерно каждые восемь метров стояли красные столбы.

Каждый столб был два метра в диаметре, так что интервал между ними, в конечном счёте, составлял шесть метров. Патрулировавшие дорогу группы Энеми-самураев не обращали внимания на неподвижно стоящих в тени столбов аватаров, но могли заметить их во время перемещения, в том числе по звуку шагов. При обнаружении противника они нападали мгновенно.

Именно поэтому Харуюки и Утай пришлось пробираться к дворцу Имперского Замка перебежками, старательно избегая самураев. Естественно, Харуюки мог попытаться включить крылья и не прилипать к каждому из тридцати пяти столбов, но он опасался летающих в небе птиц, похожих на ястребов. Возможно, это просто безобидные животные, но они вполне могут оказаться Энеми, которые всполошили бы по тревоге весь Замок.

Но, к счастью, крылья Харуюки ему всё-таки пригодились.

Примерно на полпути он пригнулся, взял маленькое тело Ардор Мейден на руки и вслушался, подгадывая момент. По дороге, в пяти метрах от них, с громким лязгом шли на юг Энеми.

Он дождался, пока звуки шагов поравняются со столбом и начнут удаляться дальше, а затем…

Утай кратко кивнула ему. Одновременно с этим Харуюки расправил чешуйчатые крылья и плавно взмахнул ими, выполняя длинный прыжок вместо привычного полёта. Он мягко приземлился через восемь метров, точно за следующим столбом. Оставшиеся за спиной самураи этот трюк не заметили и продолжили идти вперёд.

— Фух… — обронил было Харуюки, но быстро одёрнул себя, натолкнувшись на обеспокоенный взгляд Утай. Он тут же успокаивающе кивнул, глядя в её рубиновые глаза.

У Харуюки был кое-какой опыт борьбы против Энеми на неограниченном нейтральном поле, но ему никогда ещё не приходилось скрытно передвигаться в такой нервной обстановке. За двадцать с лишним минут они едва успели пройти сотню метров. Но спешить нельзя. Необходимо предельно сконцентрироваться и передвигаться аккуратными прыжками.

Несмотря на всю сложность ситуации, у Харуюки в рукаве оставались пара козырей. Во-первых, «Полёт» не требовал оглашения вслух названия техники — эта способность активна

всегда. Это не давало самураям услышать их.

Во-вторых, мало кто мог сравниться с Аритой Харуюки, когда нужно было вести себя тише воды и ниже травы. Вряд ли среди трёхсот шестидесяти школьников Умесато есть ещё кто-то, кто так долго и упорно совершенствовал свой навык незаметности. Ключ к мастерству в этом деле — «красться открыто», как бы парадоксально это ни звучало. Харуюки навсегда уяснил это для себя после того, как в первом классе средней школы он так старательно избегал взглядов одноклассников, что, наоборот, привлёк внимание задир с садистскими наклонностями. Ни к чему хорошему его старания не привели.

Поэтому, несмотря на всю осторожность, он не боялся, а прыгал максимально естественно.

Запас энергии, восполненный огненным дыханием Судзаку, казался бесконечно ценным, но оставшихся у него 60 % должно хватить. Нужно лишь не торопиться и аккуратно прыгать между столбами. Именно такая прилежная работа и приводила к результату. Харуюки понял это после уборки сарая.

Следующая группа самураев прошла мимо столба. Утай кивнула. Он кивнул в ответ. Взмах крыльев. Прыжок.

Через сорок минут они, наконец, добрались до последнего столба, и теперь Харуюки позволил себе выдохнуть с облегчением.

Патрули самураев, судя по всему, до этого столба не доходили. Всё ещё лежавшая на его руках Ардор Мейден осмотрелась по сторонам, убедилась в отсутствии Энеми, а затем тихонько прошептала:

— Молодец, ты отлично поработал, Ку-сан.

— Угу… ты тоже, Мей, — ответил Харуюки и осторожно опустил её на землю. Они уселись в тени столба, тщательно вглядываясь вперёд.

Самый центр самого центра неограниченного нейтрального поля (и, соответственно, Ускоренного Мира), Дворец Имперского Замка, находился от них в каких-то пяти метрах.

Следуя стилю Эпохи Хейан, здание больше всего напоминало дворец Дайгокудэн в древнем Киото, который Харуюки видел на уроках истории. Но он был гораздо, гораздо больше.

Крыша из чёрных плит. Выкрашенные белым стены. Красные, словно столбы, решётчатые окна.

Слева от них, в конце дороги, располагался главный вход. Но войти через него, скорее всего… нет, однозначно невозможно. Слева и справа вход охраняют ещё более опасные Энеми, похожие на демонов… или божественных воинов. Выглядели они

устрашающе.

— Ку-сан… я всё-таки спрошу. Ты собираешься сразиться с ними?

— Т-т-т-т-ты что, н-н-н-не шути так. Я к ним ни на миллиметр не хочу приближаться…

— Если честно, я тоже. Но… что нам теперь делать в таком случае? Как я понимаю, портал есть только внутри дворца…

— Э-эм…

Харуюки прикусил губу.

Он мог сказать ей, на чём был основан его план, но не знал, поверит ли она ему. Но в то же время он не хотел врать Синомии Утай, маленькой невинной девочке, которая в течение двух с лишним лет несла на душе такой груз, что он не мог даже представить. Поэтому он решил сказать правду.

— Когда мы спали в тени южного столба, я видел сон… в нём кто-то, очень похожий на меня, но не я, пошёл по тому же маршруту, что и мы, и вошёл во дворец…

Он всё ещё не мог вспомнить подробности того сна. Но когда он увидел ту иллюзию, двигавшуюся вперёд по брусчатке, ему удалось смутно вспомнить и то, чем закончилась та сцена.

Харуюки положил руку под ноги недоумевающей Ардор Мейден и осторожно поднялся, прижимая её к себе. Оглядевшись по сторонам и убедившись, что вокруг безопасно, он потратил остатки энергии на последний прыжок.

Но он прыгнул не влево, ко входу, а вправо — к решётчатому окну, пятому слева от дверей.

Приземлившись точно перед красной деревянной решёткой, он опустил Утай на землю. Та сделала шаг вперёд, обернулась и покачала головой.

— Я думаю… оно не откроется. И сломать его, наверное, тоже нельзя. Практически все такие окна с точки зрения системы являются неразрушимыми запертыми объектами…

Она говорила правду. Если обычные дуэльные поля Брейн Бёрста похожи на уровни в файтинге, то неограниченное нейтральное поле имело гораздо больше ролевых элементов, выводящих на первое место приключения и тактические бои. На обычных полях большинство объектов с лёгкостью разрушалось, но на неограниченном поле всё было далеко не так просто. В RPG запертым дверям нужен соответствующий ключ. Так было и в этом мире — если не открыть дверь каким-либо способом, то пройти через неё невозможно.

Но Харуюки лишь кивнул Утай, а затем ещё раз осмотрел окно.

Он протянул к нему руку, ухватился на красную перекладину,

помолился и потянул руку назад.

И… решётка на окне повернулась вокруг своей оси.

— …! — ахнула Утай. Её багровые глаза широко раскрылись от удивления.

Ей было отчего удивляться. Эти окна запирались металлическими защёлками в нижней части. Но защёлки на этом окне были убраны. С точки зрения системы его можно считать открытым.

Ардор Мейден молча подошла к соседнему окну и протянула к нему руку. Она попыталась открыть его тем же образом, но перекладины не поддались. Очевидно, что кто-то был здесь до них и открыл это пятое окно изнутри.

— Ты узнал, что это окно открыто… из того же сна?.. — тихо спросила Утай, вернувшись обратно, и Харуюки кивнул.

— Да… во сне кто-то просочился сквозь него… и открыл замок.

— Это случайно не тот же самый человек, что сломал печать на южных вратах?

— Этого… я не знаю. Но, по-моему, такой сцены в моем сне не было… и у этой фигуры не было меча… — неуверенно ответил Харуюки, отчаянно копаясь в воспоминаниях, но речь всё-таки шла о сне.

В памяти всплывали лишь хаотичные фрагменты, которые он не мог даже расставить в хронологическом порядке. Возможно, ему могли бы помочь «программы для записи снов», которые разрабатывали сетевые операторы, но, увы, сторонние приложения в Брейн Бёрсте можно запускать лишь на «базовом ускоренном поле», также известном как синий мир.

Более того, оставался ещё один вопрос — действительно ли это был сон?

Ведь сны рождаются из собственных воспоминаний человека. А значит, он не должен был видеть во сне того, чего не знал сам. Но Харуюки ещё никогда не проникал внутрь Имперского Замка. А раз так, откуда у него взялись воспоминания о том, что это окно открыто?..

В этот момент с восточной стороны донеслись тихие звуки, и Харуюки тут же повернул голову в их сторону.

Звук шёл со стороны узкой тропинки, ведшей от длинной белой стены в сад осенних деревьев. Приближался патруль самураев. Стены дворца они патрулировали нечасто, но время очередного обхода настало, а значит, им нужно двигаться дальше.

Быстро переглянувшись, Харуюки и Утай кивнули друг другу. Отступать они не собирались. Харуюки просунул голову в неизвестно кем открытое окно и убедился, что внутри нет

никаких Энеми. Затем он тут же проскользнул внутрь и помог пролезть в него Ардор Мейден. Закрыв окно обратно, они быстро пригнулись под ним.

У окна послышались тяжёлые шаги направлявшегося ко входу патруля. Остановившись у дверей, Энеми развернулись и вновь ушли на восток мимо окна.

— Фух… — в очередной раз вздохнул Харуюки.

Они ещё раз переглянулись, после чего стукнулись кулаками и улыбнулись.

Наконец-то…

Им удалось проникнуть не только в Имперский Замок, о неприступности которого ходили легенды, но и в его дворец. Они находились совсем близко к самому сердцу Ускоренного Мира.

Впрочем, увы, они были почти уверены в том, что кто-то уже побывал здесь до них. Более того, если человек, сломавший печать на Вратах Судзаку, и человек, отпёрший окно — разные люди, то выходило, что до них посетили это место аж два аватара.

Но если им и суждено узнать, кто это сделал, то ответ на этот вопрос лежит в глубинах дворца. Да, коридоры дворца наверняка охраняют ещё более опасные Энеми, чем снаружи, но другого выхода нет.

Харуюки на мгновение зажмурился, а затем тихо спросил Утай:

— Так… сколько реального времени прошло с тех пор, как мы погрузились?..

— Внутри прошло около семи часов… или двадцать пять тысяч двести секунд. Делим на тысячу, получаем двадцать пять секунд.

— Ясно… значит, семпай и остальные уже секунд двадцать как вернулись с поля. Сколько нам ещё осталось ждать до отсоединения кабеля?

— Если они поторопятся, то отключение займёт у них секунд тридцать. Это ещё десять секунд реального времени… выходит, у нас осталось два часа сорок пять минут, — моментально ответила Утай, демонстрируя отточенные навыки.

Харуюки, который до сих пор не научился пересчитывать в уме реальное и ускоренное время, кивнул.

— Либо мы дойдём до конца, либо умрём на полпути. Нас устроят оба исхода. Идём, Мей. Кажется, правая сторона безопаснее.

Он встал на колено и протянул Утай руку…

Но та лишь смотрела на него багровыми глазами, не отрывая взгляда.

— ?.. — Харуюки удивлённо склонил голову.

Утай со смешинкой в голосе объяснила:

— Ку-сан, с тех пор как мы пришли сюда, ты стал казаться таким надёжным и уверенным. Прямо… как мой старший брат.

Эти неожиданные слова резко перегрузили сознание Харуюки. Глаза его забегали, а голос сбился на фальцет:

— О, ого, Мей, так у тебя брат есть? В каком он классе?

Но Утай не ответила. Вместо этого она приняла протянутую ей руку и поднялась. На лице её появилась ещё одна улыбка, показавшаяся ему печальной, и она сказала:

— Пойдём. Я не знаю, выживем мы или нет… но я готова доверить тебе свою жизнь, Ку-сан.

— …Хорошо.

Отбросив в сторону сомнения, Харуюки кивнул.

Он сам предложил проникнуть во дворец. А значит, именно он должен защищать Утай. И тот факт, что она была гораздо сильнее его как бёрст линкер, был совершенно не важен. Он готов защищать её ценой своей жизни, чтобы не дать ей снова попасть в бесконечное истребление…

Убедив в этом самого себя, Харуюки начал идти по деревянному коридору. В ушах послышались отзвуки тихого голоса:

«Слушай, братик Харуюки. Если кто-то из нас… или мы оба потеряем Брейн Бёрст…

Мы ведь полностью лишимся воспоминаний друг о друге…»

Эти слова — не очередные обрывки сна. Их он слышал два дня назад, 16 июня, в воскресенье. Вернувшись с Конференции Семи Королей, проходившей на обычном поле в восточном саду императорской резиденции, Харуюки вдруг встретился у себя дома со Второй Красной Королевой Скарлет Рейн, Кодзуки Юнико. Слова принадлежали ей.

В тот день она выглядела напуганной. Хотя, нет, если речь зашла о возможной потере Брейн Бёрста, то она однозначно чего-то боялась.

Но чего? Разве Нико, Монохромной Королеве, девяточнице, управлявшей значительной частью Ускоренного Мира, есть кого бояться? Она обладала Усиливающим Снаряжением невообразимой мощи, в совершенстве освоила Инкарнации типа «Увеличение Радиуса Атаки» и «Увеличение Мобильности». Пожалуй, она смогла бы даже сбежать от Судзаку без посторонней помощи.

Хотя… в реальности Нико лишь шестиклассница, и, возможно, ей действительно иногда становилось страшно. Кроме того, полгода назад, во время инцидента с Бронёй Бедствия ей

пришлось лично казнить своего собственного родителя, Пятого Хром Дизастера Черри Рука. В реальности Рук — один из крайне немногих друзей этой девочки, живущей в школе-интернате. Но теперь он потерял воспоминания о Брейн Бёрсте и перевёлся в далёкую школу. Удивительно, как Нико умудрялась не казаться одинокой после всего этого.

— Слушай, Мей… — сам того не осознавая произнёс Харуюки, продолжая идти по длинному коридору.

— Да?

Он какое-то время смотрел на жрицу и пытался подобрать нужные слова. Собравшись с мыслями, он сказал:

— После того как мы отыщем портал… и разберёмся со всеми нашими проблемами, я хочу кое с кем тебя познакомить.

— С кем… со своим другом? В реальности?

— Ага. Она на два года старше тебя… учится в шестом классе. Она немного дерзкая и порой грубоватая, но… она очень хороший человек. И… если получится, я хотел бы, чтобы вы с ней тоже…

Вдруг…

Он ощутил в груди резкое чувство, отозвавшееся болью. У Харуюки спёрло дыхание, и он широко открыл глаза.

Что это… предчувствие? Ощущение того, что этому не суждено будет сбыться?.. Того, что перед этим случится какая-то трагедия?..

«Я этого не допущу!

Я буду защищать свой мир. В нём никто не будет страдать. Не будет грустить. Ни семпай, ни учитель, ни Тию, ни Таку, ни Синомия… и, конечно же, ни Пард, ни Нико. Я буду защищать это маленькое, но тёплое кольцо из уз, чего бы мне это ни стоило.»

— Ку-сан, — вдруг услышал он встревоженный голос и резко поднял голову.

Повернувшись к шедшей рядом маленькой девочке, он увидел, что та внимательно вглядывалась вперёд.

Он проследил за её взглядом, и увидел во тьме несколько гигантских фигур. Тут же послышались звуки тяжёлых шагов.

— Так и знала, что внутри тоже будут Энеми, — шепнула Утай.

Харуюки кивнул и посмотрел по сторонам. На правой стене были решетчатые окна, и, открыв замки, они могли бы сбежать наружу, но там их тоже могли поджидать вражеские патрули.

Слева же располагалась не стена, а богато расписанные раздвижные двери. Замков видно не было, но какие из дверей настоящие, а какие — просто декоративные стены?..

И тут он увидел очередную таинственную иллюзию.

Прозрачный силуэт подошёл к двери в двух метрах от них, сдвинул её в сторону и скользнул внутрь.

— …Сюда, — уверенно сказал Харуюки и пошёл по стопам иллюзии.

За открытой дверью обнаружился похожий деревянный коридор. Но у этого коридора раздвижные двери были с обеих сторон. Пройдя в новое пространство, они аккуратно задвинули дверь обратно.

Но не успел Харуюки даже вздохнуть, как услышал перед собой скрип. Иллюзия, похожая на него по виду, скользила по коридору. Наконец, она остановилась возле одной из дверей, открыла её и исчезла за ней.

«Что это за тень? Почему её вижу только я?»

В голове Харуюки копились вопросы, но ему оставалось лишь одно — следовать за фигурой.

Подавив отзвуки боли в своей груди, он вновь сконцентрировался, взял Утай за руку и повёл её к следующей двери.

Если бы они попытались пройти Дворец Имперского Замка самостоятельно, старательно обходя патрули самураев и священников, им не хватило бы и суток. Проходы были широкими и, к счастью, в них то и дело попадались колонны и статуи, за которыми можно спрятаться. Но маршруты патрулей были очень запутанными, и с первого взгляда понять их очень сложно. Кроме того, в похожих друг на друга коридорах и дверях легко заблудиться. Автоматической карты в Брейн Бёрсте нет, и через какое-то время можно вообще забыть о том, где находятся стороны света.

Тому, что Харуюки смог пройти этот сложнейший лабиринт чуть больше чем за час, он полностью обязан помощи таинственного силуэта, мелькавшего перед глазами.

Неизвестный стройный аватар скользил мимо патрулей, словно игла сквозь ткань, постоянно оказываясь в их мёртвой зоне. Он раз за разом открывал ничем не отличающиеся от стен двери, ведя за собой Харуюки и Утай. Становилось понятно, что это не отголоски сна и тем более не иллюзия.

Это «воспоминания». По неизвестной причине в голове Харуюки оказались воспоминания бёрст линкера, проникшего в Имперский Замок до них. Других объяснений в голову не приходило. Но если этот кто-то проник вглубь дворца, то он должен был вернуться из него живым, чтобы каким-то образом передать Харуюки свою память.

А значит, там, куда направлялась призрачная фигура, должен

быть портал в реальный мир.

Харуюки верил в это и смело следовал за тенью, ведя Ардор Мейден за руку.

Естественно, опасные моменты были. Но за весь час ни один Энеми так и не смог обнаружить их, и вскоре они оказались у входа в большую комнату, которая, судя по всему, была недалеко от выхода.

— Это же… — прошептала Утай и крепко сжала его руку.

Изнутри эта комната напоминала скорее собор. Под потолок уходили красные колонны, а все стены были завешены богатой росписью по шёлку. От помещения отчётливо веяло духом «комнаты последнего босса», но никаких Энеми в ней не было.

Плотная атмосфера комнаты заставила Харуюки затаить дыхание. Он сжал руку Утай в ответ и начал усердно вглядываться.

Силуэт из воспоминаний Харуюки, приведший их сюда, медленно вошёл в комнату, а затем скрылся в её глубине. Решившись, Харуюки проследовал за ним.

Тень проскользнула между колонн…

И, дойдя до определённой точки, беззвучно исчезла.

— А… — обронил Харуюки и ускорил шаг.

Если тень исчезла, значит, именно там и должен быть портал. Но в комнате царил холод и мрак, а спасительного голубого света не видно.

«Нет… мы ведь через столько прошли, не может же быть так, чтобы в этой комнате не было выхода…»

Харуюки преодолел ещё десять метров чуть ли не бегом, но был вынужден признать, что его опасения подтвердились.

Там что-то было. Но это явно не портал.

В двух метрах друг от друга стояли два постамента из чёрного камня. Высотой по грудь Сильвер Кроу. Сверху к ним прикреплялась похожая по цвету тонкая плита. Стало понятно, что эти пьедесталы стояли здесь не для украшения — на них что-то должно быть.

Но… оба они пусты.

Кто-то уже успел забрать то, что когда-то лежало на них. Скорее всего, одну из вещей забрал именно тот силуэт, что привёл сюда Харуюки и Утай. И эта вещь стала для него ключом обратно в реальный мир. Она была одноразовым порталом.

— Не может быть… мы ведь столько шли… — плечи Харуюки тут же опустились от досады.

И тут…

Утай сжала его левую руку почти до скрипа.

— ?!..

Резко повернувшись, Харуюки увидел, что молодая жрица, совершенно утратив своё хладнокровие, зачарованно смотрела на правый пьедестал полными света глазами. Её лицо мелко дрожало, и из губ послышался хриплый голос:

— Плита Семи Звёзд…

— Э… что?.. — переспросил Харуюки. Этого названия он раньше не слышал.

Харуюки ещё раз осмотрел пьедестал и вдруг заметил маленькую стальную плиту, вдавленную в него спереди. Он подошёл к ней на шаг и увидел, что на ней выгравировано несколько строк текста и загадочная карта.

На ней изображены семь точек, соединённые линиями. Форма была ему знакома. Именно её он два часа назад видел на небе дворового сада.

Хвост Большой Медведицы. Большой Ковш.

…Дёрг.

Вновь заныла точка на спине. Боль показалась Харуюки чуть более отчётливой, чем раньше. Он постарался мысленно подавить её и тихо спросил:

— Под «Семью Звёздами» ты имеешь в виду Большой Ковш на рисунке? Ты что-то знаешь об этом пьедестале?..

Утай, наконец, подняла голову, и как можно более приглушённым голосом сказала:

— На этом пьедестале когда-то лежало Усиливающее Снаряжение. Но это не просто оружие или щит. Это один из сильнейших и самых легендарных предметов Ускоренного Мира. Их называют «Звёздным Снаряжением»… или «Семью Артефактами».

— Семь… Артефактов…

Это название он уже слышал.

И отлично помнил значение этих слов. Позавчера, на Конференции Семи Королей, ему о них рассказала Скай Рейкер. Посох Фиолетовой Королевы Пёрпл Торн: Буря. Меч Синего Короля Блу Найта: Импульс. Щит Зелёного Короля Грин Гранде: Конфликт. Она сказала, что все они относились к Семи Артефактам.

Помимо этого, Рейкер рассказала ему, что этих артефактов только должно быть семь, но на сегодняшний день известно лишь о четырёх. Судя по всему, теория о том, что их «должно» быть семь, родилась именно после взгляда на эти плиты. Приглядевшись, можно заметить, что шестая слева звезда была крупнее прочих. Каждой звезде соответствовал свой артефакт.

— То есть, артефакты Синего и прочих Королей тоже когда-то лежали на похожих пьедесталах?.. — спросил Харуюки, стараясь

выразить ход своих мыслей максимально кратко, и Утай тут же кивнула.

— Да. Покоритель и прочие нашли свои артефакты в глубинах так называемых «Четырёх Великих Подземелий»: одно находится в столичной администрации в Синдзюку, второе в парке Сибако, третье в Токийском Куполе, четвёртое под Токийским Вокзалом. Я была в том подземелье, где нашли Импульс, и видела его пьедестал. Он выглядел точно так же. Посмотри вот сюда, Ку-сан, — прошептала она и указала пальцем под рисунок.

Там находилась краткая, строгая надпись книжным шрифтом. Гласила она «Мицар», но значение этого слова Харуюки не знал.

— Мицар — это одно из названий шестой звезды Большого Ковша, Зеты. На пьедестале меча Импульса была выделена первая звезда, Альфа, а надпись гласила «Дубхе». Аналогично я слышала, что посоху Буре соответствует вторая звезда Бета, «Мерак», а щиту Конфликту — третья звезда Гамма, «Фекда».

— Понятно… — Харуюки кивнул, пытаясь уложить в голове вереницу новых названий.

Четыре Великих Подземелья, каждое из которых находилось к северу, востоку, югу или западу от Имперского Замка. В каждом из них было сокрыто Усиливающее Снаряжение. На каждом пьедестале значилось имя звезды. В то же время, все эти звёзды — части «черпака» Ковша.

Нашедшие их ветераны разумно решили, что это четыре вещи из комплекта, в который входили семь величайших артефакта неограниченного поля.

«Эх, всё же жаль, что я не стал бёрст линкером раньше. Как же было здорово, наверное, исследовать эти подземелья, придумывать тактику на их боссов и находить это Усиливающее Снаряжение. Как жаль, что всё это уже позади», — с сожалением подумал Харуюки, но тут же одёрнул себя. Его учитель, Скай Рейкер, сказала ему, что «всё ещё впереди». Более того, стань он бёрст линкером раньше, сейчас он, скорее всего, сражался бы против Нега Небьюласа… и против Черноснежки. Если бы ему не повезло стать её ребёнком, его бы вовсе не было в этом мире.

Харуюки склонил голову и раскаялся в своих мыслях, после чего тихо обратился к Утай:

— Кстати говоря, раз уж мне во время Конференции Семи Королей не удалось увидеть последний из четырёх известных на сегодняшний день Артефактов, может, расскажешь про него? Я так понимаю, что он, как и другие три, когда-то хранился в глубине одного из Четырёх Великих Подземелий, и кто-то его уже забрал?

— Ты говоришь о… четвёртой звезде Дельте, «Мегрец», и оно было спрятано в глубинах лабиринта под парком Сибако. Да, этот пьедестал тоже пуст, но… — Утай ненадолго прервалась и приняла задумчивый вид. — По надписи на плите мы знаем, что этот Артефакт назывался «Сияние», но мы всё ещё не знаем, кто его забрал. По крайней мере, нам неизвестен ни один случай его использования в бою.

— Э?..

Этих слов он не ожидал. Неужели кто-то таким трудом заработал одно из сильнейших орудий Ускоренного Мира, но затем ни разу не воспользовался им? Возможно, этот человек боялся, что на него откроют охоту из-за того, что он владел Артефактом, но если у него хватило сил пройти Великое Подземелье, то вряд ли кто-то стал бы спорить с тем, что он достоин чести владеть им.

Кроме того, рассказ Утай не сходился с тем, что знал сам Харуюки. Поэтому он спросил:

— Но… Рейкер говорила о них именно как о четырёх «известных» Артефактах из семи. Неужели она посчитала и Сияние, хотя мы до сих пор знаем о нем лишь то, что написано на его пьедестале?

— Нет…

Утай покачала головой, вслед за которой качнулись и волосы. Затем её голос отчего-то стал более неуверенным и тихим:

— Сияние до сих пор считается «неизвестным». Последний из четырёх Артефактов, которые появлялись в Ускоренном Мире… соответствует звезде «Мицар» и должен был находиться на этом пьедестале. «Судьба».

— Судь… ба… — повторил Харуюки за ней это слово и ещё раз посмотрел на плиту.

Картинка с Большим Ковшом и выделенной на ней шестой звездой. Название этой звезды под ней. А ещё ниже действительно написано: «THE DESTINY».

Это слово должно быть ему незнакомым.

Но Харуюки вновь ощутил то самое странное чувство. Зуд в глубине души. Пульс медленно поднялся к середине спины и словно вспыхнул огоньком.

Мир перед глазами дрогнул. Но не весь, дрогнула лишь строка текста, на которую он смотрел. Буквы «DESTINY» качнулись, исказились и начали превращаться в другое, похожее слово…

— Ку-сан.

Вновь ощутив, как кто-то сжал его руку, Харуюки опомнился.

Иллюзия развеялась, и металлическая плита снова приняла

свой старый вид. Зуд в спине тоже пропал. Харуюки несколько раз моргнул, попытался вспомнить, на чём остановился их разговор, и поспешил хрипло извиниться перед Утай:

— А… п-прости. Я немного… задумался. Так вот… выходит, что до нас сюда действительно кто-то приходил, забрал с пьедестала «Судьбу», а затем использовал в боях? Как его звали? Я так понимаю, это один из Королей?..

Но в ответ Ардор Мейден кратко качнула головой.

— Извини… но я не видела Судьбу своими глазами… это случилось задолго до того, как я стала бёрст линкером…

— Ясно…

Обуздав свою нетерпеливость, Харуюки кивнул. Если уж такой ветеран, как Утай, ничего не знала об этом Артефакте, то уж к Харуюки, ставшему бёрст линкером каких-то восемь месяцев назад, эта история вообще не имела никакого отношения. А значит, это беспокойство, это чувство, что он что-то знает, но никак не может вспомнить, — лишь иллюзия.

Оторвав взгляд от пьедестала «Судьбы», Харуюки прошёл к соседнему, всё ещё ведя за руку Утай.

В этот пьедестал была врезана точно такая же плита. И гравировка в виде Большого Ковша была той же самой, но выделена на ней была пятая звезда. Текст под ней гласил: «Алиот».

— Алиот, значит…

— Ага. Так называют пятую звезду, Эпсилон. А Артефакт зовётся…

Они вместе перевели взгляды на нижнюю часть плиты и шёпотом прочитали: «THE INFINITY».

— Я впервые вижу это имя. Но раз этот пьедестал пуст, как и соседний, то кто-то уже… возможно, даже тот же самый человек, унёс его отсюда… выходит, этот Артефакт, как и Сияние, придётся записать в «неизвестные»…

— Похоже… на то, — кивнув, ответил Харуюки и вздохнул.

В тот день, когда проходила Конференция, Харуюки впервые погрузился на дуэльное поле в районе Тиёда и впервые увидел Имперский Замок вблизи. Черноснежка сказала ему, что, по слухам, внутри него спрятана невероятная экипировка.

Слухи оказались правдивыми. Более того, эта экипировка вполне могла превосходить по силе даже Артефакты Синего, Зелёного и Фиолетового Королей. Но они нашли лишь пьедесталы артефактов, а сами вещи кто-то забрал ещё давным-давно. Харуюки, как заядлый геймер, был глубоко разочарован.

— «Бесконечность»… интересно, что это была за вещь… хоть одним глазком бы её увидеть… — опечаленно прошептал он.

Но тут.

Мысль проскочила в его голове, заставив его резко поднять взгляд.

На неограниченном нейтральном поле располагались Четыре Великих Подземелья, в которых спрятаны четыре Артефакта. В самом центре поля, в глубине Имперского Замка — два. В сумме шесть. Но на каждом пьедестале были выгравированы семь звёзд. Поэтому эту экипировку и называли «Семью Артефактами». Да и Утай говорила, что она называлась в честь семи звёзд Большого Ковша. Выходит…

— А где… ещё один?.. — на автомате обронил он.

— Я тоже задумалась над этим… — кивнула Утай. — В этой комнате, находящейся в самом центре Ускоренного Мира, только два пьедестала… но где же, в таком случае, находится седьмая звезда Эта, она же «Алькаид»?..

Они молча переглянулись. И тут…

— Позвольте мне ответить на этот вопрос, — донёсся до их ушей голос молодого парня, чистый, словно осенний ветер, сдувающий с деревьев листья.

Глава 4

Услышав этот голос, Харуюки изумился и повернулся в его сторону. Голос доносился с севера, с противоположной от них стороны пьедесталов.

Но Синомия Утай отреагировала по-другому. Она немедленно отпустила руку Харуюки и тут же выставила перед ним ладонь, заставив отступить. Сама она выставила ногу вперёд и подняла левую руку, направив её во тьму.

Хрупкое тело жрицы окутал бледный оранжевый свет. Оверрей, доказательство активации Инкарнации. Но Ардор Мейден состояла в Старом Нега Небьюласе и была Элементом, а значит, должна знать о правиле, запрещающем использовать Инкарнацию в бою первым.

То, что она использовала высшую силу бёрст линкера ещё до того, как завидела противника, показывало, что она готова защищать Харуюки, даже если ради этого ей придётся нарушить табу. Кроме того, от этой ауры веяло такой испепеляющей мощью, что Харуюки вновь осознал, какая пропасть лежала между ними.

Понимая, что иначе будет лишь мешаться ей под ногами, Харуюки тоже поднял руки и принялся фокусировать воображение. Серебряный свет собрался в клинки у пальцев. Длиной они были примерно в половину руки.

Они встали в стойку, готовясь в любой момент принять бой. Голос зазвучал вновь:

— Прощу прощения за бестактность. Поверьте, у меня нет ни малейшего желания сражаться с вами.

Голос прозвучал ещё более ясно, и в нём действительно не ощущалось враждебности. Но Утай и не думала расслабляться.

— Для начала тебе нужно показать себя, — хладнокровно произнесла она и сверкнула Оверреем, словно прогоняя тьму.

Харуюки вспомнил, как это красное свечение испепелило целое поле, и затаил дыхание.

— Я понимаю. Сейчас я к вам выйду, — ответил хозяин голоса, и послышались щелчки шагов.

Он медленно приближался к ним, словно намеренно извлекая звуки из половых досок. Огни подсвечников комнаты содрогались с каждым шагом.

Щёлк. Щёлк. Судя по громкости шагов, он шёл в метрах пятнадцати от них. Если он был дальнобойным или скоростным, то именно сейчас расстояние должно быть для него идеальным. Атмосфера стала ещё напряжённее, но шаги не утихали и продолжали приближаться.

Наконец свечи выхватили из тьмы его силуэт.

Синий.

Глубокий, лазурный цвет, напоминающий то ли глубокое озеро, то ли цвет небосвода высоко над облаками.

Аватар оказался довольно маленьким, что очень подходило его юному голосу. Он лишь немного выше Ардор Мейден, но при этом не кажется хрупким.

Бронированные рукава, напоминающие кимоно, и бронированная юбка, похожая на хакаму. Сзади спускались к поясу длинные волосы. Лицо под чёлкой было молодым и свежим. От аватара веяло японским духом, и если Ардор Мейден можно назвать жрицей, то его — молодым самураем.

Дополняло образ оружие ближнего боя на левом боку.

Овальная рукоять, тонкие, длинные ножны. Меч хотелось назвать катаной, но он не был изогнутым. Зеркально-серебристый клинок. Тёмно-синее отражение аватара в нём похоже на звёздное небо, ужатое до размеров меча.

Самурай остановился в десяти метрах от них и поднёс левую руку к ножнам. Рука Утай напряглась. В следующий момент аватар с металлическим щелчком снял с пояса меч вместе с ножнами. Затем он положил его на пол и продемонстрировал Харуюки и Утай свои пустые руки. Послышался тихий голос:

— Как вы видите, сражаться я не собираюсь.

Если и управлявший этим дуэльным аватаром мальчик в душе был рыцарем, то меч он должен ценить не меньше своей души. А опустить его на пол для рыцаря означало высшее проявление нежелания сражаться.

Едва Харуюки успел подумать об этом, как Утай медленно опустила руку. Оверрей, покрывавший её тело, растворился в воздухе.

— Мы верим, — ответила Утай так чётко, что Харуюки едва не испустил возглас удивления.

Но затем он вспомнил, что она вела себя похожим образом и во время битвы с Утаном, и отменил Инкарнацию. Похоже, что эта девочка никогда не мешкала с выбором того, кому она доверяет.

Блестевшие синевой глаза аватара-самурая стали добрее, он выдохнул и заговорил более мягким голосом:

— Слава богу… если честно, я так сильно переживал по поводу того, что случится, если дело действительно дойдёт до боя…

— Э? — в этот раз Харуюки не смог сдержать возгласа. Не смог он сдержать и невежливого замечания: — Я и подумать не мог, что проникнувший сюда человек будет вести себя… как

новичок…

Самурай в ответ улыбнулся и ответил очередной шокирующей фразой:

— Я и есть полный новичок. С того момента, как я стал бёрст линкером, я не сражался в обычных дуэлях ни разу.

Подобрав меч с пола, самурай вновь закрепил его на поясе, а затем провёл Харуюки и Утай к подсвечнику у левой стены.

Меж двух огней друг напротив друга стояли два тяжёлых выступа, похожих на скамьи. Самурай сел на одну, а Харуюки с Утай — на вторую. Какое-то время все они молчали.

Харуюки извинился и коснулся полоски здоровья, чтобы вызвать меню и проверить время погружения. Они были на поле уже больше семи часов. Прошло полтора часа с того момента, как они проникли во дворец, и если Черноснежка собиралась отключить их через тридцать секунд после своего выхода, им оставалось до этого момента около часа.

Он закрыл окно, и, в тот же самый момент, аватар напротив медленно покачал головой.

— Если честно… мне всё ещё трудно в это поверить. Я никогда не думал, что когда-нибудь смогу с кем-то поговорить в стенах дворца…

Харуюки был удивлён не меньше него. Но вопросов у него скопилось столько, что он просто не знал, что спросить. Кто он? Как он проник в Замок? Как он добрался до этого зала? Как он смог сделать это, если ни разу не принимал участие в дуэлях?..

Пока мысли вихрем крутились в его сознании, сидевшая рядом Утай вдруг поклонилась.

— Я из Легиона «Нега Небьюлас». Меня зовут Ардор Мейден.

«А, ах да, сначала нужно поздороваться!» — вспомнил Харуюки и тоже поклонился.

— Я, я тоже из Нега Небьюласа. Я — Сильвер Кроу.

Молодой аватар заморгал, а затем повторил про себя:

— Нега Небьюлас…

Он произнёс эти слова так, словно впервые их слышал. Затем он выпрямился и запнулся. Харуюки не успел даже удивлённо склонить голову, как аватар тут же поправился и сказал:

— А, извините, я ещё не представился… меня зовут… Трилид Тетраоксид. Приятно познакомиться. Можете звать меня Лидом.

— Трилид… — тихо повторил Харуюки и задумался.

По законам этого мира это слово должно было обозначать цвет, но разве тёмно-синий цвет называли таким словом?

Он скосил взгляд на Утай, которая тоже сидела с задумчивым видом. Но затем она кивнула и сказала:

— Хорошо, я буду называть вас Лид-сан, — она сделала краткую паузу. — Лид-сан, это ведь вы разрушили Печать Судзаку на южных вратах изнутри Имперского Замка?

Она произнесла такой важный вопрос настолько беззаботным тоном, что Харуюки едва не упал со скамьи.

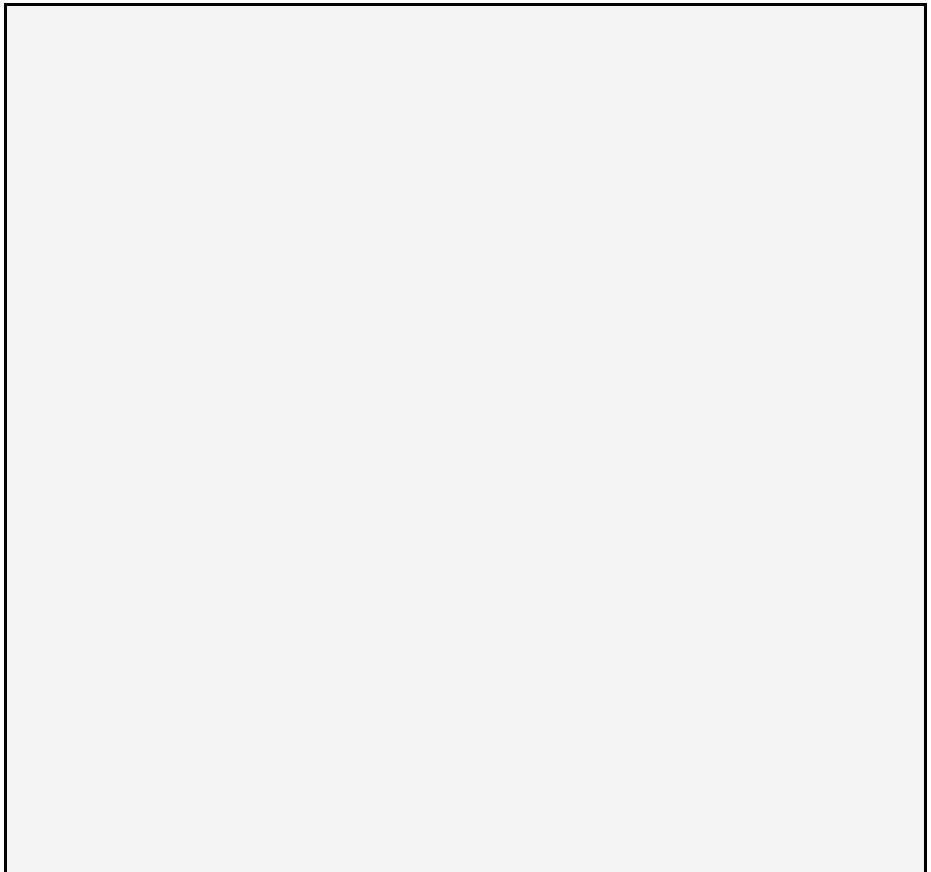
Удивился и представившийся Трилидом аватар-самурай. Тёмно-синие глаза несколько раз мигнули, а затем он со смущённым видом тихо спросил:

— Почему… Вы так подумали?

— Чтобы уничтожить столь крепкий объект двумя ударами клинка, нужна не столько техника, сколько крайне мощная экипировка, вроде одного из Семи Артефактов на вашем поясе, господин Лид.

— Э-э?! — воскликнул Харуюки и тут же зажал рот руками, понимая, что так кричать неприлично.

В то же время он упёрся взглядом в зеркальный меч на поясе Трилида. Он с самого начала показался ему внушительным, но Харуюки и подумать не мог, что это — одна из сильнейших вещей Ускоренного Мира.



— Э… это… Артефакт?.. То есть, ты забрал его вон с того пьедестала?.. — проговорил Харуюки, переведя взгляд на два постамента, стоящие в десяти метрах от них.

Самурай смущённо опустил голову и тихо ответил:

— Д… да. Извините, я понимаю, что не достоин носить такой клинок, но… когда я впервые увидел его, то не смог удержаться и

протянул к нему руку…

Глядя на то, как он всем телом пытается извиниться, Харуюки начал догадываться, что разговаривает с кем-то моложе себя, и замотал головой.

— А, нет-нет, не нужно извинений. Вещь принадлежит тому, кто нашёл её первым, это очевидно. Это я прошу прощения за свою грубость.

В конце этих слов он поклонился. Лид осторожно поднял голову и встретился с ним взглядом. И только Харуюки увидел смущённую улыбку на лице своего собеседника, как в груди его возникло крайне редкое чувство.

«Это хороший человек.»

Более того, такую дружелюбность при первой встрече он видел только два раза в жизни — когда познакомился с Маюдзуми Такуму и Курасимой Тиюри. Пусть этот Трилид и был таинственным бёрст линкером, с которым они встретились при очень странных обстоятельствах, но Харуюки казалось, что и в реальной жизни они бы подружились без проблем.

Ощутив на себе ещё один взгляд, Харуюки посмотрел влево и увидел улыбающееся лицо Ардор Мейден. Тут же смутившись, Харуюки вдруг задал ещё один крайне важный вопрос:

— А, э-э… Лид, то есть, Лид-сан, на котором пьедестале вы нашли этот меч? Если я правильно помню, левый пьедестал — это пятая звезда Эпсилон, а правый — шестая Зета…

— Можете звать меня просто Лид, Кроу-сан, — улыбнувшись, отозвался Трилид.

Харуюки тут же вставил:

— Тогда ты зови меня Кроу.

Трилид вновь опустил голову, сказав:

— Но ведь я моложе вас, — Харуюки попытался было возразить, но тут Лид, наконец, ответил, — Этот меч лежал на пьедестале Эпсилон, на котором написано «Алиот». Он называется Бесконечность.

Харуюки и Утай тут же перевели взгляд на центр комнаты. Трилид сделал то же самое, а затем продолжил:

— Сразу добавлю, что на тот момент, когда я нашёл меч, на пьедестале Зета, «Мицар», уже ничего не было.

— Хм-м… — задумчиво произнёс Харуюки.

Сбоку послышался голос Утай:

— Артефакт Судьба появился в Ускоренном Мире на самом рассвете… я слышала, что к тому времени не прошло даже года с того дня, когда появились первые бёрст линкеры.

— Э, так давно?.. Выходит, тот, кто забрал Судьбу, стал первым бёрст линкером, проникшим в Замок… далее, Лид —

второй… — начал считать Харуюки, загибая пальцы. — А со мной и Мей получаются четыре человека. Да-а… для неприступного замка в нем побывало уже слишком много людей…

Все они дружно переглянулись и улыбнулись.

Но лицо Лида тут же вновь стало серьёзным, и он смущённо вжал голову в плечи.

— Для меня большая честь, что вы посчитали и меня… но я, в отличие от остальных, не проходил сквозь «Врата».

— Э-э… что?.. Получается, ты перелез через стены и ров? — недоуменно спросил Харуюки.

Но не успел Лид поинтересоваться у него, в своём ли тот уме, как вмешалась Утай:

— Если на то пошло, то и мы с Ку-саном попали внутрь только благодаря тому, что ты разрубил печать южных врат, Лид. Мне кажется, что эти печати установлены для того, чтобы первый пробившийся сквозь Богов отряд армии мог открыть двери остальным, в случае, если Замок штурмуется со всех сторон, как, например, это сделал Старый Нега Небьюлас. Другими словами, будь печать цела, врата бы не открылись, и Судзаку испепелил бы нас.

— А-а… ясно. Так вот для чего они…

Харуюки вздрогнул, вспомнив ощущения от обжигающего пламени на своей спине, и кивнул. Забыв свой прошлый вопрос, он тут же задал самураю следующий:

— Выходит, Лид, ты разбил печать изнутри потому, что хотел выбраться наружу?..

— Нет… не… поэтому, — в голосе его послышалось одиночество. Лид как всегда смущённо улыбнулся и добавил, — Скорее… как раз наоборот. Я думал, что если разобью печать, то однажды кто-нибудь сможет войти сюда…

— Войти… сюда?..

Слова Лида звучали очень странно, словно он однажды проник вовнутрь, но решил больше не выходить. Удивлённо заморгав, Харуюки задал следующий вопрос:

— Но если ты находишься внутри дворца, Лид, то мы с тобой одинаково находимся в псевдо-истреблении… то есть, ты тоже здесь заперт, разве нет? Хотя… погоди-ка…

Харуюки перевёл взгляд на блестящий меч на боку самурая и не заметил, что Трилид после его слов начал выглядеть так, словно пытался сдержать свои чувства.

— Разве… при получении Бесконечности не должен был сработать одноразовый портал? Разве тебя не должно было вытащить отсюда, когда ты его нашёл?..

Харуюки не вкладывал в этот вопрос двоякого смысла, но Лид

вновь смущённо отвёл взгляд. Маленькая ладонь Утай легла на колено изумлённого Харуюки.

— Наличие портала вовсе не гарантирует успешный побег, Ку-сан.

Тут Харуюки, наконец, осознал, что его вопрос звучал как обвинение в адрес Лида, и он тут же склонил голову.

— А… п-прости, Лид, я не собирался тебя упрекать. Я и сам часто в такие истории попадаю… вот и сейчас я оказался здесь потому, что не последовал нашей тактике… — заговорил он.

Самурай, наконец, поднял взгляд, после чего сложил руки на хакаме и поклонился.

— Прошу прощения, Кроу-сан, Мейден-сан. О том, почему я нахожусь здесь, я… расскажу вам как-нибудь в другой раз…

Голос, выражение лица и весь вид Лида отдавали таким правильным воспитанием, что у Харуюки захватило дух. Поэтому вместо него Лиду ответила Утай, не уступавшая в изысканности манер. Поклонившись в ответ, она сказала:

— Мы понимаем, Лид-сан. В таком случае, сейчас наш черёд рассказать о том, почему мы вторглись в ареал Судзаку и попали в Замок через южные врата.

Следующие пять минут Харуюки и Утай вкратце пересказывали случившееся.

Начали они с истории об атаке Нега Небьюласа два с половиной года назад.

Рассказали о том, что Ардор Мейден запечатала себя у южных врат, чтобы спасти остальных легионеров.

О том, что текущий состав Легиона придумал план по её спасению, и о том, чем он закончился…

Трилид слушал их рассказ с широко открытыми глазами. В конце он протяжно вздохнул и прошептал:

— Вот это да… и такое бывало? Подумать только, что были люди, вызывавшие на бой Четырёх Богов… и пытавшиеся пробиться сквозь них…

Харуюки услышал в его голосе нотки восхищения и удивлённо распахнул глаза. Это звучание резонировало с его собственными чувствами, и едва не заставило его отозваться:

«И ты…»

Но он закрыл рот, ничего не сказав — он не знал, что должен был произнести после этих слов.

Неизвестно, заметил ли Лид реакцию Харуюки, но он улыбнулся и продолжил:

— Что же, если вы оказались в такой ситуации, то позвольте мне помочь вам покинуть это место.

— Э-э… с-спасибо, — ответил Харуюки, кивнув, после чего

резко подался вперёд и переспросил: — Ты знаешь, как отсюда выйти?! Здесь где-то есть активный портал?!..

— Сам я использую автоматический таймер отключения, но о существовании как минимум одного портала знаю точно. Только вот… — Лид кивнул и прервал свою речь, погрузившись в раздумья. Он обвёл взглядом Харуюки и Утай, после чего продолжил: — Пожалуй… будет лучше, если вы увидите это сами. Кроме того, так я исполню то, что обещал.

— Э-эм… что именно? — недоуменно спросил Харуюки.

Лазурный аватар ответил ясным голосом:

— Моё обещание ответить на ваш вопрос о местонахождении седьмой звезды… или седьмого Артефакта, как вы его называете.

Поднявшись с деревянного блока, игравшего роль скамейки, Трилид повёл Харуюки и Утай на север, туда, откуда он пришёл изначально.

До стены почти не доставал свет свечей, но с близкого расстояния Харуюки смог разглядеть среди белых стен и красных колонн кое-что, чего он не заметил раньше.

Проход. Или, точнее, врата. Несколько столбов были составлены в небольшую храмовую арку. От другой стороны веяло тьмой и холодом.

Рефлекторно сжавшись, Харуюки прошептал:

— Так эта комната… ещё не конец Замка?..

— Да. Это — последние из Девяти Врат. За ними находится Храм Восьми Богов. Идёмте… — тихо ответил Трилид и шагнул в плотную тьму.

Утай, ничуть не колеблясь, проследовала за ним. Собравшись с силами, Харуюки пошёл следом.

Поначалу тьма за аркой показалась ему непроглядной, но затем он заметил слабый свет. Коридор быстро переходил в лестницу, ведущую вниз, и слабый свет доносился именно оттуда. Лид уверенно начал спускаться. Харуюки и Утай пошли за ним.

Чем дальше они шли, тем больше Харуюки казалось, что на его аватар что-то давит. Судзаку и патрулирующие Замок самураи излучали ауру устрашения, но эта была другой, словно сам воздух наполнялся духовной энергией.

Конечно, термин «духовная энергия» к Ускоренному Миру был неприменим. Брейн Бёрст, в конце концов, был виртуальным миром, и его восприятие основывалось на цифровых данных, которые конвертировались в ощущения. Он ощущал «информационное давление», которое Нико описывала как ощущение того, что «кто-то слишком много знает». Другими словами, казалось, что в этом месте сама атмосфера

переполнялась данными. Но не температурой, запахами и направлением ветра, как обычно… в ней ощущался бесконечный непрерывный поток времени, вернее, «истории»…

Примерно через тридцать ступеней начался второй пролёт лестницы из чёрного дерева, идущий уже в обратную сторону. Харуюки быстро сбился со счёта и перестал понимать, насколько глубоко они опустились…

Но примерно в то же самое время они дошли до последнего пролёта, который вёл в довольно просторную комнату, оформленную деревом. Но по площади она была в разы меньше зала с двумя пьедесталами наверху.

— Э-э… это там самый центр Имперского Замка? Что-то он маленький… да и нет в нём ничего, — рефлекторно поделился Харуюки своими мыслями.

Спускавшийся впереди них Трилид обернулся и с улыбкой ответил:

— Нет. Сейчас мы спустимся, и вы увидите.

«Что увидим?» — подумал Харуюки и ускорил шаг.

Сойдя с лестницы через несколько секунд после Трилида, Харуюки заметил в комнате ещё одни храмовые врата, и эти были ощутимо больше предыдущих.

Они находились точно в конце комнаты, и их боковые столбы уходили под самый потолок. Но, в отличие от врат наверху, эти столбы связывало кое-что ещё. Толстый белый канат. Священная верёвка Сименава. Граница между миром людей и богов.

Харуюки нервно сглотнул и осторожно подошёл к вратам, которые словно делили пространство надвое, пытаясь разглядеть, что там вдали.

— Ничего себе… — изумлённо прошептал он.

От ворот вдаль уходили два ряда огоньков, но он не видел стен той комнаты. Даже решетчатый потолок он смог разглядеть с большим трудом. Пол выложен отполированными камнями. Казалось, что зал этот в разы больше всего спортивного корпуса Умесато. Сложно даже прикинуть его площадь.

Широкий, холодный, тихий. Но при этом в нём ощущалось знакомое присутствие. Зал отдавал тем же спокойствием, что и огромный мост, ведущий в Замок, тем же предчувствием чего-то огромного, которое Харуюки испытывал перед появлением Судзаку.

Харуюки, не в силах что-либо сказать, продолжал стоять на месте. Молчала и Утай. Трилид прошёл между ними и указал рукой меж рядов огней:

— Посмотрите туда.

Харуюки послушно прищурился и, действительно, вдали

виднелся свет, не похожий на тот, что испускали огни. Он затаил дыхание и напрягся ещё сильнее. Тьма немного отступила, показав то, что скрывалось за ней.

Пьедестал из чёрного камня.

Точно такой же, что и пьедесталы наверху. Спереди вдавлена такая же металлическая плита. Но она была так далеко от него, что Харуюки не мог ничего разобрать. На самом же пьедестале виднелся тёплый золотистый свет, окутанный голубым свечением портала. Свет пульсировал, и словно что-то нашёптывал, подзывая к себе.

Заворожённый Харуюки попытался подойти к Сименаве, но тут на его плечо легла рука Лида.

— Остановитесь. Дальше слишком опасно.

— Н… но…

Из-за обуявшей его нетерпеливости и жажды Харуюки не смог даже нормально ответить. Вместо него отозвалась Утай:

— Лид-сан, это последний Артефакт?… Седьмая звезда Большого Ковша, Эта?

— Да, именно она, — Лид кивнул и, продолжая держать руку на плече Харуюки, проговорил кристально чистым голосом: — У меня ушла целая вечность на то, чтобы подойти достаточно близко и прочесть надпись. Там написано…

— Первая строка текста гласит: «Алькаид». Вторая, с названием Артефакта: «THE FLUCTUATING LIGHT».

— «Колеблющийся Свет»… — на автомате произнёс название Артефакта Харуюки.

Он никогда не слышал это название. Да что там, он вообще узнал об Артефактах только позавчера во время Конференции Семи Королей.

Но, несмотря на всё это, он ощущал, как странное чувство наполняет его сердце. Лучше всего его описывало слово «ностальгия».

— Я… я… — продолжал бессознательно говорить Харуюки. — Я помню этот свет…

— …!! — звучно ахнули аватары возле Харуюки.

Ощутив на себе вопросительные взгляды, он напряг свою память и пояснил:

— Это было… тогда, на неограниченном нейтральном поле… когда я впервые учился использовать Систему Инкарнации. Рейкер скинула меня с вершины Старой Токийской Башни и сказала, чтобы я самостоятельно залез на неё обратно…

Услышав эти слова, Утай кратко вздохнула. Судя по всему,

Скай Рейкер обошлась с ней похожим образом, и она прекрасно понимала его. Но Харуюки было не до сочувствия, он продолжал говорить:

— Сначала я не мог даже поцарапать стену. Но день за днём я тренировал пробивные удары, и мои пальцы впивались всё глубже и глубже… пока я не научился вбивать их до самого основания. Через неделю я начал восхождение. Я забыл обо всём на свете и лишь пробивал стену руками. Так прошло несколько часов… и тогда… я увидел этот свет. Но тогда он не показался мне объектом… этот золотистый свет…

Наконец, Харуюки посмотрел на Лида и Утай. Дрожащим голосом он сказал своим изумлённым товарищам:

— Он звал меня. Он показался мне человеком.

Какое-то время в воздухе висела лишь тишина.

И нарушил её не голос, а вспыхнувший перед глазами Харуюки красный текст. «DISCONNECTION WARNING». Предупреждение о разъединении. В реальном мире прошло 30 секунд с того момента, как Черноснежка и остальные покинули неограниченное поле, и в этот самый момент они выдёргивали кабель Харуюки.

Для того чтобы обеспечить водозащиту, терминалы нейролинкеров не имеют открытых контактов. XSB-кабели на самом деле передают данные беспроводным методом на сверхкороткие расстояния, и поэтому они продолжают работать даже после выдёргивания. Пусть такое состояние длится лишь сотые доли секунды, но этого хватает для того, чтобы в Ускоренном Мире предупреждение о разрыве связи провисело почти минуту.

— А… э-э… — начал мямлить резко вернувшийся из своих воспоминаний Харуюки, поэтому разговор перехватила как всегда хладнокровная Утай:

— Господин Лид. Наши друзья из реального мира отключают нас. Приносим извинения, но скоро мы покинем этот мир.

— Х… хорошо, вас понял, — ответил молодой самурай и кивнул.

Утай быстро добавила:

— Поскольку нас отключают снаружи, после следующего погружения мы снова окажемся здесь. Прошу прощения за дерзкую просьбу, но не могли бы вы в следующий раз встретиться с нами здесь же? Когда вы сможете прийти сюда в следующий раз, господин Лид?

— Та-ак… — на мгновение задумался Лид, а потом ответил: — Как насчёт послезавтра?.. 20 июня, в четверг, ровно в семь

часов вечера?

— Очень хорошо. Спасибо, что вошли в наше положение.

Утай поклонилась. Подражая ей, то же самое сделал и Харуюки, после чего сказал:

— А-а, Лид, я тоже хочу поблагодарить тебя. Спасибо за все, что ты нам рассказал. Но… нам всё ещё есть что обсудить, и я столько всего не успел спросить. Поэтому… я буду с нетерпением ждать нашей следующей встречи.

Предупреждение о разъединении стало моргать ещё быстрее. Скорее всего, XSB-кабель уже почти полностью отсоединился от нейролинкера. Выслушав поспешные слова Харуюки, лазурный самурай заморгал, а затем многозначительно улыбнулся.

— Я тоже… очень рад, что мне удалось поговорить с вами, Кроу-сан, Мейден-сан. Обещаю, что буду здесь послезавтра. Я тоже хочу ещё о многом с вами поговорить.

С этими словами таинственный аватар по имени Трилид Тетраоксид отступил на шаг и обвёл Харуюки и Утай взглядом.

Его фигуру, похожую на воплощение осеннего ветра, окутала тьма, и она пропала.

Глава 5

Первое, что ощутил Харуюки после возвращения в реальный мир — не вес своего тела, и даже не тепло кондиционированного воздуха. Сначала он почувствовал упругие пальцы на своей левой щеке.

Затем он открыл глаза.

Перед собой он узрел то самое звёздное небо, которое недавно видел во дворе Имперского Замка. Хотя, нет. Это были чёрные глаза. В каждом было по капле, и каждая из них переливалась похожими на звёзды искрами.

Глаза медленно моргнули. Маленькие капли разбились о длинные ресницы и испарились в воздухе. Послышался тихий шёпот:

— Ты с нами, Харуюки?..

Харуюки сфокусировал взгляд на прекрасном облике командира легиона «Нега Небьюлас», Чёрной Королеве Блэк Лотос, человеке, которого он любил и уважал больше всех на свете, и хрипло ответил:

— Да, семпай… теперь да.

Очнулся он в районе Сугинами, на севере улицы Коэндзи, на двадцать третьем этаже высотного жилого комплекса, в квартире номер 2305. Другими словами — у себя дома, в зале.

Хуруюки сидел в центре диванного набора, поставленного у южного окна. Наклонившаяся над ним Черноснежка, опираясь на спинку дивана, гладила его по щеке. Этой же рукой она держала конец XSB-кабеля, серебряный шнур которого уходил к стене.

Там, на стене, располагалась панель с разъёмами, соединёнными с домашним сервером Харуюки. В этот раз они не стали соединять нейролинкеры с глобальной сетью беспроводным методом, а подключились через него. Именно поэтому Черноснежка смогла вернуть Харуюки и Утай из Ускоренного Мира, выдернув кабель из нейролинкера.

Продолжая гладить щеку Харуюки, она тихо прошептала:

— Это были долгие тридцать секунд… всё это время я не могла не думать о том, что вас с Утай могут гонять по Замку Энеми… или что они настигли вас и постоянно убивают.

Сердце Харуюки чутко отозвалось, когда он услышал лёгкую дрожь в её голосе.

Он сразу выпрямился, глубоко вдохнул и начал:

— Семпай… когда… Судзаку взял меня в цель, я нарушил твой приказ об отступлении. Но… но я просто не мог не…

Хоть он и поклялся себе как следует извиниться по возвращению в реальный мир, в самый нужный момент красноречие подвело его. Он пытался продолжить фразу, но у него получалось лишь досадно кусать свои губы.

В ответ Черноснежка убрала левую руку со спинки дивана и отпустила кабель. Освободившиеся руки она положила на плечи Харуюки. А затем её роскошные губы расплылись в улыбке, словно распустившийся лотос.

— Я знаю, Харуюки. Я доверила тебе своё будущее и будущее своего Легиона именно потому, что ты такой, какой и есть. Именно потому, что даже огонь Судзаку не смог прервать твой полёт. Разве могу я наказать тебя за твою храбрость?..

— Сем… пай…

Стараясь сдержать поднимающиеся из глубины души эмоции, Харуюки зачарованно смотрел в глаза Черноснежки. Крепко сжав кулаки, он изо всех сил попытался выразить свои чувства словами:

— Семпай… я… смог взлететь только потому, что ты столько раз говорлбрл гллбрлл.

К сожалению, окончание его фразы оказалось безнадёжно испорчено.

С обеих сторон к его щекам потянулись руки и изо всех сил растянули их в стороны.

— Эй, вы! Сколько ещё… — прокричала тянувшая левую щёку Тиюри.

— …вы собираетесь флиртовать?! — закончила тянувшая правую щёку Фуко.

Спустя три минуты.

Легион перебрался обратно за обеденный стол. С южной стороны сели Харуюки и Утай, напротив них — Такуму и Тиюри, слева — Черноснежка, справа — Фуко. Первым делом все дружно посмотрели на часы.

19 часов 35 минут.

С момента начала «операции по спасению Ардор Мейден» не

прошло и 10 минут. Но по собственным ощущениям Харуюки, команду «анлимитед бёрст» он произнёс ещё вчера.

Вернее, это ощущение было естественным — ведь он, оказавшись внутри Замка, проспал шесть часов и успел посмотреть длиннющий сон. Воспоминания, что он пережил во сне, тянулись несколько дней… а может, и лет…

— Для начала, поздравляю вас, — прервали мысли Харуюки слова Черноснежки.

Он тут же присоединился к хору послышавшихся в ответ поздравлений.

Сделав глоток приготовленного Тиюри кофе, Черноснежка обвела собравшихся за столом взглядом.

— Вторую фазу «плана очищения от Брони Бедствия», «операцию по спасению Ардор Мейден», увы, нельзя признать полностью успешной. Вина за провал полностью лежит на мне, поскольку я не смогла удержать на себе Судзаку. Прошу прощения.

Сказав это, она свесила голову под дружные возгласы: «О чём ты?!»

Общее мнение выразила Курасаки Фуко, главный офицер Легиона.

— Саттян, Судзаку переключился на Ворон-сана, хотя тот ни разу не атаковал его. Никто не мог этого предвидеть. Скорее всего, он настроен так, что его аггро зависит не от полученного урона, а от того, насколько далеко человек продвинулся на территорию ареала…

На мгновение Черноснежка подняла взгляд, но затем вновь погрузилась в размышления.

Повисшую было тишину нарушил осторожно поднявший руку Харуюки.

— Э-э… учитель. По поводу аггро…

Слово «аггро» означает численное выражение желания Энеми атаковать того или иного противника. Естественно, оно растёт как от прямых атак, так и от действий сотоварищей бёрст линкера, помогающих ему усилениями или непрямыми атаками. Энеми постоянно пытается атаковать противника, имеющего максимальное аггро. Вернее, должен…

Как бы ни называли Судзаку — Ультрой или Богом — он всё ещё должен был быть неразумным Энеми, обязанным подчиняться принципам аггро. Вот и Фуко выдвинула предположение, что у него просто отличался приоритет — максимальное аггро имел не тот, кто наносил больше всего урона, а тот, кто максимально приблизился к вратам Замка. Но…

— Что такое, Ворон-сан? — спросила Фуко, повернув голову

и качнув мягкими волосами.

Слова приходили к Харуюки с трудом.

— По-моему, у Судзаку… вернее, у всех Четырёх Богов более продвинутый искусственный интеллект, разве нет? Вернее, не столько даже искусственный интеллект, сколько…

На этом месте он вновь потерял способность излагать свои мысли и глупо захлопал губами.

Но тут сидящая по соседству Синомия Утай оторвалась от кружки с горячим молоком, поставила её на стол и принялась печатать.

В полупрозрачном окне перед глазами Харуюки побежали буквы:

«UI> Я так понимаю, Арита-сан пытается сказать следующее: он предполагает, что искусственный интеллект Четырёх Богов выходит за рамки этого понятия и ближе, скорее, к уровню настоящего сознания.»

— Д… да! Именно так! — подтвердил Харуюки, кивая.

В следующее мгновение он осознал собственную неуклюжесть и поймал на себе столько сокрушённых взглядов, что рефлекторно вжал голову в плечи.

Но, как ни странно, никто из присутствующих не засмеялся и не счёл эту мысль абсурдной. Даже Такуму, не видевший Судзаку вживую, погрузился в раздумья.

Пока все они молчали, Утай продолжила стучать по виртуальной клавиатуре.

«UI> По крайней мере, я могу подтвердить, что его алгоритм действий в этот раз сильно отличался от эпохи «Атаки на Четырёх Богов». Два с половиной года назад Судзаку действительно выбирал в цель противника, нанёсшего максимальный урон. Саттин, Фу, Бякко у западных врат вёл себя также?»

— Уиуи права, — кивнув, ответила Фуко. — Я точно помню, что во время прошлой битвы Бякко не обращал внимания на расположение аватаров — он атаковал главный боевой отряд.

— Да… именно так. Именно поэтому я и смогла выступать в качестве приманки, пока остальные сбегали, — отозвалась с противоположной стороны стола Черноснежка, а затем, сузив глаза, продолжила: — Но… поведение Судзаку в этой битве действительно нельзя объяснить простыми изменениями в алгоритме набора аггро. И на ручное управление или ошибку алгоритма это тоже не похоже…

Следующим заговорил расположившийся напротив Харуюки Такуму, задумчиво положивший руку на подбородок:

— Но, командир… получется, что Судзаку просто разгадал, что мы пришли не сражаться с ним, а спасать Синомию, так

получается? Это уже выходит за рамки искусственного интеллекта. Как сказал Хару, это значит, что он способен на мышление… то есть, обладает интеллектом…

На несколько секунд повисло молчание.

Наконец, Черноснежка кратко усмехнулась и приглушённо сказала:

— Пока что мы на эти вопросы ответить не сможем. Но я хочу добавить вот ещё что. Когда я атаковала Судзаку Инкарнацией, и он пошёл за мной, в последнее мгновение перед тем, как он переключился на Харуюки… может, мне показалось, но я увидела, как эта птица распахнула клюв, словно насмехаясь надо мной…

«…Точно.»

Харуюки понимал, о чём она говорила. За мгновение до того, как Судзаку обрушил на него огненное дыхание, он словно слышал его голос, приказывавший «мелкому человечишке» «обратиться в пепел».

— …Это всё хорошо, но! — воскликнула Тиюри, нарушив мрачную тишину и заставив всех поднять головы. — Ладно, у птицы есть воля и разум. Ладно, возможно, она истинный бог. Но! Это ведь не значит, что мы с треском ей проиграли! Пусть операцию нельзя назвать успешной, Снежка, но и о полном провале не может идти и речи. Ведь и Хару, и Уи выжили. Более того, они пролетели сквозь врата. Так вот, Хару…

Кошачьи глаза заискрились, Тиюри перегнулась через стол, сжала руки в кулаки и воскликнула:

— Я больше не могу терпеть! Как там, внутри Имперского Замка?! Что вы видели?! Немедленно начинай рассказывать, от начала и до конца!

Попав под обстрел, Харуюки заморгал. Слева послышался весёлый голос Черноснежки:

— Ха-ха-ха… Тиюри, как всегда, нападает в лоб. Уверена, многие бёрст линкеры отдали бы десять… а то и сто очков ради возможности выслушать этот рассказ. Даже я сгораю от нетерпения.

— Хе-хе, это точно. У меня тоже сердце колотится от мысли о том, что передо мной бёрст линкеры, проникшие в неприступный Замок и успешно вернувшиеся из него, — добавила Фуко и прижала руку к груди.

Харуюки глупо улыбнулся и с надеждой во взгляде повернулся к Утай. Оккупировавшая соседний стул четвероклассница, она же Элемент Старого Нега Небьюласа, кивнула, давая понять, что эту задачу она оставляет ему.

И действительно, попытайся она передать через чат всё, что случилось с ними в Замке, её пальцы свело бы судорогой задолго

до того, как она смогла бы закончить. Понимая, что рассказ ложится на его плечи, Харуюки посмотрел на часы и начал словами:

— Эм-м… рассказ от начала и до конца займёт довольно много времени… вы готовы ещё задержаться?

На часах было уже почти восемь вечера, но никто из присутствующих не изъявил желания пойти домой. Даже Утай.

Каменная дорога, тянущаяся на север от южных врат Имперского Замка. Устрашающие патрули Энеми-самураев, бродящих по ней.

Гигантский дворец с бесчисленными раздвижными дверьми, связывающими между собой богато украшенные коридоры. Два пьедестала в глубине. Изображения Большого Ковша и два выгравированных названия: «Дестини» и «Инфинити».

На этом месте Черноснежка и Фуко кратко переглянулись. Но, понимая, что самое важное впереди, они дали Харуюки продолжить.

Неожиданный голос, раздавшийся в зале. Лазурный аватар-самурай.

Лестница, по которой он провёл их. Гигантский подземный зал.

Мелькающий вдали золотистый огонёк. Колеблющийся Свет…

Когда Харуюки (с периодическими комментариями Утай) дошёл до того момента, где их отключили от поля, с начала рассказа прошло уже больше получаса.

Выдохнув, он осушил вторую кружку кофе и поставил её на стол. Тишина провисела ещё несколько секунд. Наконец, Черноснежка прошептала:

— Пятым Артефактом, Бесконечностью, владеет «Трилид Тетраоксид»… Фуко, ты когда-нибудь слышала это имя?

Фуко, как и Черноснежка, была линкером-ветераном, но и она покачала в ответ головой.

— Нет, я никогда не слышала ни об этом Артефакте, ни об этом бёрст линкере. Более того, слова «Трилид» и «Тетраоксид» — очень странный выбор для имени… они похожи на какую-то химическую формулу…

А если значение этих слов не знала единственная среди них старшеклассница, то остальные тем более не имели никакого понятия.

— Давайте разберёмся, — отозвался Такуму, поправил очки и забегал пальцами по виртуальному интерфейсу. Искать

информацию он умел прекрасно, и уже через десять секунд утвердительно кивнул. — Рейкер права. Это действительно химическая формула… Pb3O4, «Триплюмбум тетраоксид».

Эти слова, впрочем, ничего не сказали Харуюки о веществе. Нахмурившись, он тихо спросил Такуму:

— Таку, «плюмбум» это ведь свинец… то есть, металл?

Его друг в ответ мягко улыбнулся и согласно кивнул. Харуюки, понимая, что он считает его дурачком, прокашлялся, а затем с более серьёзным видом заявил:

— Но… Трилид вовсе не выглядел металлическим. Его аватар был глубокого лазурного цвета… кроме того, с учётом его вида, он, однозначно, синий аватар ближнего боя.

Харуюки задумчиво склонил голову, вспоминая величественный образ молодого самурая. Сидевшая слева Черноснежка сложила руки на столе и со словами «Как бы там ни было…» начала говорить:

— В настоящее время нашим приоритетом являются не тайны Имперского Замка, а спасение из него Харуюки и Утай. Если мы не очистим Сильвер Кроу от паразитирующей на нём Брони Бедствия к воскресенью, он станет преступником номер два в Ускоренном Мире, — она скосила глаза на Харуюки и улыбнулась. — Естественно, даже если это случится, я позабочусь, чтобы им было непросто охотиться на тебя.

— Семпай…

Харуюки едва не встретился с ней взглядом вновь, но тут Тиюри постучала его по руке.

— Нет уж, отбой, отбой! Кстати, Снежка… с тех самых пор, как я услышала про вердикт, меня мучал один вопрос…

— Д-да? Слушаю, Тиюри, — сдержанно кашлянув, отозвалась Черноснежка.

Тиюри развела руки в стороны и спросила:

— Как именно Короли собираются узнать, избавился ли Хару от паразитирующей Брони Бедствия или нет? Они не могут увидеть его инвентарь, и даже если бы могли, Броня в нём всё равно не отображается.

— А… к-кстати, да… — обронил Харуюки. То, что этот вопрос не пришёл в голову ему самому, можно списать лишь на недалёкость его мышления.

Черноснежка, увидев выражение его лица, натянуто улыбнулась, а затем с серьёзным видом сказала:

— Скорее всего, на воскресную встречу придёт бёрст линкер, обладающий способностью анализировать статус других людей. Уверена, Короли обратятся к этому человеку, чтобы он подтвердил очищение Харуюки.

— Да, скорее всего, так и будет… — поддакнула с противоположной стороны Фуко. В её добрых глазах сверкнул зловещий свет. — Похоже, мы, наконец-то, вновь встретимся с «Четырёхглазым Аналитиком» [6]…

В тот самый момент, когда Харуюки услышал это имя, явно придуманное другими бёрст линкерами…

Он ощутил, как в его голове что-то дёрнулось.

Он никогда не слышал это имя. Более того, он не знал о том, что существуют аватары, обладающие способностью видеть статусы других бёрст линкеров. Но что-то отозвалось в глубинах его воспоминаний. Это ощущение превратилось в зуд, спустившийся к спине и сфокусировавшийся в одной точке.

Дёрг. Дёрг. Вновь запульсировала боль, и послышался голос:

«Уничтожь…

Уничтожь и сожри их… освободи мою ярость…»

Кулак Харуюки сжался так сильно, что ногти едва не впились в кожу, но тут его коснулось что-то мягкое.

Повернувшись, он увидел Утай, которая незаметно для остальных прижимала его кулак своей ручкой. В её больших глазах читалось беспокойство.

Харуюки тут же разжал ладонь и кивнул, убеждая её, что с ним всё в порядке. К счастью, все остальные были поглощены разговорами об очищении и не заметили его странного поведения.

— …в крайнем случае, Ардор Мейден может очистить Сильвер Кроу внутри Имперского Замка, разве нет? Тогда мы точно успеем к воскресенью, — высказал свои мысли Такуму.

Утай вернула руки на клавиатуру и ответила:

«UI> Я не буду отрицать такой возможности, но мне бы не хотелось использовать крупномасштабную Инкарнацию в стенах Замка. Существует опасность того, что мощные Инкарнационные волны могут привлечь внимание Энеми наверху.»

— Угу… Энеми Звериных и Легендарных классов получают меньше урона от Инкарнационных Техник, и в то же время они с большей вероятностью нападают на противников, использующих Инкарнацию. Скорее всего, локальные аномалии, возникающие из-за Инкарнации, вмешиваются в работу системы аггро… а Энеми, охраняющие Замок, должны ощущать её особенно чутко, — прокомментировала её слова Черноснежка, затем обвела присутствующих взглядом, выпрямилась и продолжила: — Всё-таки нам нужно к воскресенью вытащить Сильвер Кроу и Ардор Мейден из Имперского Замка. И я полагаю, что лучший способ сделать это — довериться Трилид Тетраоксиду, каким бы таинственным он ни казался. Утай, Харуюки, я надеюсь, что ваша

повторная встреча с ним в четверг пройдёт удачно. Передайте, что Чёрная Королева Блэк Лотос готова щедро вознаградить его за помощь.

На этом месте, в 21 час 10 минут, Черноснежка объявила, что сегодняшняя миссия считается оконченной.

Первыми ушли домой Черноснежка, Утай и Фуко. Последняя приехала на автомобиле и вызвалась развезти далеко живущих по домам, поэтому остальные проводили их до лифта на подземную парковку. Вслед за ними собрала принесённые тарелки Тиюри и поехала на двадцать первый этаж. В коридоре остались лишь Харуюки и Такуму.

— Пока, Хару. Увидимся в школе, — сказал Такуму и уже собирался направиться в сторону коридора, соединявшего их дома, как…

— Таку… у тебя ещё есть немного времени? — вдруг произнёс Харуюки.

Такуму остановился, обернулся и удивлённо посмотрел на него. Харуюки неуверенно спросил:

— Слушай… сколько дуэлей ты сыграл на этой неделе?

— Э?.. М-м, я обычно играю пару-тройку по дороге из школы домой… выходит, чуть меньше десяти… — ответил он, а затем, словно о чём-то догадавшись, продолжил приглушённым голосом, — А-а… если ты беспокоишься по поводу наших с Ти вчерашних слов о снабжении очками, если тебя объявят преступником, не переживай. Я держу стабильный уровень побед, а вот Ти уверенно совершенствует свои навыки. Она того и гляди обойдёт меня.

Такуму самоуничижительно улыбнулся в дополнение к своим словам, но Харуюки покачал головой.

— Нет, дело не в этом. Я про другое. Таку… ты за эти десять битв ничего… странного не замечал?

Пространный вопрос Харуюки заставил Такуму посмотреть на того с сомнением. Затем он с улыбкой ответил:

— Самое странное, что я заметил — это твой вопрос. Даже если я на самом деле знаю ответ, я понятия не имею о том, к чему ты клонишь.

— А-а… ну, тоже верно…

На самом деле, Харуюки хотел спросить его, не применяли ли его оппоненты техники, далеко выходящие за рамки того, что обычно встречается в дуэлях. Если совсем точно, не применяли ли против него Инкарнационные выстрелы и удары, сопровождавшиеся чёрной аурой.

Вчера, в понедельник после уроков, Харуюки и Синомия Утай

вступили в командный бой на территории зоны Сугинами 2.

Их противниками стала команда бёрст линкеров из Зелёного легиона: Буш Утан и Олив Граб. Харуюки сражался против Утана, и поначалу дела его шли неплохо, благодаря подсмотренной у Черноснежки технике «Возврата».

Но затем Утан вдруг призвал таинственное Снаряжение и перевернул ход боя. Он покрылся тёмной аурой и начал применять две Инкарнационные Атаки: «Тёмный Удар» в ближнем бою и дальнобойный лучевой «Тёмный Выстрел», против которых Харуюки ничего не смог поделать. Не окажись рядом Утай, он наверняка бы проиграл ту битву.

Снаряжение Утана, похожее на глаз в груди, называлось «ISS комплектом», то есть «комплектом для изучения Системы Инкарнации». По его словам, он получил его от кого-то другого.

Если этот комплект действительно позволял использовать Систему Инкарнации сходу, без долгих изнурительных тренировок, то он мог пошатнуть установившуюся в Ускоренном Мире систему у самого основания. Именно поэтому сегодня утром перед школой Харуюки в режиме закрытой дуэли обсудил эту тему с «братаном» Утана, байкером по имени Аш Роллер. Выслушав Харуюки, тот выдвинул своё предположение:

Если «комплекты ISS» умели размножаться, то Харуюки, возможно, уже опоздал. Если линкеры продолжат втихую распространять их между собой, то количество комплектов быстро выйдет из-под контроля.

Поэтому ISS комплекты, в какой-то степени, были даже более серьёзной проблемой, чем паразитирующий на Харуюки осколок Брони Бедствия. Ему стоило рассказать о них сегодня перед началом «операции по спасению Ардор Мейден». Или хотя бы несколько минут назад, когда Черноснежка объявила операцию завершённой.

Но Харуюки не сделал этого. Он не сделал этого перед операцией, убедив себя в том, что эту тему нужно поднять после того, как все соберутся вместе.

Но это лишь отговорка. Харуюки знал, что в глубине души он не хочет рассказывать об ISS комплектах своим друзьям.

И именно чувство того, что он не сказал то, что должен, заставило его остановить Такуму в коридоре.

Потому что это был Такуму. Человек, против которого он сразился в такой яростной битве, которая заставила их раскрыть друг другу все свои истинные чувства. Лучший друг, вместе с которым они пережили тяжелейшую битву против Даск Тейкера. Он знал, что какой бы груз ни тяготил его душу, Такуму непременно возьмёт его часть на себя. Но…

Даже сейчас, стоя в коридоре этажа, смотря в глаза своего высокого друга, Харуюки вновь ощутил, как что-то не даёт ему открыть рот.

«Почему? Что меня останавливает?

Ведь это Такуму. Мой незаменимый друг, вторая половина передового дуэта нашего Легиона. Мой партнёр, который всегда приходил мне на помощь без задних мыслей. С кем ещё обсуждать ISS комплекты, если не с ним?

Но… почему у меня так тяжело на душе?»

Лицо Такуму становилось все более подозрительным. Не отрывая глаз от лица своего друга, Харуюки глубоко вдохнул и подавил свои сомнения.

— Дело в том… — начал он, и тут же ощутил, как напрягся язык, и сжалось горло. Старательно игнорируя эти ощущения, он продолжил: — Дело в том, Таку, что в Ускоренном Мире в этот самый момент происходит нечто странное… как мне кажется. Это будет долгий разговор, так что давай зайдём ко мне?

Они вернулись в зал, и Харуюки, допивая остатки кофе, рассказал ему обо всём, и чем дольше он говорил, тем легче ему становилось.

Буш Утан. ISS комплекты. Инкарнационная Техника, использующая тёмную ауру.

Закончив выслушивать рассказ, Такуму поставил локти на стол и упёрся лбом в руки. Какое-то время он молчал, глядя в стол. Когда тишина начала становиться невыносимой, он, наконец, поднял взгляд.

За линзами его очков блестела привычная искра интеллекта. Харуюки рефлекторно спросил у него:

— Что думаешь?

— Хм-м… если честно, мне трудно вот так внезапно прочувствовать то, что ты рассказал, — тихо произнёс он и отпил из своей чашки. — Ведь Красная Королева учила меня Инкарнации, и мне всегда казалось, что я понимаю, насколько тяжело её освоить. Я очень долго учился перехватывать свой кол, и уже даже не вспомню, сколько раз дырявил при этом свою руку.

Инкарнационная Техника дуэльного аватара Такуму, Циан Пайла, называлась «Цианового Клинком», и состояла в том, что он левой рукой хватал стальной кол, который выстреливался из сваебоя на правой руке, и превращал его в длинный меч. Для того чтобы схватить рукой кол, представляющий моральную травму, лёгшую в основу его аватара, ему понадобилось не столько умение и ловкость, сколько сила встретиться лицом к лицу с самыми тяжёлыми из своих воспоминаний.

— Ага… я тоже тренировался до обморочного состояния, пытаясь научиться пробивать стену Старой Токийской Башни. Всё это время я думал лишь о скорости.

По лицам обоих было видно, что они пустились в воспоминания. Сложно даже сказать, кому пришлось хуже — спартанские методы Красной Королевы Скарлет Рейн, обучавшей Такуму, вполне могли потягаться с жестокостью учителя Харуюки, Скай Рейкер.

В результате этих тренировок каждый из них научился использовать лишь одну базовую Инкарнационную Технику: Харуюки освоил «Увеличение радиуса атаки», а Такуму — «Увеличение силы удара».

— А ты мне рассказываешь, что есть Усиливающее Снаряжение, надев которое, немедленно осваиваешь технику типа Увеличение Силы Удара «Тёмный Удар» и технику типа Увеличение Радиуса Атаки «Тёмный Выстрел»?.. Так? — тихо проговорил он и вновь опустил взгляд. Харуюки увидел на его лице странную улыбку, которую никогда раньше не видел. — … есть вещи, которые невозможно обрести никаким способом, как бы ты к ним ни тянулся. Я всегда думал… что это один из основных принципов Брейн Бёрста. Что наши дуэльные аватары очень ясно и очень жестоко показывают нам пределы того, на что способны мы сами. И именно поэтому эта игра и заслуживает звания второй реальности…

— Таку?.. — обеспокоенно прервал его странную речь Харуюки.

Такуму тут же поднял голову и вновь принял умный вид.

— А-а, прости, забудь, что я сказал. Действительно, распространение такой экипировки будет иметь серьёзные последствия. Баланс дуэлей и битв за территорию покатится к чертям.

— Да… ты прав, — Харуюки кивнул и, вновь подавив в себе беспокойство, продолжил. — И ладно бы она просто давала возможность использовать Инкарнацию в обычных дуэлях, но эта сила слишком велика. Если честно… наши с тобой новичковые Инкарнации с ней не сравнятся. В ходе позавчерашней Конференции Семи Королей звучали мнения о том, что информацию о Системе Инкарнации необходимо раскрыть, но… если ISS комплекты распространятся, то в чём смысл учить людей основам этой Системы? Такое чувство, словно…

— Кто-то опередил нас, да? — ловко сформулировал глубокие мысли Харуюки Такуму и, помрачнев, поправил очки. — Но, Хару, в таком случае получается, что за распространением ISS комплектов стоят те же люди, что неделю назад

продемонстрировали мощь Системы Инкарнации зрителям в ходе «вертикальной гонки по Гермесову Тросу».

— А!..

Никогда не задумывавшийся об этом Харуюки тут же вскочил со стула. Он широко раскрыл глаза и произнёс то, к чему клонил Такуму:

— Общество Исследования Ускорения?..

— Давай с самого начала и по порядку. Всё началось в апреле этого года. На локальную сеть нашей школы Умесато напал Даск Тейкер, пользуясь возможностями нелегального чипа мозговой имплантации. Одновременно с ним на сеть Акихабарского ПБ напал Раст Жигсо. Это те атаки, что нам известны. Возможно, были атакованы и другие локальные сети.

Харуюки вздрогнул от воспоминаний о «Мародёре», на какое-то время полностью подчинившего их своей власти, и кивнул. Но от воспоминаний в голове родился вопрос, о котором Харуюки всё это время не задумывался.

— Но… Таку, здесь что-то не так. Во время апрельского конфликта наши противники вовсе не стремились использовать Инкарнацию. Даск Тейкер включил свою фиолетовую ауру только после того, как ты вынудил его сделать это… а Раст Жигсо, по-моему, вообще так этого и не сделал. Но ведь они могли не медлить и использовать Инкарнацию в полную силу с самого начала…

— Скорее всего, им запретили злоупотреблять. Но их ограничения вряд ли связаны с «опасностью перехода на тёмную сторону», о которой предупреждали нас Красная Королева и Рейкер.

Харуюки вновь согласно кивнул.

Силы, стоящие за Системой Инкарнации, соотносятся друг с другом как квадранты координатной плоскости.

Ось X отражает широту образа, другими словами, направлена ли Инкарнация по отношению к самому себе или к окружающему миру. Ось Y же отражает светлость образа — рождается ли он из надежды или отчаяния. Первый квадрант (верхний правый) соответствует «направленной наружу позитивной Инкарнации», второй (верхний левый) — «направленной вовнутрь позитивной Инкарнации», третий (нижний левый) — «направленной вовнутрь негативной Инкарнации», четвёртый (нижний правый) — «направленной наружу негативной Инкарнации».

Практически все Инкарнации, соответствующие чистым боевым техникам, будь то Лазерный Меч Харуюки, Цианового Клинок Такуму, или даже оставляющий эти техники далеко позади Стрижающий Удар Черноснежки, относятся ко второму

квадранту. Все они основаны на «внутренней надежде». В конце концов, любая Инкарнация рождается из «душевной травмы», и из глубокого изъяна, что она оставляет в душе человека. Выбор того, станет ли этот изъян родником надежды или болотом отчаяния, зависит от самого человека.

Изредка попадаются бёрст линкеры, успешно освоившие техники первого квадранта. Лучшим примером такой техники служила Вуаль Ветра Фуко, защищавшая всех вокруг неё, но Харуюки предполагал, что неизвестная техника Утай, алым пламенем выжигающая всё вокруг неё, тоже относилась к этому типу. Доказательством этого было то, что попавший в пламя Буш Утан не чувствовал боли. «Огонь очищения», убивавший мучения.

Но не все Инкарнации были положительными.

Примером могла послужить техника Даска Тейкера, которую, за неимением собственного названия, они называли «Фиолетовыми Волнами». Эта атака, стремившаяся поглотить всё вокруг себя пустотой, принадлежала третьему квадранту. Это была тёмная техника, рождённая из внутреннего отчаяния.

И, наконец, была Ржавая Система Раста Жигсо.

Стометровая буря ржавчины, разъедавшая и разрушавшая всё, что попадало в неё. Эта техника однозначно относилась к четвёртому квадранту. Сильнейший образ, рождённый из отчаяния по отношению ко всему миру.

Другими словами, оба они с самого начала овладели негативными Инкарнациями. Им не нужно было переживать по поводу того, что их может увлечь на тёмную сторону.

— То есть… существовала какая-то конкретная причина, по которой им запрещалось пользоваться Инкарнацией?.. — прошептал Харуюки, и Такуму медленно кивнул.

— Скорее всего. Но на прошлой неделе, как только Раст Жигсо вторгся на Гермесов Трос, он сразу запустил Инкарнацию. И не просто запустил… он уничтожил ей не только другие команды, но и зрителей, дав им на своей шкуре прочувствовать ужасающую мощь Инкарнации. Более того, он появился не один, а в паре с вице-президентом Общества, Блэк Вайсом. Это была не просто крупномасштабная атака, а часть плана этой организации.

— Но почему они так радикально сменили свой курс за эти два месяца? В апреле они старались скрыть Инкарнацию, а в июне, наоборот, продемонстрировать… — продолжал говорить Харуюки, размахивая руками.

Выждав небольшую паузу, Такуму ответил:

— Выходит, что эти два месяца… они готовились.

— Г-готовились? К чему?

— К распространению ISS комплектов.

— !.. — Харуюки вновь вскочил со стула.

Несколько секунд они молча смотрели друг другу в глаза. Харуюки увидел, что лицо его друга сильно побледнело, но догадывался, что и сам сейчас был белее мела.

Наконец, Такуму осушил свою чашку и продолжил.

— Если наши догадки верны, то придётся признать, что планы у них очень тщательно продуманы. Они всегда знают ситуацию наперёд и обгоняют нас на шаг. Как только они дали зрителям на Гермесовом Тросе прочувствовать силу Инкарнации, они сразу же начали раздавать ISS комплекты, преподнося их как «лёгкий способ освоить Инкарнацию». В возникшей панике даже опытные бёрст линкеры, которые должны с опаской относиться к такому странному Снаряжению, могут поддаться на искушение…

В памяти Харуюки ожил хриплый голос Буш Утана:

«Ты знаешь, какая невообразимая сила сокрыта в режиме IS, как она способна возвыситься даже над правилами Брейн Бёрста. А ведь какие-то подонки всё это время знали о существовании этой силы и прятали её от остальных…»

Слова Утана отражали не только его страх и нетерпеливость, но и ненависть по отношению ко всем тем, кто знал о существовании Системы Инкарнации, но скрывал её от остальных. А значит, и по отношению к Харуюки. Этот букет эмоций смог с лёгкостью убедить его принять даже зловеще выглядящий «чёрный глаз».

Чувствуя, как каменеют его губы, Харуюки осторожно поинтересовался у своего друга:

— В таком случае, Таку… чего они добиваются? Они хотят заразить весь Ускоренный Мир ISS комплектами? Или?..

— Ты спрашиваешь, каков будет их следующий шаг и будет ли он вообще? — сказал Такуму, глядя в пустую кружку, а затем кивнул. — У меня слишком мало информации для того, чтобы судить об этом. Для начала мне нужно увидеть ISS комплект вживую…

— …

Харуюки промолчал, а Такуму скосил взгляд в нижний правый угол, к индикатору времени. Затем он встал.

— Хару. Я так понимаю, твоя мать уже скоро вернётся? Пожалуй, сегодня стоит на этом закончить.

— А…

И действительно, время упорно подбиралось к десяти часам вечера. Мать Харуюки, работающая во внешнеэкономическом банке, обычно задерживалась допоздна, но в такой час её уже можно было начинать ждать домой. Вообще, она бы не разозлилась, обнаружив в гостях Такуму, но продолжать разговор

о Брейн Бёрсте в её присутствии они бы точно не смогли.

Отправившись следом за покидающим зал Такуму, Харуюки тихо задал ему последний вопрос:

— Слушай, Таку. Как думаешь… стоит рассказать об этом семпаю и всем остальным?..

— ……Конечно, стоит, — обернувшись у входной двери, ответил Такуму.

На лице его была видна лишь привычная печать интеллекта. Её вид заставил Харуюки забыть о том, что Такуму ответил на этот вопрос не сразу, и он тут же закивал.

— Вот и я так подумал. Ладно… я расскажу ей завтра. К счастью, следующее погружение в Замок состоится лишь в четверг, так что завтра я буду свободен.

— … — Такуму молча сузил глаза, словно его что-то слепило. Но как только Харуюки начал хмуриться, тот рассмеялся. — Ох, Хару, каждый раз, когда ты так легкомысленно говоришь о «погружении в Замок», я всегда думаю о том, как ты вечно несёшься вперёд без тормозов.

— А, ну, я не то, что бы…

— Ха-ха-ха, это, если что, была не похвала.

Такуму вытянул руку и похлопал Харуюки по плечу, а затем надел обувь. Вновь приняв серьёзный вид, он добавил:

— А что касается ISS комплектов, я попробую поискать информацию самостоятельно.

— А… хорошо, удачи. Только… не переусердствуй.

Сказав это, Харуюки тут же удивился своим собственным словам. Все эти годы в передряги из-за переусердствования попадал именно он, а Такуму всегда приходилось выручать его.

— Ладно, понял. Ну… пока, до завтра.

— Ага… пока.

Харуюки помахал рукой, а Такуму открыл дверь и скрылся во тьме коридора.

Как только Харуюки услышал звук запирающегося автоматического замка, в его груди вновь возникло то же самое чувство.

Он не хотел говорить ему всего этого. Он не должен был делать этого.

И он не понимал почему. Ведь разговор с ним принёс много пользы. Они пришли к выводу, что ISS комплекты могло распространять Общество Исследования Ускорения. А уж завтра он расскажет Черноснежке, и та, как всегда, придумает, как с ними бороться.

Харуюки крепко сжал кулаки и поставил точку в своих размышлениях. После этого он вернулся в зал и начал убирать

посуду.

Глава 6

Следующий день, 19 июня, среда.

Харуюки заглянул в спальню матери, попрощался, получил традиционные 500 йен на обед, спустился на лифте и вышел из дома на восток, в сторону тротуара Седьмой Кольцевой.

Несколько дней назад во время урока обществознания классу Харуюки показывали старые фотографии и видеоролики о районе Сугинами. Их сняли ещё в далёком 2010 году на видеокамеры и, конечно, ни о каком трёхмерном погружении речь не шла. Но хаотичность и беспорядочность улиц тех времён произвела на Харуюки сильное впечатление.

Это был вовсе не тот искусственный хаос, который сегодня специально поддерживался на улицах Акихабары. Город казался живым, в одной куче смешались и история, и работа, и жизнь. Даже вдоль Седьмой Кольцевой дороги, одной из важнейших артерий столицы, можно было увидеть маленькие магазинчики, а то и жилые дома.

Естественно, даже сейчас в глубинах маленьких улочек и переулков можно встретить маленькие одноэтажные домики и здания. Но, по крайней мере, возле крупных железнодорожных линий, вроде Седьмой Кольцевой и Оумэ, разросшихся за последние сорок лет, расположились лишь огромные магазины, совмещённые с жилыми домами, или же зелёные парки. Исчезла похожая на муравейник застройка возле станции Коэндзи, уступив место пешеходным площадям, связывавшим между собой жилые комплексы.

И, наконец, главное. Кому-то это изменение показалось мелким, но для Харуюки оно имело огромное значение.

Он видел их повсюду, стоило ему выйти из дома. И именно потому, что их было так много, люди просто перестали их замечать. Маленькие пятисантиметровые купола и сферы. Социальные камеры. В исторических кадрах их не было.

Харуюки знал по урокам истории, что установка полностью автоматизированной системы публичного видеонаблюдения началась во второй половине 2030-х годов и немедленно привела к резкому падению уровня преступности. И с учётом возможностей этих камер, этот исход был закономерен. Эти камеры умели автоматически фиксировать «подозрительную» активность, оповещать о ней соответствующие органы, а также автоматически включать режим слежки. Естественно, камеры не могли ловить каждого преступника, но если перед их объективами бросить на землю окурок или пачку сока, то уже на

следующий день домой придёт предупреждение от районной администрации, а в начале следующего месяца с банковского счёта автоматически спишется штраф.

Где именно располагалась система, управляющая такой сложной сетью и обрабатывающая такие высококачественные изображения, не разглашалось — это одна из самых охраняемых государственных тайн. Единственное, что об этой системе знали простые жители — она называется «Центром Наблюдения за Социальной Безопасностью» или ЦНСБ. Даже Черноснежка говорила, что только примерно представляет себе, где она расположена. А уж Харуюки не мог представить себе даже этого.

Дойдя до перехода на Центральную линию, Харуюки свернул направо на Седьмую Кольцевую и пошёл по ней в сторону школы под звуки постоянно проезжающих мимо поездов.

Он мог в любой момент посмотреть по сторонам и увидеть, что камеры, следящие за ним, располагались везде: на столбах, светофорах, дорожных знаках и многих других местах. Если честно, ему немного неприятно ощущать на себе их взгляды, но Харуюки ценил их, и не только потому, что они помогали поддерживать в стране порядок.

Нужно ли говорить, что без них был бы немыслим «Brain Burst»?

Эта программа с лёгкостью обходила хвалёную систему защиты социальных камер и пользовалась высококачественными изображениями с них, чтобы создавать трёхмерные миры, способные поспорить по реалистичности даже с самой реальностью. Первой причиной, по которой дуэльный аватар становился вторым «я» бёрст линкера, а Ускоренный Мир становился для него второй реальностью, состояла именно в поразительной проработке и детализации этого мира.

Но даже у этой системы, которую впору называть мечтой любого геймера, была негативная сторона.

Когда Харуюки учился в седьмом классе, трое из его одноклассников жестоко травили его. Почти каждый день они требовали, чтобы он тратил свои 500 йен на покупку булочек и сока, а затем приносил их в укромное место на крыше школы. Если он отказывался, или если нужных булочек не было в продаже, его безжалостно избивали, пинали и заставляли кланяться им, целуя бетонный пол крыши.

Причина, по которой им сходило с рук это явное нарушение школьных правил и законов в целом, состояла не только в том, что Харуюки не хватало смелости сообщить об этом учителям и администрации, но и в том, что их укрытие — западная окраина крыши второго школьного корпуса — находилось вне зоны

видимости социальных камер. Судя по всему, среди таких задир ходили карты мест, незаметные для камер, «безопасных зон», в которых можно мучать других людей, не опасаясь последствий. Этими зонами пользовались не только школьные хулиганы, но и взрослые преступники.

Но камеры находились на одних и тех же местах не вечно. Если в школе замена и обновление камер происходили нечасто, то на крупных улицах и в переулках установка новых камер и перестановка старых происходили с огромной скоростью, что не давало профессиональным преступникам возможности выработать надёжную стратегию.

Но существуют люди, которые могут за секунду полностью выучить расположение и область видимости социальных камер в том или ином месте.

Речь шла о бёрст линкерах. Достаточно произнести «бёрст линк» и оказаться в синем мире, известном как «базовое ускоренное поле».

На этом поле все объекты воссоздавались в точно таком же виде, как и в реальности, а всё, что находилось вне зоны действия камер, система «додумывала» сама. Поэтому, увидев в этом мире плохо детализированные или чересчур гладкие и однотонные участки, можно было легко понять, до каких мест глаза камер не доставали.

Конечно, такое «умение» вряд ли смогло бы сделать из человека крёстного отца мафии, но некоторые бёрст линкеры всё же использовали его для совершения своего рода преступлений.

Это были те, кто нападали на других игроков в реальном мире, «плеер киллеры», они же «ПК». Они работали группами, выслеживая бёрст линкеров, раскрывших свою личность, и ожидая, пока те покинут область действия камер. В старые времена они нападали на месте, теперь же они всё чаще запирают своих жертв в машинах, но суть не изменилась — они силой и угрозами заставляли цель соединиться с ними напрямую. В отличие от дуэлей через глобальную сеть, на дуэли по кабелю не распространялось правило «не более одной дуэли в день», и они могли убивать жертву раз за разом. Всего за несколько секунд реального времени та могла потерять огромное количество очков, а затем и вовсе лишиться их всех, потеряв Брейн Бёрст. По жестокости этот способ расправы с бёрст линкерами превосходил даже «бесконечное истребление».

Именно поэтому Черноснежка просила Харуюки по возможности держаться в зоне действия камер, пока тот находился на улице. Да, их взгляды были неприятны, но эти чёрные сферы означали безопасную территорию.

Но с утра на такой крупной дороге он даже не задумался об этом — не станут же на него нападать, когда вокруг столько других людей? Поэтому Харуюки сладко зевал, водил глазами по виртуальному интерфейсу, а потом потянулся к сумке, чтобы проверить, не забыл ли он домашнюю работу…

И именно в этот момент слева, из тени железнодорожного моста, к нему протянулась чья-то рука и ухватила за воротник.

— Х-хг?!..

«Н-н-неужели ПК?! Неужели на меня напали в такой толпе, да ещё и в зоне действия социальных камер?!» — мысленно завопил Харуюки. Одновременно он задёргал руками и ногами, пытаясь вырваться, но тут послышался знакомый голос:

— Хай.

Это был, пожалуй, самый краткий способ поприветствовать кого-либо. Тут же прекратив дёргаться, Харуюки медленно повернул голову. Перед ним стояла девушка немного старше него самого, и её вид отдавал как взрослостью, так и ощущением того, что с ней шутки плохи.

— П… Пард-сан? — ошарашенно прошептал он.

Девушка не ответила, разумно решив, что вопрос был скорее риторическим. Принцип минимального количества слов в разговорах она соблюдала неукоснительно.

Решив, что гадать о том, что она тут делает, не стоит, Харуюки, всё ещё схваченный за воротник, решил сначала поздороваться:

— Д… доброе утро.

В ответ она кивнула и отпустила его. Харуюки с облегчением почувствовал, как его пятки вновь коснулись земли, и вздохнул. Развернувшись, он осмотрел свою собеседницу.

Открытая на лбу чёлка и коса на спине ничуть не изменились с прошлого раза. Но сейчас она одета не в костюм официантки, в котором он видел её в кафе на улице Сакурадай в Нериме, и не та комбинация из футболки с джинсами, которую он помнил по Токио Скайтри. На ней был синий пиджак с белым воротником и маленьким треугольным галстуком, а также плиссированная юбка такого же цвета. Другими словами, школьная форма.

Вообще говоря, выглядела она совершенно нормально. Оглядевшись по сторонам, Харуюки смог бы заметить множество школьников в похожей одежде.

Но когда столь опрятная школьница сидела на низком, хищно выглядящем электромотоцикле, картина казалась совсем иной. Эта сцена уже вызывала удивление и непонимание, и девушка постоянно ловила на себе взгляды прохожих.

Мотоцикл стоял в переулке, ведущем на юг к мосту от дороги, по которой Харуюки каждый день шёл в школу. Он

сделал пару шагов во тьму, чтобы покинуть центр внимания.

Харуюки не знал, как зовут неожиданно появившуюся мотоциклистку. Имя «Пард-сан», которое он только что произнёс, на самом деле не стоило использовать в людном месте, ведь оно — сокращение имени её дуэльного аватара.

Блад Леопард. Бёрст линкер шестого уровня, также известная как Блади Кити[7], главный офицер Легиона Проминенс, владеющего районами Нерима и севером Накано. Однажды она на глазах Харуюки одолела члена Общества Исследования Ускорения Раста Жигсо одним укусом, так что силы ей было не занимать.

Если подумать, то каждое её появление становилось внезапным и пугало Харуюки, но этот раз превзошёл все границы. Две с лишним секунды тот стоял с открытым ртом, не зная, что и спросить. Решив, что Харуюки потратил отведённое ему время, Пард слезла с сидения и протянула тому левую руку.

В ней она держала красный экранированный провод с небольшим штекером — XSB-кабель для прямого соединения. Харуюки, настолько ошарашенный происходящим, принял его без вопросов. К счастью, кабель оказался двухметровым, и он смог сразу подключить его к нейролинкеру. Всплыло предупреждение о проводном подключении, а затем в голове Харуюки послышался тихий взрослый голос:

— Я не предупредила тебя письмом потому, что мне нужно кое-что сообщить тебе лично.

Эта фраза полностью отвечала на вопрос, который Харуюки так и не смог задать. Вновь оперевшись на мотоцикл, Пард сложила руки на груди, и Харуюки, мозг которого вновь заработал на полную мощность, спросил:

— Другими словами, Пард-сан, ты не хочешь, чтобы остальные легионеры Нега Небьюласа знали о нашей встрече?

— Грубо говоря, да. Это не значит, что я не доверяю твоим товарищам. Я просто даю тебе возможность самому выбрать, что именно сказать им.

— ?..

Харуюки удивлённо наклонил голову, не понимая, о чём она. Соединявший их нейролинкеры кабель качнулся. По красной оплётке пробежал солнечный блик.

Хоть они и стояли в узком переулке, каждый, кто проходил у северного входа в него, видел их прекрасно. Даже сам Харуюки понимал, что найди он с утра старшеклассницу, напрямую соединяющуюся с толстым второклассником средней школы, он и сам бы не удержался и посмотрел на них. Все прохожие бросали в их стороны любопытствующие взгляды, а хуже всего — то, что

среди них были и школьники Умесато. Но следующие слова Леопард так сильно шокировали Харуюки, что немедленно выбили мысли о прохожих из его головы.

— Сильвер Кроу. Кое-кто пытается ликвидировать тебя руками отрядов ПК.

— Э… — обронил Харуюки настоящим голосом.

Он пошатнулся и тут же упёрся ногами, но ощущение шатающейся земли не покидало его. Заметив это, Пард слегка нахмурилась и протянула правую руку. Ухватив ею правое плечо Харуюки, она подтащила его к себе и усадила на пассажирское сидение.

Мощный мотоцикл даже не скрипнул под весом Харуюки. Ощущение надёжности, идущее от машины, на которой ему уже приходилось несколько раз ездить, немного успокоило, и он смог передать по кабелю следующую мысль:

— Ликвидировать?.. Из-за случая с Бронёй Бедствия?.. Но ведь на Конференции Семи Королей мне дали недельную отсрочку…

— Да, но это радикальное мнение принадлежит не Королям. Оно исходит от их подчинённых, от костяков Легионов. Они говорят, что… это ты источник «тёмной силы», заражающей в последние дни Ускоренный Мир.

Даже Пард не сразу решилась произнести эти слова.

Но Харуюки не обратил на это внимания и едва не перешёл на настоящий голос снова.

— Но ведь… это… — он тут же посмотрел на Пард и замотал головой. — Это неправда, это не я! Я бы ни за что… не пошёл на такое!..

Но как бы он ни старался, он не мог не вспомнить недавно услышанные слова.

Вчера, примерно в это же самое время, он вступил в закрытую дуэль с Аш Роллером, где тот сказал ему:

«Я слышал ещё один слух. Что та «странная техника», которую использовали Утан и Олив… это копия способности Хром Дизастера…»

Действительно, тёмная аура, испускаемая владельцами ISS комплектов, до боли походила на ту, что окутала Сильвер Кроу, когда тот надел Броню Бедствия. Человек, увидевший оба этих явления, вполне мог решить, что у аур общий источник. Но даже с учётом всего этого, слухи распространились по Ускоренному Миру и превратились в решение ликвидировать Сильвер Кроу чересчур быстро.

Впрочем, Харуюки понимал, что ничего невозможного в этом

не было.

Ведь для бёрст линкера 1,8 секунд в реальном мире соответствуют получасу в Ускоренном. Если представить себе количество дуэлей, проходящих каждый день в Синдзюку, Сибуе и Акихабаре, то нетрудно поверить, что одного вечера обсуждения слухов на зрительских трибунах оказалось достаточно для того, чтобы успели появиться глубоко убеждённые в своей правоте люди. Но даже если этого и могло быть «достаточно», Харуюки всё равно не хотел верить в услышанное.

Он сидел с широко раскрытыми глазами и продолжал качать головой. Смотревшая на него Пард едва заметно улыбнулась. Она вновь протянула к нему правую руку и легонько погладила по спине.

— Кей, я всё понимаю. Ни я, ни Красная Королева в этот маразм не верим. Но оптимизма ситуация не вызывает, поэтому я и пришла сообщить тебе эту информацию.

— …

Харуюки не сразу смог ответить ей. Но теплота и мягкость её руки удивительным образом успокаивали его и прогоняли страх.

Да, Красный Легион Проминенс заключил перемирие с Нега Небьюласом, но союзниками они не были однозначно. Их отношения начались с того, что командир их Легиона, Нико, встретилась с Харуюки в реальном мире и попросила о помощи в миссии по уничтожению Пятого Хром Дизастера. Впоследствии она с лихвой вернула долг во время конфликта с Даск Тейкером, и Легионы, по сути, полностью расплатились друг с другом.

У Проминенса уже не было обязанности поддерживать перемирие, весьма раздражающее остальных Королей. Более того, даже внутри их Легиона уже наверняка начали появляться люди, ратовавшие за возобновление еженедельных атак.

Но Нико и Пард упрямо отказывались сражаться, и более того — последняя даже встретилась с ним в реальности, чтобы предупредить об опасности. Скорее всего… она сделала это, потому что была их «другом».

— …спасибо тебе, — сказал Харуюки своим настоящим голосом.

Затем он вытер вставшие в глазах слёзы и собрался с мыслями. Если он не хотел разочаровать Пард, ему нужно не рыдать и дрожать от страха, а уверенно разработать оптимальный план действий. Глубоко вздохнув, Харуюки вновь переключился на мысленный голос:

— Но ведь задача у ПК не такая уж и простая, разве нет? Сначала им надо узнать мою личность.

— Да. Более того, у них нет неограниченного количества

очков, поэтому они не будут, как Рейн, доводить свои попытки перехватить тебя в реальности до абсурда.

— …это точно.

План Нико в своё время состоял из двух этапов. Сначала она, пользуясь своим статусом младшеклассницы, запросила пропуски на экскурсии в разные школы, что дало ей временный доступ в школьные сети, где она проверяла списки противников. Таким образом, она смогла вычислить школу, в которой учился Сильвер Кроу. Второй этап состоял в том, что она засела в месте, откуда были видны школьные врата, и каждый раз, когда кто-то из школьников проходил сквозь них, она ускорялась и проверяла список, пока, наконец, не наткнулась на Харуюки. На эту операцию она потратила около сотни или даже двух сотен очков. Этот способ подходил только Королю, которому уже не нужно было копить очки на следующий уровень.

В таком случае, как люди, требовавшие немедленной расправы над Харуюки, собирались узнать его личность?

Пард, увидев хмурое лицо Харуюки, задумалась и сама, а затем прошептала:

— На данный момент твоя личность известна членам вашего Легиона, мне и Нико. Так?

— Вроде бы… да, точно.

На мгновение Харуюки засомневался. Строго говоря, есть ещё один человек, который тоже когда-то знал его лично. Мародёр по имени Даск Тейкер, появившийся в Умесато в начале учебного года и державший Харуюки и остальных под своей пятой в отсутствие Черноснежки. Но во время решающего боя на неограниченном нейтральном поле тот проиграл Харуюки и Такуму, лишился всех очков, а вместе с ними и Брейн Бёрста. В реальности все связанные с ним воспоминания тоже пропали, и о Харуюки он знал лишь то, что «однажды они вместе играли в какую-то сетевую игру».

Конечно, оставалась вероятность того, что информацией о личности Харуюки владела его старая организация, Общество Исследования Ускорения. Но если тот сообщил им личность Харуюки, то этим же ставил под удар и себя, так как они учились в одной школе. В его мире не было места «дружбе» и «узам», и трудно представить, что он настолько доверял Обществу.

Услышав ответ Харуюки, Пард кратко кивнула.

— Тебе придётся довериться мне и Нико, но если ты говоришь правду, то силой твою личность у них выведать не получится. «Очистись» к воскресной конференции. Когда Короли признают это, мнение людей, требующих твоей ликвидации, автоматически лишится силы. Вот только…

Сделав паузу в речи, что с ней случалось очень редко, Пард повернулась к Харуюки и произнесла с глубоким опасением в голосе:

— Есть одна особенно проблемная группировка.

— Группировка?..

— Считается, что отрядов ПК несколько, но вычислить, кто именно из линкеров — ПК, крайне сложно. Дело в том, что как только это станет известно, на этого бёрст линкера обрушится весь Ускоренный Мир и моментально ликвидирует его.

Харуюки закивал в ответ. Вчера его учитель, Скай Рейкер, с улыбкой на лице сказала ему, что зашвырнула одного ПК прямо в центр ареала Легендарного Энеми. А если даже такой добрый (?) человек, как Рейкер, пошла на такое, то нетрудно представить, насколько другие бёрст линкеры ненавидят ПК.

А раз так, то как вообще противники Харуюки собираются прибегнуть к их помощи для его ликвидации? Как они собираются связаться с ними?

На этот вопрос ответил приглушенный мысленный голос Пард:

— Есть люди, отыгрывающие роль «киллеров». И есть одна группировка, состоящая из них… самые отъявленные, самые известные из ПК, единственные, работающие в открытую. Их зовут «Супернова Ремнант»… или просто Ремнант.

— Супернова Ремнант… — повторил он за ней название группы. Оно переводилось примерно как «Останки Сверхновой Звезды».

Равнодушное лицо Леопард стало заметно более суровым, и она продолжила:

— Они берут за свои услуги не бёрст поинты, а деньги. У них множество методов вычисления личности жертвы, и ещё никакому «заказанному» у них бёрст линкеру не удавалось выжить. Они видят в Брейн Бёрсте не игру, а способ заработка.

— Чт… — вновь обронил Харуюки настоящим голосом.

По спине его пробежал холодок, и он попытался запротестовать, вернувшись к мысленному голосу:

— Но почему… их терпят? Это не меня нужно ликвидировать, а их…

— Естественно, в былые времена возникло много возмущений по поводу их существования. Но никому ещё не удавалось выяснить их личности. Чтобы сделать заказ, нужно отправить письмо на анонимный ящик с кодом, позволяющим получить деньги, именем жертвы и информацией. Есть даже мнение, что они ни разу не участвовали в обычных дуэлях, а уровни набирали исключительно через ПК. В таком случае, вполне возможно, что

никто даже не знает имена аватаров этих таинственных бёрст линкеров.

— Н-ничего себе… выходит, они как призраки?.. Как злые духи?..

Мысли сидящего на электромотоцикле Харуюки становились всё более спутанными. Леопард молча согласилась с его словами, а после короткого молчания вновь положила руку на его спину.

— Но это всё догадки. Слишком нервничать тоже не стоит. Ключом к раскрытию личности обычно становятся «родители» и «дети». «Ребёнка» у тебя нет… — на этом месте Пард вопросительно посмотрела на Харуюки, и тот сразу же утвердительно закивал. — …А родитель у тебя мало того, что в том же Легионе, она ещё и закалённая в боях Королева. Уж она твою личность по неосторожности или жадности не выдаст. Как бы ни старались киллеры, за такое короткое время они твою личность вычислить не смогут.

На этом поток мыслей через кабель временно прервался, но Харуюки остро почуял, что Пард не сказала всего.

На самом деле, она лишь предполагала, что они не смогут этого сделать. Ведь если она была уверена в этом, она не приехала бы сюда, чтобы предупредить Харуюки. Но вместе с этим она изо всех сил старалась подбодрить его.

Собрав мысли в кулак, Харуюки поднял глаза на сидящую слева от него девушку и сказал ей уверенными мыслями:

— Понял. Но, на всякий случай, в школу я теперь буду идти осторожно.

— Кей. Если будешь задерживаться допоздна, лучше не возвращайся в одиночестве. И не приближайся к границам зоны действия социальных камер, — добавила Пард, а затем резко выдернула кабель из шеи Харуюки, быстро смотала и убрала в карман.

Лишившись прямого соединения, Харуюки был вынужден поблагодарить её настоящим голосом:

— А, э-э, спасибо… от всего…

Но слова его прервались по неожиданной причине.

Пард вдруг достала из багажника мотоцикла запасной шлем и опустила его на голову Харуюки, тут же завязав под подбородком. Затем она надела и свой шлем, свисавший с ручки мотоцикла.

«…Э?»

Но не успел сидевший спиной вперёд на мотоцикле Харуюки округлить от удивления глаза, как старшеклассница ухватилась за ручки и произнесла: «Пуск». Нейролинкер моментально соединился с мотоциклом, и перед глазами появилась приборная

панель. Активная подвеска заднего колеса тут же поднялась, придав мотоциклу вид леопарда, готовящегося пуститься в погоню.

— Э-э-э…

«Нет. Не может быть. Ни за что. Я не готов», — проносились мысли в голове Харуюки, а затем из встроенных в шлем наушников послышалось:

— Я заняла у тебя слишком много времени, поэтому подброшу до школы.

— Н-н-н-нет, н-н-н-не стоит.

— Ничего.

Она слегка покрутила ручку газа, и мотоцикл неспешно выкатил на дорогу у моста. Он начал разворачиваться влево, а в тот самый момент, когда переднее колесо устремилось в сторону станции, синхронно взревели два колёсных мотора.

— А-а-а-а!!

Искажённый эффектом Доплера вопль отчаянно державшегося за мотоцикл Харуюки донёсся до ушей всех бредущих в школу учеников.

С точки зрения системы ценностей парня-второклассника средней школы, мощный электромотоцикл был вершиной крутости, не говоря уже о возможности прокатиться вместе со старшеклассницей. Но как только Харуюки оказался у школы, попрощался с Пард и проводил её взглядом, он тут же применил свою фирменную технику «Бежать, сверкая пятками» в направлении входа.

Переодев обувь, он быстро поднялся по главной лестнице в кабинет класса 2-С и протяжно вздохнул. Стараясь выглядеть как можно естественнее, он уселся за своё место и уставился в виртуальный интерфейс…

Но тут по его спине постучали, и он услышал знакомый голос:

— Привет, Хару.

Тут же напрягшись, он неловко развернулся и ответил:

— А… привет, Тию.

Курасима Тиюри, которую он знал, без преувеличения, с рождения, посмотрела на него взглядом, который быстро превращался из «удивлённого» в «подозрительный».

— Что ты рожу корчишь?

— Н-не корчу. Просто сегодня первым уроком физкультура, а я её не люблю.

— Она завтра. Сегодня первый урок математика.

— А, э, э-э, ну да. Я и её не люблю.

Взгляд сменился с «подозрительного» на «сокрушённый», и Тиюри кратко вздохнула. Она добралась до школы раньше него и вряд ли видела, как именно он добрался. Пусть даже она со временем всё равно бы это узнала, Харуюки решил не подавать виду. Стараясь выглядеть натурально, он обвёл взглядом класс.

— Э-э… о, Таку ещё не пришёл? Редко он так задерживается, — заметил он вслух.

Конечно, до звонка оставалось ещё пять минут, но задачей Харуюки было перевести разговор на какую-нибудь бытовую тему. Но тут Тиюри нахмурилась, и настал уже черёд Харуюки удивляться.

Она бросила быстрый взгляд назад, а затем приглушённо сказала:

— Хару… Таккун, похоже, простудился и сегодня не придёт.

— Э?..

Харуюки рефлекторно пробежался пальцем по виртуальному интерфейсу и открыл классный журнал. Рядом с учеником номер 31, Маюдзуми Такуму, горела иконка «пропуск по состоянию здоровья». Он нажал на неё, и появилась подсказка: «Высокая температура, вызванная простудой».

— Как странно… он ведь почти не болеет… — нахмурившись, прошептал Харуюки.

Такуму, с самого детства занимавшийся кендо, был куда закалённее Харуюки. На памяти Харуюки, он простужался лишь несколько раз, и то зимой, в разгар эпидемий.

Тиюри, тоже отнёсшаяся к новости недоверчиво, поднесла лицо к Харуюки и тихо произнесла:

— Кроме того… вчера он вовсе не выглядел простуженным. Неужели у него успела подняться температура?

— А-а… действительно… более того, если ему казалось, что он нездоров, разве стал бы он приходить ко мне, рискуя заразить нас всех?

Такуму такой человек, что ни за что бы такого не допустил. Тиюри кивнула, соглашаясь со словами Харуюки. Неужели возвращение домой в десять часов вечера подорвало его здоровье?..

«Нет…»

Непонятное ощущение импульсом пролетело в голове Харуюки, и у того забегали глаза.

Некоторые слова, которые произнёс вчера Такуму. Некоторые слова, сказанные сегодня утром Пард.

Слившись в голове Харуюки, они превратились в растущие опасения. Он ощутил тревожное предчувствие. Где-то в тёмном уголке что-то происходит. Пока они сидят здесь, ситуация

постепенно выходит из-под контроля…

— Что такое, Хару?.. — нахмурившись, прошептала Тиюри так, словно его беспокойство передалось и ей.

Резко опомнившись, Харуюки замотал головой.

— Н-нет, ничего… а, давай зайдём к нему после уроков? Напиши, как кончится секция.

Услышав быстро пободревшую речь, Тиюри внимательно вгляделась в Харуюки, словно стараясь уловить своими большими глазами его мысли. Наконец, она кивнула.

— Хорошо… давай. У тебя ведь сегодня опять комитетская работа? Сообщи, как закончишь.

— Ага, понял.

Тут прозвенел звонок, и Тиюри, помахав рукой, ушла за своё место. Харуюки выпрямился и ещё раз посмотрел на журнал, отчаянно сопротивляясь желанию немедленно написать Такуму. Он и не смог бы этого сделать — на школьников подключение к глобальной сети не распространялось, и связаться с болевшим дома Такуму у него все равно не получилось бы.

«Все хорошо, мне просто кажется. Это я принимаю на себя удар от возникших в Брейн Бёрсте проблем. Ни Броня Бедствия, ни ISS комплекты, ни Ремнант не имеют к отсутствию Таку никакого отношения. Мы купим ему любимое мороженное со вкусом порошкового чая, а он улыбнётся нам из постели.»

Сказав эти слова самому себе, Харуюки закрыл окно. В следующий момент в класс бодро зашёл учитель, и начался очередной неспешный учебный день.

Глава 7

За время четырёх утренних уроков не произошло ничего необычного, и Харуюки ощущал, как беспокойство постепенно отпускает его.

Прозвенел приятный звонок, возвещавший о начале большой перемены, и Харуюки встал из-за стола. Он тут же начал мысленно спорить сам с собой на тему того, перекусит ли сегодня булочкой с соком или угостит себя свиным карри.

Увы, до конца культурного фестиваля, начинавшегося в конце июня, ему пришлось прекратить ежедневные обеды на пару с Черноснежкой в рекреации. Она, как зампредседателя школьного комитета, была завалена работой и, несмотря на свои слова о том, что занималась этим исключительно ради выгоды в Брейн Бёрсте, отлынивать не собиралась.

«Вот как я могу пировать, пока она так усердно трудится? Сегодня, пожалуй, перетерплю и возьму сэндвич со свининой и молоко… хотя, можно и сухариков прихватить…»

Обдумывая этот несомненно важный вопрос, он пошёл к заднему выходу из класса, как вдруг…

Дверь с шумом отъехала в сторону, и в класс широким шагом зашла фигура.

Изящные длинные ноги в чёрных чулках. Серая, как у других школьниц, юбка и совершенно чёрная рубашка с короткими рукавами. Карминовый галстук, указывавший на принадлежность к третьему классу, и ниспадающие чёрные волосы.

По правилам школы Умесато «рубашка школьной формы должна соответствовать образцовому дизайну и не быть цветной». Под «не цветным» цветом понимались любые серые оттенки — от белого до чёрного. Формально, серые и даже чёрные рубашки носить можно, но производитель школьной формы продавал исключительно белые, и все были вынуждены покупать именно их. Конечно, никто не мешал раскошелиться на рубашку, сделанную на заказ…

Но за всю тридцатилетнюю историю школы Умесато только у одной ученицы хватило смелости пойти на такое, отразить нападки со стороны учителей и доказать свою правоту школьным уставом.

И именно эта школьница стояла сейчас в двух метрах от Харуюки с горделивым видом и держала руки на поясе, освещая классную комнату своей красотой. Черноснежка.

Класс 2-С моментально затих, и в аудитории прозвучал величественный голос зампредседателя школьного совета:

— Председателю комитета по уходу за животными, выбранному из числа учеников этого класса — немедленно явиться в комнату школьного совета!

Через секунду послышались перешёптывания, и взгляды учеников сошлись на Харуюки. Они ещё не знали, что решительно (хоть и по ошибке) вступившего в комитет Харуюки избрали ещё и в председатели. Судя по всему, они восприняли появление Черноснежки как знак того, что Харуюки уже успел наломать дров. Сам же Харуюки вообще ничего не понимал.

Он неуверенно сделал полшага вперёд и сказал:

— Э-э… да?..

Черноснежка в ответ смерила его взглядом и сказала:

— Ты? Иди за мной.

«…«Ты»? Она ведь знает, что я председатель комитета по уходу. И я, на секундочку, её «ребёнок» и член её Легиона…» — пронеслись запутанные мысли в голове Харуюки, а Черноснежка за это время успела резко развернуться и, умудряясь отчётливо щёлкать обувью на резиновой подошве, направилась в коридор. Простояв на месте столбом полторы секунды, Харуюки опомнился и поспешил за ней.

Они спустились по лестнице и направились по коридору на запад, но Черноснежка за всё это время так и не обернулась. Они прошли мимо кабинетов девятиклассников и добрались до расположенной в самой глубине корпуса комнаты школьного совета. Черноснежка взмахнула рукой, и послышался щелчок мощного замка. Открыв дверь, она исчезла внутри комнаты.

Харуюки шумно сглотнул и прошёл через раздвижную дверь. Та сразу же закрылась. Вновь послышался щелчок замка.

Когда он был здесь позавчера, комната казалась тёплой от оранжевых лучей заходящего солнца, но теперь, в сером свете, доносившемся от облачных небес, даже воздух в ней казался холоднее. Черноснежка прошла до середины тусклой комнаты и, наконец, развернулась, строго посмотрев на Харуюки.

— Э-э… — едва слышно прошептал он и попытался улыбнуться, но его губы словно свело.

Хотя они и собирались здесь после уроков, Черноснежка не стала бы злоупотреблять служебным положением и использовать это помещение для личных разговоров во время большой перемены. А значит, она действительно находилась здесь на правах зампредседателя совета, вызвавшего председателя комитета по уходу. Харуюки понял, что, видимо, действительно успел где-то просчитаться.

А раз так, то нужно встретить наказание достойно. Решившись, Харуюки затих и стал ждать слов Черноснежки.

Прошло несколько секунд.

Черноснежка надула губы и щеки, а затем обиженно произнесла:

— Я всё знаю, Харуюки. Что тебя сегодня до школы подвезла крутая красотка на мотоцикле.

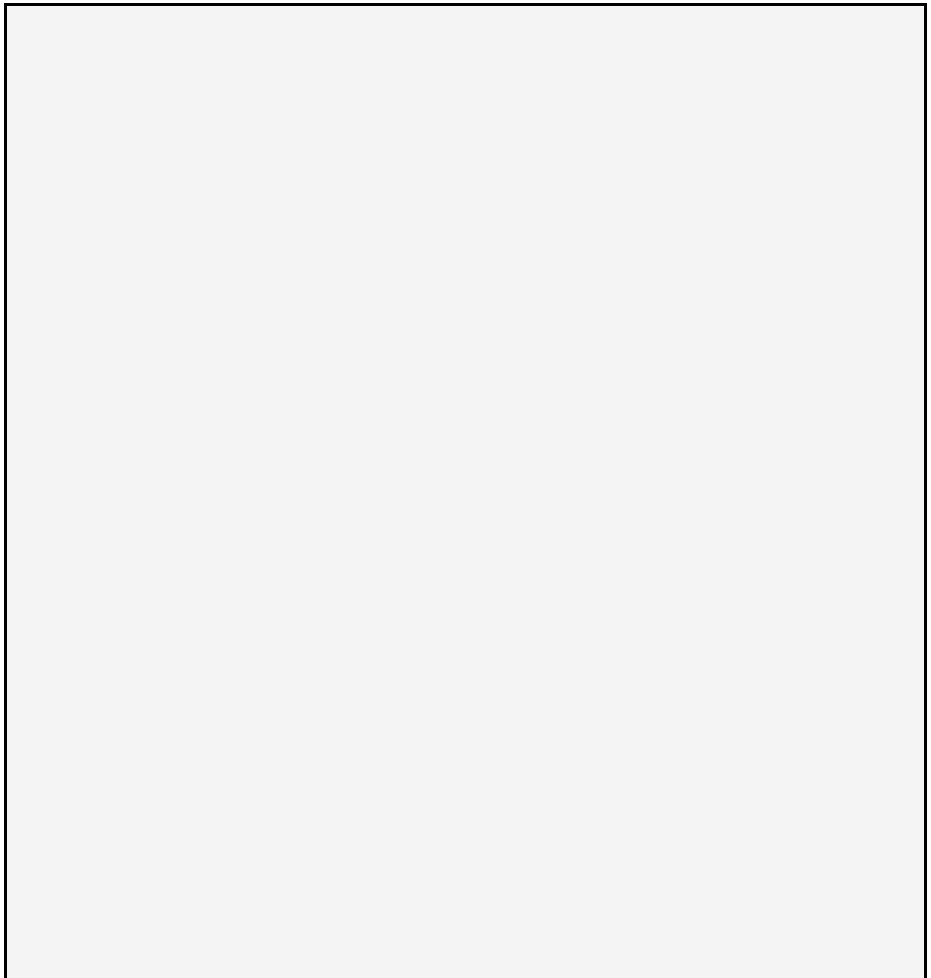
— …Что? — переспросил Харуюки, округлив глаза.

Черноснежка в ответ надулась ещё сильнее.

— Эй, только не пытайся меня обмануть. У меня есть доступ к утренним видеозаписям, и я могу их проверить. Надеюсь, ты понимаешь, насколько сильно я не хочу их смотреть?

— А, нет, э-э, п-п-п-погоди секундочку! — Харуюки пришлось замахать руками, чтобы вставить хоть слово. Затем он осторожно поинтересовался: — Так вот, что ещё за причина, по которой я должен явиться сюда как председатель комитета по уходу?

Черноснежка слегка покраснела и резко отвернула голову в сторону.



— Это просто отговорка, чтобы притащить тебя сюда.

«Да… с «не стала бы злоупотреблять» я погорячился.»

Харуюки пошатнулся, восстановил равновесие и вновь заговорил:

— Э-э… э-эм-м… по поводу того мотоцикла… ты её в реальной жизни не знаешь, но это офицер Проми, Блад Леопард…

— О?..

Харуюки увидел, как она вскинула бровь, и продолжил объяснять:

— Она пришла предупредить… то есть, проинформировать меня сегодня утром… на это ушло немало времени, поэтому затем она вызвалась меня подбросить. Я хотел отказаться, но она очень упрямая…

Выражение лица Черноснежки причудливо менялось, пока Харуюки рассказывал ей всё это, но в итоге она снова надулась и неожиданно произнесла:

— …Так нечестно.

— …Что?

— Харуюки, последний раз мы с тобой были наедине больше десяти дней назад! С тех пор я терпела, чтобы не мешать своей работе в школьном комитете, а ты… то вместе с Уиуи ухаживаешь за животными, то вместе с ней исследуешь Имперский Замок, то катаешься с девочками из других Легионов…

— П… прости, — сказал он и склонил голову. Он не знал, за что именно извиняется — это был просто рефлекс. Явно недовольная Черноснежка подошла, остановилась точно перед ним и прошептала:

— Хочешь извиниться? С тебя один бёрст поинт и 1,8 секунды твоего времени.

— Э? Х… хорошо, — удивлённо отозвался Харуюки.

В следующий момент в руках Черноснежки сверкнул неизвестно откуда взявшийся чёрный XSB-кабель, который она ловко подключила к портам нейролинкеров. Во второй раз за сегодняшний день появилось предупреждение о проводном соединении, а затем Харуюки, глядя на движения её блестящих губ, произнёс вместе с ней:

— Бёрст линк.

Послышался привычный сухой звук, и мир вокруг них окрасился синим.

Ужавшийся до размеров розового поросёнка Харуюки сделал шаг назад.

Перед ним стояла обратившаяся волшебной принцессой с крыльями чёрного махаона за спиной Черноснежка. В отличие от Харуюки, рост её аватара почти не отличался от роста физического тела. Харуюки всё ещё не верил своим глазам, когда видел красоту и реалистичность её аватара, но сегодня лицо принцессы отдавало недовольством. Впрочем, увидев, с каким восторгом Харуюки смотрит на неё, Черноснежка слегка улыбнулась.

Харуюки выдохнул… и тут Черноснежка вдруг беззвучно

подошла к нему, нагнулась, протянула руки в длинных перчатках и заключила аватара Харуюки в объятия.

Харуюки едва успел оторопеть, как его уже подняли в воздух и прижали к груди.

— А, а, а-а-а, с-с-с-семпай, — еле слышно обронил он.

В ушах послышался насмешливый шёпот:

— В реальном мире или в локальной сети школы это сочли бы нарушением школьных правил, но здесь эти дурацкие законы не действуют. Или тебе хотелось бы, чтобы мы были дуэльными аватарами?

В голове Харуюки вспыхнули воспоминания, и он тут же замотал головой. Последние объятия Сильвер Кроу и Блэк Лотос закончились тем, что через пару секунд она разрубила его на части спецприёмом восьмого уровня «Смерть через Объятия».

Ещё раз усмехнувшись, Черноснежка прижала его ещё ближе.

— Если честно, я хотела так сделать с того момента, как кончилась Конференция Семи Королей. Я хотела показать, что тебе нечего бояться…

Услышав эти слова, Харуюки сглотнул и попытался выдавить из себя:

— Да ладно… со… со мной…

«Всё в порядке», — хотел закончить он свою фразу, но его обуяла такая дрожь, что он не смог произнести эти слова.

Осознание вдруг посетило его голову. Он понял, какое давление ощущал всё это время из-за сложившейся вокруг Сильвер Кроу ситуации. Его жизнь в Ускоренном Мире висела на волоске, и это чувство незаметно даже для него самого давило на сердце.

Харуюки вздрогнул ещё сильнее, и Черноснежка, обнимая его всем своим телом, мягко прошептала ему на ухо:

— Всё будет хорошо. Ты не один. У тебя есть я. У тебя есть друзья по Легиону. У тебя есть другие бёрст линкеры, которые с нетерпением ждут твоего возвращения: Рейн и Леопард из Красного Легиона, Аш Роллер из Зелёного, Фрост Хорн и его партнер из Синего и многие другие.

— Да… да… — закивал в ответ Харуюки, и вдруг осознал, что успел рефлекторно обнять Черноснежку в ответ своими лапками.

Но он уже не стеснялся. Ему казалось, что их ускоренные в тысячу раз сознания полностью синхронизировались и слились в одно, и каждый из них чутко ощущал ставшие общими мысли и эмоции.

Следующие несколько секунд они нежно касались друг друга, а затем Черноснежка медленно отпрянула. Лицо её стало чуть более серьёзным. Похожие на ночное небо глаза стали чуть

строже. Сразу за этим она произнесла неожиданные для Харуюки слова:

— Поэтому, Харуюки, тебе не нужно бояться каких-то непонятных слухов. Ты никоим образом не причастен к созданию ISS комплектов, заражающих Ускоренный Мир.

— !… — Харуюки с шумом вдохнул виртуальный воздух и едва слышно спросил: — Так ты… уже знаешь о комплектах?

— Да. Утай рассказала нам вчера, пока Фуко развозила нас по домам.

— А-а… ясно. Прости, что не сказал раньше…

— Нет, это моя вина, что я не успела про них разузнать. Как только я вернулась домой, я немедленно начала собирать информацию и думать… принцип работы и время появления указывают на возможную связь с Обществом Исследования Ускорения, которое уничтожило «вертикальную гонку по Гермесову Тросу»…

Пока Черноснежка рассказывала всё это, она пересела на посиневший диванный набор. Харуюки тоже присел возле неё.

Выпрямив спину, он согласно закивал и ответил ей:

— Да… мы с Таку вчера пришли к точно такому же выводу. Потом он сказал, что попробует выяснить что-нибудь самостоятельно… кстати, сегодня он заболел и в школу не пришёл…

— Что?

Черноснежка тут же нахмурилась и приняла задумчивый вид. Её выражение лица оживило непонятное беспокойство в груди Харуюки.

«А что касается ISS комплектов, я попробую поискать информацию самостоятельно.»

Именно эти слова Такуму сказал вчера перед тем, как уйти домой. «Самостоятельно». Скорее всего, он произнёс это слово, потому что собирался использовать каналы, недоступные другим легионерам Нега Небьюласа. Получается, он хотел поднять старые связи с Синим Легионом «Леонидами»?

А в следующее мгновение в голове Харуюки пронеслись слова, сказанные Блад Леопард этим утром:

«Ключом к раскрытию личности обычно становятся родители и дети.»

— А!.. — воскликнул Харуюки, подпрыгивая на месте.

Черноснежка удивлённо посмотрела на него. Харуюки смотрел ей в глаза и напрямую высказывал как раз возникшие в голове мысли:

— Эм-м… семпай, «родителем» Таку был один из высокопоставленных офицеров Синего Легиона, которого

впоследствии изгнали из Ускоренного Мира «Ударом Возмездия», верно?

— Да… если что, именно ты мне про это и рассказал. Синий Король, Блу Найт, казнил его за распространение троянской программы, которую использовал Такуму. В этих вопросах Найт очень принципиален, и я ни секунды не сомневалась в том, что он действительно сделал это.

— Это-то да… но ведь мы так и не узнали, кто именно создал эту программу? А значит, этот человек всё ещё может быть действующим бёрст линкером? — сделав паузу, Харуюки попытался сжать чёрные копытца на концах своих рук, а затем продолжил: — Проблема в том… что в процессе передачи программы от того типа к «родителю» Таку, создатель узнал его личность. А отсюда… можно дойти и до личности Таку, так как он учился с ним в одной школе и ходил в ту же секцию кендо…

— Это… действительно так, но с тех пор прошло уже восемь месяцев. Если кому-то и была нужна личность Такуму, они бы давно уже выведали её, разве нет?

В каком-то смысле, возражение Черноснежки совершенно верно.

Но Харуюки покачал головой, и раскрыл тот фрагмент информации, о котором она ещё не знала:

— Я упоминал, что сегодня утром Пард встретилась со мной, чтобы предупредить. Она сказала, что, возможно, за мной охотится самая опасная группа ПК под названием «Супернова Ремнант»…

— Что?! — моментально отреагировала Черноснежка.

Харуюки протянул к ней руки и изо всех сил выдавил слова из отказывающегося подчиняться рта:

— Что… что если Таку просто прикинулся больным, а сам пошёл в Синдзюку?.. Если его там найдут ремнантовцы и нападут вне зоны действия камер… — Харуюки на мгновение зажмурился, а затем быстро продолжил: — Семпай, мне нужно отпроситься с уроков и пойти искать Таку! Лишение всех очков через кабельную дуэль всё равно занимает немало времени. Если… если на него всё же напали, я, возможно, ещё успею…

— Стой! — Черноснежка резко ухватила уже собиравшегося произнести «бёрст аут» Харуюки за плечи. — Тебе туда идти тем более нельзя!

— Но… но Таку!.. Если его лишат Брейн Бёрста, я… я!..

— Успокойся, Харуюки! Сначала нужно выведать обстановку! Возможно, он действительно лежит дома с простудой!

— Но… чтобы связаться с ним, нам нужно выйти в глобальную сеть…

— Не проблема. В комнате школьного совета есть соединённый с ней терминал. Можно подать запрос и выйти через него. Для начала попробуем связаться с Такуму. Если не получится… то я пойду в Синдзюку искать его. Думаю, если я изо всех сил попрошу Найта, он выделит на поиски своих подчинённых.

Слова Черноснежки заставили Харуюки оторопеть.

Синий Король, Блу Найт, когда-то был союзником Первого Красного Короля, Рэд Райдера. Того самого Короля, голову которого неожиданно отрубила Чёрная Королева, Блэк Лотос. Харуюки слышал от неё же, что Блу Найт пришёл в неистовую ярость, увидев это. Пусть на Конференции Семи Королей он вёл себя спокойно, но в глубине его души должна была таиться подавленная ненависть к Черноснежке.

Поэтому вряд ли он согласился бы помочь ей в деле спасения члена своего Легиона просто потому, что она начала бы умолять его. Он потребовал бы что-то взамен. И тон Черноснежки намекал на то, что она была готова к этому.

Поняв всё это, Харуюки отчаянно подавил беспокойство, тучами нависшее над его сознанием. Он должен был успокоиться. Руки Черноснежки, лежавшие на его плечах, помогли ему расслабиться, и он кивнул.

— Я… я понимаю. Нам нужно попробовать связаться с ним.

— Угу. А для этого нам нужно в первую очередь прервать ускорение.

Они переглянулись и дружно произнесли «бёрст аут». Оказавшись в своём реальном теле, Черноснежка тут же отсоединила кабель и побежала к рабочему столу комнаты школьного совета. Её пальцы запрыгали на тонкой панели монитора. Когда Харуюки подоспел к ней, она схватила второй конец кабеля, все ещё торчавшего из его нейролинкера, и подключила его к терминалу на столе. Перед Харуюки тут же высветилось сообщение о том, что он подключён к глобальной сети.

— Давай.

Кивнув в ответ, Харуюки напряжённым голосом произнёс команду:

— Команда, голосовой вызов, ячейка ноль-три.

Перед ним сразу же загорелась иконка исходящего вызова. Это значило, что нейролинкер Такуму был в сети. А поскольку ускорение автоматически активировало автоответчик, либо на него ещё не успели напасть… либо нападение уже кончилось.

Харуюки сжал вспотевшие руки в кулаки и продолжал следить за мигающей иконкой. Она вспыхнула в пятый раз,

шестой… а на седьмой превратилась в иконку установленного соединения.

— Та… Таку?.. — хрипло спросил Харуюки, ощущая подступающий страх.

В голове невольно пронеслась сцена встречи с Номи Сейдзи, бывшим Даск Тейкером, после того, как тот лишился Брейн Бёрста. Хоть тот и встретился лицом к лицу с Харуюки и должен был немедленно узнать его, в глазах его читалось подозрительное: «А кто это такой?..». После потери Брейн Бёрста он лишился практически всех связанных с ним воспоминаний, и потому не смог сразу вспомнить о Харуюки.

Конечно, Харуюки и Таку познакомились задолго до того, как стали бёрст линкерами, и даже если Такуму лишился Брейн Бёрста, он не должен забыть своего друга.

Но и этот факт не в силах развеять страх Харуюки. Такуму отозвался через две секунды, но Харуюки они показались вечностью.

— …Это ты, Хару? Что случилось?

— А-а… э-э…

Голос друга, прозвучавший в голове Харуюки, ничем не отличался от привычного. Волна облегчения накрыла Харуюки с такой силой, что тот пошатнулся, упёрся в стол и бессильно ответил:

— Н-ну, просто ты очень редко пропускаешь уроки. Вот я и захотел узнать, как ты…

— Прости, что так напугал. Всё нормально… со мной ничего серьёзного.

Харуюки ещё внимательнее вслушался в голос Такуму и, действительно, тот звучал немного нездоровым. Хотя, если он болел, то ничего странного в этом не было. Поняв, что его друг и правда простужен, Харуюки обеспокоенно спросил:

— У тебя температура? Если так, то лежи и не напрягайся. Ты… сейчас дома?

— Ха-ха, естественно. Я уже выпил лекарство и, если б не ты, спал бы себе дальше. Я ещё помню, когда я лежал с гриппом с температурой в 39, а вы с Ти пришли ко мне под предлогом того, чтобы навестить, а на самом деле, чтобы поиграть со мной в виртуальные игры.

— З-забудь поскорее, — ответил Харуюки, а затем на всякий случай добавил. — Не «дуэлься» сегодня, лечись. Завтра у нас очередная масштабная операция.

И, после небольшой паузы…

— Ага… я помню. Завтра я уже буду здоров. У вас ведь сейчас большая перемена? Передай от меня благодарность командиру за

то, что подключила тебя к глобальной сети.

«Командиром» Такуму называл командира Нега Небьюласа Черноснежку. То, что он помнил это слово, однозначно подтверждало, что про Ускоренный Мир он не забыл. Харуюки выдохнул и сказал:

— Хех, так ты и про это догадался? Ладно, передам. Ну… тогда до завтра. Выздоравливай.

Решив больше не тревожить болеющего друга, Харуюки закончил звонок. Подняв голову, он повернулся к Черноснежке и вяло улыбнулся:

— Э-э… похоже, что Таку действительно лежит дома с простудой. Прости, что я так всполошился…

Черноснежка в ответ тепло улыбнулась и медленно покачала головой:

— Не извиняйся. Слава богу, всё в порядке. Но… — вновь помрачнев, она выдернула кабель из нейролинкера Харуюки и начала его сматывать, приговаривая: — Мы не можем игнорировать слухи о том, что в игру вступили Ремнант. Я сомневаюсь в том, что им будет легко вычислить наши с тобой личности, если они знают только то, что мы живём в Сугинами, но на всякий случай я советую ближайшее время не маячить в списке противников долгое время. А если ты будешь кого-то вызывать на бой, придерживайся тех бёрст линкеров, которых знаешь. Помни, что точки появления аватара порой достаточно, чтобы раскрыть личность…

— Ага… я передам Тию и Таку.

— Хорошо. А пока… пойдём покушаем? Временами всё же стоит обедать вместе в рекреации.

Она постучала его по плечу, и Харуюки, ощущая, как судорога отпускает его лицо, кивнул. Черноснежка улыбнулась и легкомысленным тоном добавила:

— Я должна поблагодарить Блад Леопард за информацию. Раз уж на то пошло, стоит вообще увидеться с ней в реальности. Организуй нам встречу.

— Хорошо… погоди, ч-что? — Харуюки рефлекторно кивнул, но затем представил себе, как будет выглядеть эта встреча, и подался назад. — А-а, м-м-может не надо?

Но Черноснежка уже направилась к двери, и Харуюки пришлось отправиться следом.

Харуюки ощущал, что даже этот разговор не смог полностью очистить его от беспокойства.

Возможно, его подпитывало то, что голос Такуму звучал немного необычно. Конечно, он был простужен, и потому должен звучать по-другому. Но Харуюки казалось, что слова его были

тяжелы не от телесной боли, а от чего-то, что беспокоило его сознание. Словно… оно было расшатано так же, как и осенью прошлого года.

«Мне только кажется. С тех пор Такуму стал хладнокровным непоколебимым столбом, на котором держится наш Легион», — сказал сам себе Харуюки, вытер вспотевшие ладони о брюки и вышел из комнаты школьного совета вслед за Черноснежкой. Уши его вновь наполнил шум школы во время большой перемены, а издалека донёсся запах столовой. Беспокойство отступило.

Но…

Уже через три часа Харуюки пришлось узнать, что его опасения в какой-то степени подтвердились.

Но Харуюки ошибся масштабом. Ситуация зашла гораздо дальше, чем Харуюки и Черноснежка могли себе представить.

О том, что случилось, он узнал после уроков от самого молодого члена Легиона, Синомии Утай, пришедшей в Умесато кормить африканскую зорьку по кличке Хоу.

За оставшиеся два урока Харуюки успел более-менее переварить карри, которое он съел на пару с Черноснежкой. Бросив «напишу, как закончу» отправлявшейся на секцию Тиюри, он вышел наружу. Будь на дворе прошлая неделя, он сразу направился бы к выходу, подключил бы нейролинкер к глобальной сети и начал утолять информационный голод, но должность председателя комитета по уходу лишила его этой радости. Однако сложившая ситуация его удивительным образом не раздражала. Более того, выполнять комитетскую работу он шёл с радостью.

Над головой было как всегда облачно, но дождей сегодня, к счастью, не предвиделось. Уже очень скоро вычищенную из сарая гору листьев можно будет упаковать в пакеты и унести.

Обойдя второй корпус, Харуюки направился к заднему двору. Он шёл по мшистой земле в сторону сарая, притаившегося в северо-западном углу школы. Большая часть заднего двора оставалась в тени целый день, но решётка клетки была направлена на юг, и солнцу как раз удавалось пробиваться внутрь сквозь здания и низкие деревья.

Около сарая никого не было. Помимо Харуюки, в комитете по уходу за животными состояли ещё два школьника, попавшие в него по жребию — Хамадзима и Идзеки. Пока что Харуюки разрешил им приходить по собственному желанию. Он решил, что лучше подождать, пока в них проснётся желание работать добровольно, нежели заставлять их трудиться, но ждать, судя по

всему, придётся ещё немало.

Когда Харуюки дошёл до сарая, зорька с незатейливой кличкой Хоу плескалась в металлическом тазике.

Она расправляла крылья и наклоняла морду, погружая её в неглубокую воду. После этого она тут же выпрямлялась и отряхивала воду с перьев. Её движения казались такими естественными, что Харуюки невольно усмехнулся.

— Ха-ха… вижу, тебе весело, — произнёс он.

Хоу повернул к нему морду, которая показалась Харуюки смущённой, отряхнулся и, резко взмахнув крыльями, взлетел. Сделав несколько больших кругов по клетке, сова приземлилась на любимый насест — ветку искусственного дерева у левой стены сарая. Затем она принялась чистить перья на груди.

В ветке спрятан сенсор давления для измерения веса животного. Харуюки щёлкнул пальцем по виртуальному интерфейсу, открыв браузер локальной сети, зашёл на страницу комитетской работы и запросил показания сенсора.

В этот самый момент перед ним высветилось окно с запросом местного соединения. Тут же повернувшись вправо, Харуюки увидел одетую в белоснежное платье улыбающуюся девочку с коричневым ранцем за спиной.

— А… добрый день, Ме… то есть, Синомия.

Как ни странно, когда он видел её в реальном мире, его постоянно тянуло называть её по имени дуэльного аватара, а в Ускоренном — по настоящему имени. Харуюки смущённо почесал затылок от того, что не смог даже поздороваться без запинки, а затем протянул левую руку к окну и принял запрос.

Автоматически запустилось окно чата, и Утай начала как всегда молниеносно печатать на виртуальной клавиатуре:

«UI> Добрый день, Арита-сан. Как там вес Хоу?»

— А, эм-м… в пределах нормы, хоть и маловат.

«UI> Он только что переехал в новую клетку, и определённый стресс неизбежен. Я принесла сегодня побольше еды. Будешь смотреть на кормёжку?»

— А, да, конечно!

Ответив, Харуюки ещё раз проверил страницу комитета перед тем, как закрыть браузер. На сегодня перед ними стояла одна задача — ежедневная уборка клетки — и помечалась она как «на одного человека». На всякий случай он проверил статусы Хамадзимы и Идзеки. Как он и ожидал, оба были отмечены как «уже ушедшие домой».

Вздохнув, Харуюки перевёл взгляд на Утай, вскрывающую большой электронный замок. Открыв своей маленькой ручкой задвижку, она подозвала Харуюки. Убедившись, что Хоу по-

прежнему сидит на насесте, они быстро проскочили внутрь клетки.

Они задвинули за собой засов, а затем Утай сняла ранец. Вначале она достала из него светло-коричневую кожаную рукавицу. Натянув её по самый локоть, она вновь забралась в ранец.

В этот раз появился небольшой термоконтейнер. Утай ловко открыла его, и Харуюки увидел внутри мелко нарезанное сырое мясо.

«О-о, ну да, это же хищная птица», — восторженно подумал Харуюки.

Утай тем временем встала и протянула руку в перчатке к насесту. Хоу, словно телепатически уловив её мысли, взмахнул крыльями и перелетел на руку Утай. Его золотистые глаза округлились, а клюв вытянулся вперёд.

Утай начала нагибаться к стоявшему на земле контейнеру, и Харуюки тут же приподнял его. Тогда она улыбнулась и ухватила один из кусочков мяса свободной рукой.

Она медленно поднесла его к мордочке Хоу. Тот ловко ухватил кусочек клювом и моментально проглотил его. Эти движения разительно отличались от мерного поклёвывания голубей и куриц. Пока Харуюки изумлялся, Утай продолжала протягивать Хоу всё новые куски мяса, а тот быстро набивал ими живот. Харуюки было интересно, каким именно мясом она кормила его, но определить род мяса на глаз мешало отсутствие какого-либо опыта обращения с ним.

Хоть контейнер по габаритам и был больше двадцатисантиметровой зорьки, Хоу быстро расправился с его содержимым. Наконец, Утай погладила его по макушке, показывая, что обед окончен. Хоу удовлетворённо покрутил головой, после чего вновь перелетел на насест.

Сняв рукавицу, Утай забрала у Харуюки контейнер и вышла из клетки, чтобы помыть его. Харуюки тем временем принялся менять разложенную вокруг насеста бумагу. Во времена, когда новости печатали на бумаге, под птичьи насесты подкладывали газеты, но сейчас натуральная одноразовая бумага была роскошью, а животным полагалась многоразовая синтетическая бумага. Харуюки передал грязную бумагу Утай, та вымыла и её, а затем повесила сушиться.

Закончив работу, Харуюки, наконец, решился задать волнующий его вопрос:

— Слушай, Синомия. А каким мясом ты его кормишь?

Четвероклассница хитро улыбнулась и взмахнула руками.

«UI> Угадай.»

— Э… м-м… курятина?

Утай щёлкнула в воздухе, и в ушах Харуюки послышался неприятный гудок, явно означавший, что он не угадал. Возможность передачи таких звуков была встроена в чат.

— Ну, тогда… свинина?

Гудок.

— Э-э… говядина что ли?

Гудок.

— Б-баранина?

Гудок.

— Неужели рыба?

Гудок.

Харуюки поднял руки, признавая поражение. В ответ Утай многозначительно улыбнулась, а затем вдруг напечатала:

«UI> Хорошо, завтра я покажу тебе процесс разделки полностью. Сразу предупреждаю, что это зрелище может тебя психологически шокировать, так что не забудь морально подготовиться.»

— Р… разделки?

«UI> Так, а пока у нас есть время до вечера, давай уберём листья. Они уже достаточно подсохли.»

Утай улыбнулась так, что Харуюки пришлось согласно кивнуть.

— У-угу. Я пойду, принесу пакеты.

Перед тем, как убежать в сторону склада внутреннего двора, Харуюки ещё раз посмотрел внутрь клетки. Сытый Хоу уже свесил ушные перья, закрыл глаза и заснул в привычной позе.

Работа по упаковке листьев в полупрозрачные мусорные пакеты, одну из тех немногих вещей, что ничуть не изменилась за последние тридцать лет, заняла около получаса. Конечно, было бы гораздо веселее сделать из листьев большой костёр и пожарить на нём картошку (Харуюки видел такие сцены в старых фильмах и комиксах), но попытайся они развести огонь на территории школы, как немедленно завопила бы сигнализация, территорию наводнили бы пожарные машины, а Харуюки угодил бы в полицию. Не говоря уже о том, что несовершеннолетним подросткам практически невозможно раздобыть зажигалку или другой инструмент для разведения огня. Даже те ребята, что травили Харуюки в прошлом году, не смогли исполнить главную мечту любого малолетнего нарушителя закона и закурить в школе.

Поэтому Харуюки и Утай пришлось утрамбовать листья в восемь пакетов и оттащить их на свалку в переднем дворе. Когда они закончили, на часах было двадцать минут пятого.

— Фух… наконец-то закончили…

«UI> Спасибо за помощь.»

Они переглянулись, улыбнулись друг другу и отправились мыть руки. План на сегодня они выполнили. Дальше нужно встретиться с Тиюри и навестить Такуму. Секция Тиюри обычно заканчивалась в пять, а значит, у Харуюки оставалось немало времени. И только он задумался о том, чем его занять…

Утай, элегантно вытиравшая руки белой салфеткой, вдруг вопросительно склонила голову, а затем щёлкнула по воздуху. Правой рукой она водила по виртуальному окну, а левой ловко печатала:

«UI> Пришло письмо от Фу. Оно помечено как срочное, так что я лучше прочту его прямо сейчас.»

Именем «Фу» Утай называла Скай Рейкер, то есть, Курасаки Фуко. На мгновение Харуюки задумался о том, как она, учившаяся в Сибуе, смогла послать им письмо, но тут же понял. В отличие от Харуюки, нейролинкер которого автоматически отключался от глобальной сети в школе, Утай была в Умесато лишь гостем, и на неё это правило не распространялось. Более того, она подключалась к глобальной сети через чип мозговой имплантации в голове, что позволяло ей сидеть в глобальной сети постоянно, не появляясь в списке противников.

— Да-да, конечно, — Харуюки кивнул.

Утай быстро открыла письмо и начала бегать по нему глазами.

Вдруг её карие глаза широко раскрылись. Она беззвучно ахнула, и губы её начали мелко дрожать.

— Э-э… ч-что случилось?!

Харуюки неуверенно шагнул к ней.

Утай перевела взгляд с виртуального интерфейса на Харуюки, а затем неуверенно напечатала:

«UI> Арита-сан, ты слышал о «Супернове Ремнант», самой отъявленной группировке ПК?»

— !..

Слышал. Он впервые услышал это название лишь этим утром, но за прошедшие с того момента восемь часов оно успело оставить отпечаток страха в его сознании.

— Д… да. Они… что-то сделали? — хрипло спросил он.

От нехорошего предчувствия по спине бежали мурашки.

«UI> Сегодня в первой половине дня четыре высокоуровневых бёрст линкера, члены Ремнанта, напали на одного бёрст линкера на неограниченном нейтральном поле в районе Синдзюку…»

Харуюки с ужасом смотрел на плывущие перед ним розовые

буквы.

«Нет. Невозможно», — вихрем проносились мысли в его сознании. — «Это не Таку. Это не может быть Таку. Ведь мы позвонили ему во время большой перемены. Он помнил и меня, и Черноснежку-семпая.»

Но буквы продолжали плыть, соединяясь во фразу, шокировавшую Харуюки ещё сильнее:

«UI> …И были разгромлены.»

— Э?.. Раз…громлены?.. — переспросил Харуюки, не понимая смысл текста. — Разгромлены… то есть, четыре ПК, четыре ремнантовца… их победил один человек?..

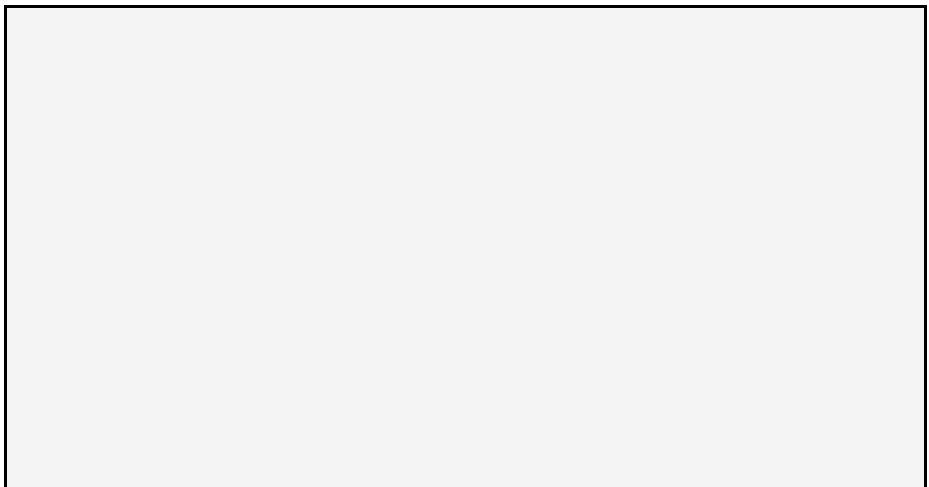
«UI> Похоже на то. Бой шёл недалеко от лагеря одного из Легионов, пришедших охотиться на Энеми, их внимание привлекли яростные спецэффекты, и они пошли посмотреть на битву. На их глазах четверо нападающих падали один за другим, и в момент их смерти начинались Окончательные развоплощения. Другими словами, в этой битве была замешана «Карта Дуэли Внезапной Смерти».»

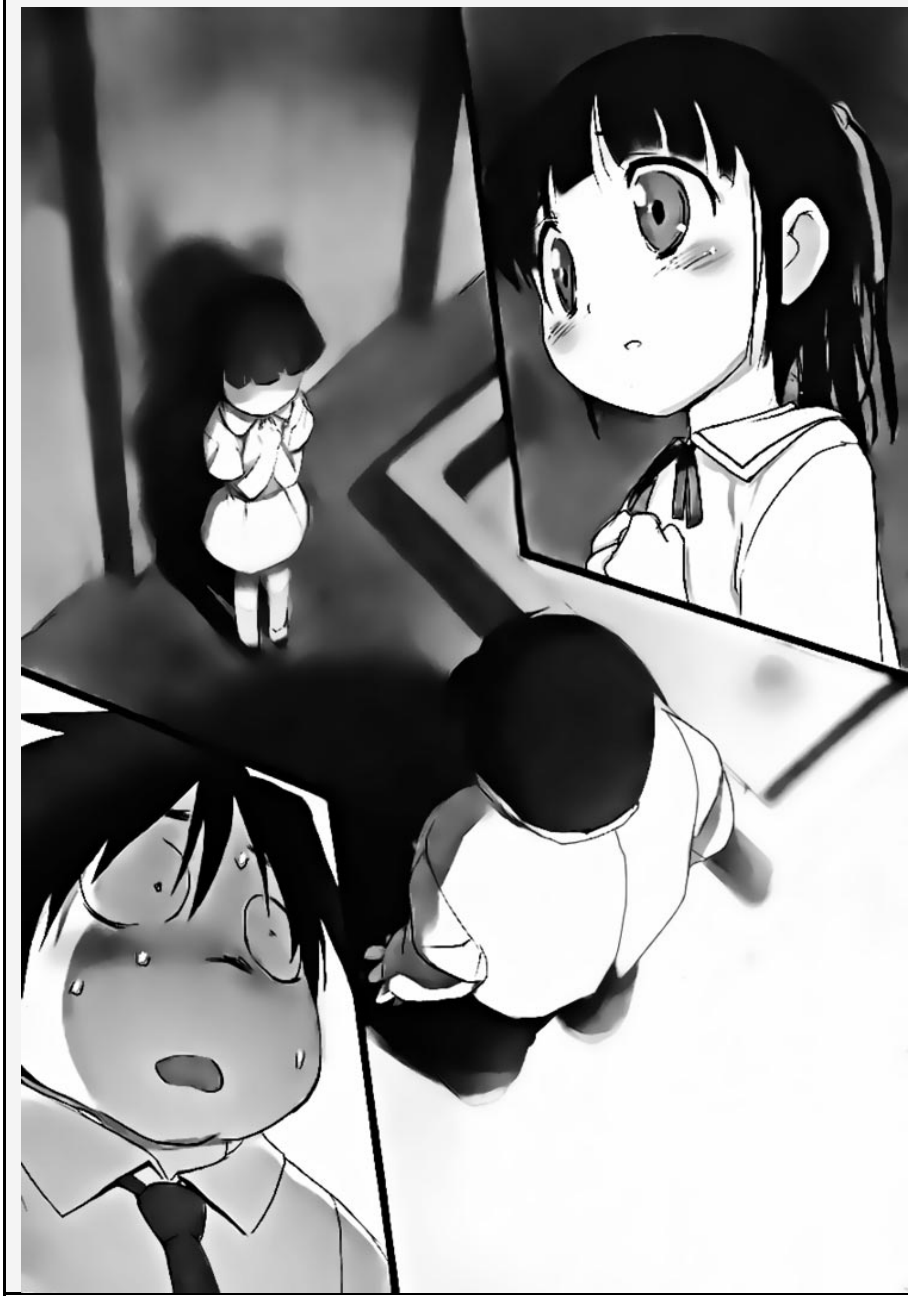
— Э-э… то есть, погоди… выходит, что четверо ремнантовцев напали на кого-то в реальной жизни, угрозами заставили этого человека согласиться на дуэль по правилам внезапной смерти, но тот смог контратаковать и лишить нападавших всех очков?..

«UI> В своём письме Фу написала, что, скорее всего, именно это и произошло.»

— Но… но кто мог так перевернуть ситуацию с ног на голову? Король?.. Какой-то из Королей выманил Ремнант, чтобы прикончить их?..

Эта единственная догадка, которая пришла в голову Харуюки. Но Утай с остекленевшим взглядом покачала головой и ещё более неловко напечатала:





«UI> Нет. По словам охотников на Энеми, наблюдавших за битвой, это был тяжёлый светло-синий аватар с орудием ударного типа на правой руке. Когда он остался один на один с последним противником, он пронзил его колом, протащил к зрителям, заставил его на их глазах признаться в том, что он состоял в Супернове Ремнант, добил его и вышел через портал. Фу говорит,

что, возможно, это был…»

Утай колебалась ещё секунду, но затем перед глазами Харуюки появилось окончание:

«UI＞ Циан Пайл.»

Глава 8

Харуюки бежал.

Бежал сквозь школьные врата, бежал на восток по улице Оумэ, проходившей к северу от школы. Домой он обычно возвращался по Седьмой Кольцевой, но сейчас он так спешил, что бежал по диагонали, тем же маршрутом, что использовал по утрам.

Даже самая короткая дорога от Умесато до дома составляла примерно полтора километра в длину, и для Харуюки бег на такую дистанцию давался с огромным трудом. Но, в отличие от физкультурных кроссов, которые он воспринимал как пытку, сейчас он не ощущал тяжести. Он чувствовал лишь бездонную тревогу, землю под ногами и воздух в своих лёгких.

На то, чтобы прийти в себя после того, как Синомия Утай рассказала ему содержание срочного письма, полученного от Курасаки Фуко, у Харуюки ушло несколько секунд. Тут же сдав журнал комитета по уходу на сервер, он отправил Курасиме Тиюри письмо с текстом: «Я пойду пораньше». Затем он попросил Утай сообщить о случившемся Черноснежке, сидевшей в кабинете школьного совета, а сам пустился бежать.

— Таку… почему… как… — вырывались из него слова вместе с одышкой. Глаза застилал пот, и Харуюки постоянно вытирал его кулаками.

В самом сообщении Фуко не было ничего критичного — в конце концов, Такуму, Циан Пайлу, удалось победить своих противников и покинуть поле. Это подтверждалось и его ответами во время обеденного разговора.

Но эта ситуация не могла возникнуть сама по себе. Должно было произойти ещё что-то. Во-первых, как Такуму, который должен лежать дома с простудой, оказался в Синдзюку и встретился там с ПК? Во-вторых… Харуюки очень не хотел задавать этот вопрос, но и игнорировать его был не в силах.

Почему он победил?

Циан Пайл, как и Сильвер Кроу, на сегодняшний день — аватар пятого уровня. Это уже не «новичковый» уровень, но и не «ветеранский». С другой стороны, ремнантовцев описали как «высокоуровневых» линкеров, а это слово применялось к аватарам как минимум шестого уровня. Более того, их было четверо, и бой проходил на неограниченном нейтральном поле, на котором не действовали никакие законы. Сам Харуюки ни за что бы не победил в таких условиях.

Естественно, Такуму мог похвастаться впечатляющими

физическими атаками, а уж по хладнокровию и интеллекту Харуюки ему и в подмётки не годился. Но даже с учётом всего этого он не мог одолеть четырёх бёрст линкеров, превосходящих его по уровню. Даже Черноснежка, оказавшись втянутой в дуэль против пяти Королей, не смогла победить ни одного.

Случилось «что-то». «Что-то» ненормальное исказило правила игры. «Что-то», о чём не подумал Харуюки. И это «что-то» всё ещё было в силе. Похоже, что то нездоровое звучание, которое Харуюки слышал в голосе Такуму, вызвано вовсе не жаром…

— Таку… — хрипло обронил Харуюки.

Он перебежал через мост над Центральной линией, вышел на Седьмую Кольцевую и повернул налево. Впереди показались родные дома. Харуюки отчаянно гнал вперёд ноющие ноги.

«Он мой лучший друг. Эти узы… они всё ещё должны связывать нас», — попытался убедить сам себя Харуюки, и тут же осознал. Сам факт того, что он так отчаянно бежал, свидетельствовал о том, что узы эти оказались ненадёжны.

Первые три этажа жилого комплекса, в котором жили Харуюки, Тиюри и Такуму, занимал огромный супермаркет.

Там продавалась и еда, и предметы для дома, и одежда, и электроника. Там же располагался и кинотеатр. Наличие такого магазина поднимало цены на квартиры, но, конечно же, открыт он для всех желающих, а не только для жителей комплекса. Именно поэтому между супермаркетом и жилой зоной стоял охранный барьер. Ни гости, ни даже жители не могли пройти через него без считывания биометрических данных с нейролинкеров и получения разрешения на проход.

Харуюки стоял у барьера перед лифтом и с нетерпением ждал, пока индикатор загорится зелёным. Наконец, шлагбаум поднялся, и Харуюки рванул вперёд, едва успев остановить закрывающиеся двери лифта. Собиравшаяся ехать наверх дама недовольно нахмурилась, но всё же поздоровалась и подвинулась, освобождая ему место.

Квартира Харуюки располагалась на двадцать третьем этаже восточного корпуса «Б». В том же корпусе на двадцать первом этаже жила и Тиюри, а Такуму жил на девятнадцатом этаже западного корпуса «А». Харуюки редко ездил на лифте корпуса А, и незнакомые звуки движения лишь усиливали его тревогу. Он внимательно следил за индикатором этажа.

Когда Харуюки был маленьким, после школы он закидывал домой ранец, а затем тут же бежал к друзьям, ждавшим его либо в развлекательной зоне супермаркета, либо в парке неподалёку. Проголодавшись, они решали разойтись по домам, прощались в

супермаркете, и оттуда Харуюки с Тиюри шли направо, к лифту корпуса Б, а Такуму — налево, в корпус А.

Иногда они прощались у барьера, и тогда Такуму приходилось видеть, как Харуюки и Тиюри вместе бегут к лифту.

Что он думал в эти моменты?

Быть может, именно это чувство заставило его в пятом классе неожиданно признаться в любви Тиюри?

Это произошло в один очень холодный день, когда выпал первый снег…

Об играх на улице в такую погоду не шло и речи, поэтому Харуюки сидел дома один и играл в игры. Вдруг зазвенел дверной звонок, фулл дайв автоматически прервался, и Харуюки с недовольным видом пошёл открывать дверь… за которой стояла Тиюри.

Удивившись тому, как странно выглядела его подруга, Харуюки пригласил её в свою комнату. Тиюри села на его кровать и какое-то время молчала. Наконец, она сообщила ему.

Сообщила о том, что Такуму признался ей в любви. И что она не знает, как ей быть.

Естественно, Харуюки, которому на тот момент исполнилось лишь одиннадцать лет, и сам не знал, как поступить. Охваченный оторопью и смятением, он мог лишь молча смотреть на профиль Тиюри. Лишь одна мысль в его голове была чёткой.

Если Тиюри откажет Такуму, тот покинет их. С ним уйдёт и их золотое время после школы, и не вернётся уже никогда.

Тиюри повернула к нему своё растерянное лицо и спросила: «Хару, как думаешь, что мне делать?». Ответ Харуюки оказался наполовину рефлекторным:

«Вы с Таку прекрасно подходите друг другу. И даже если вы начнёте встречаться, я не перестану быть вашим другом.»

В ответ Тиюри склонила голову, вытерла глаза рукавом, затем вновь подняла лицо, улыбнулась и сказала: «Хорошо, поняла».

Но слова Харуюки, в конце концов, оказались ложью. Как только Тиюри и Такуму начали встречаться, Харуюки стал постепенно отдаляться от них, и во время летних каникул в шестом классе он уже почти не виделся с ними.

Харуюки слышал, что, когда пришло время переводиться в среднюю школу, Такуму советовал Тиюри перевестись к нему, в Синдзюку. Но она ответила, что давно уже решила пойти в гораздо более близкую к дому Умесато.

Скорее всего, Тиюри просто пыталась хоть как-то сохранить разбитое кольцо дружбы. Но это желание лишь вогнало Такуму в ещё большее отчаяние. В поисках силы, которая позволила бы ему

привязать к себе Тиюри, он решил прибегнуть к помощи Брейн Бёрста, полученного от капитана его команды кендо. Сила ускорения позволила ему достичь блестящих результатов — идеальной успеваемости и победы на городском чемпионате кендо. Но поддержание статуса истощило запас бёрст поинтов, и Такуму поддался на искушение жульнической «троянской программы».

В ходе сеанса проводной связи с Тиюри он установил на её нейролинкер программу и, используя её как посредника, вторгся в локальную сеть школы Умесато. Там он обнаружил величайшую преступницу Ускоренного Мира, Блэк Лотос, попытался напасть на неё, а затем…

Чувство торможения сообщило о том, что лифт останавливается, и Харуюки перевёл взгляд вперёд.

Рядом с голографической цифрой «19» открылись двери, но Харуюки ощутил, как ноги, так быстро нёсшие его сюда, вдруг отказались слушаться. Ехавшая вместе с ним дама деликатно прокашлялась, и Харуюки едва успел выскочить из лифта до того, как двери вновь закрылись.

Харуюки знал, что Такуму живёт в квартире 1909, но в гостях у него был всего несколько раз. Такуму — единственный ребёнок в семье, и его родители страстно хлопотали над образованием их сына. На приходивших в гости бездельничать друзей они смотрели косо.

Когда в начале года Такуму объявил о своём решении перейти из именитой школы Синдзюку в Умесато, поднялся огромный шум. С учётом того, что они (скорее всего) считали именно Харуюки виновным в «падении» их сына, теперь ему здесь были совсем не рады. К счастью, оба родителя Такуму работали, и дома их сейчас не должно быть.

Харуюки не пришлось идти далеко. Метка «Маюдзуми» всплыла перед глазами гораздо раньше, чем он ожидал.

Он остановился перед дверью необычного для корпуса Б цвета и прервал свои воспоминания.

«Да, между нами многое случилось, и оба мы допустили гору ошибок. Но тогда, на уровне «Чистилище», мы и наши кулаки раскрыли друг другу наши истинные помыслы. Именно тогда мы и стали с ним настоящими друзьями. Что бы ни случилось, этот факт уже не изменить.»

Харуюки глубоко вдохнул, поднял правую руку и нажал на всплывшую перед глазами кнопку звонка.

После довольно продолжительной паузы послышался голос. Как Харуюки и думал, ответил сам Такуму, а не его родители:

— …Заходи. Прости, но… тебе придётся добраться до моей

комнаты самому.

Хотя Харуюки знал, что тот видел его лицо на камере, слова Такуму показались ему странными: он звучал так, словно ждал его визита. Послышался щелчок замка. Харуюки потянул за ручку и, прошептав «извините за беспокойство», прошёл в прихожую.

Сняв кроссовки и аккуратно поставив их на полку, он прошёл дальше. Ведомый смутными воспоминаниями, он постучался во вторую комнату справа по коридору. Из-за двери послышалось «заходи», и Харуюки повернул ручку.

Свет был выключен, и комнату освещал лишь закат, едва пробивающийся в западное окно.

Такуму, одетый в джинсы и футболку из тонкой шерсти с укороченными рукавами, сидел на кровати. Харуюки не видел половины его лица, но видел вялую улыбку.

— Привет, Хару… не стой так, присаживайся.

— А-ага.

Кивнув, Харуюки прошёл вглубь комнаты. Часть мебели не изменилась со времён начальной школы, часть была новой. Но общее ощущение прибранности и простора от того, что в комнате Такуму гораздо меньше вещей по сравнению с комнатой Харуюки, не изменилось. Пройдя по мутно-голубому ковру, Харуюки бросил сумку на пол и сел на кровать в сантиметрах восьмидесяти от Такуму. Складной каркас кровати заскрипел, а упругий матрас сжался чуть ли не вдвое.

Хоть Харуюки и спешил сюда, теперь, сидя возле Такуму, он не имел ни малейшего понятия о том, с чего начать.

Такуму вновь склонил голову, упёр руку в правое колено и положил на неё левую ладонь. Его вид однозначно отличался от того, с которым он ушёл вчера от Харуюки. Это было понятно. Но Харуюки так и не смог разобраться в полученной информации и понять, что именно случилось.

Спустя десять секунд молчания Харуюки вспомнил, что пришёл навестить его и сказал:

— А… ах да. Тебя ведь сегодня не было из-за простуды… как самочувствие?..

— Ага… она у меня и правда была, — Такуму слегка усмехнулся, а затем продолжил: — С утра я действительно температурил. Без этого отец не разрешил бы мне пропустить школу. Но не переживай, я выпил лекарство, которое мне дали в больнице, и мне уже лучше.

— Ты… ходил в больницу?

«Выходит, это просто недоразумение?

Но нет, новость о том, что легион «Супернова Ремнант» победил один аватар — тоже факт. Но это мог быть другой

аватар, похожий на Циан Пайла. Ведь если Такуму в это время находился на приёме у врача, его не могли атаковать. Он ведь был даже не в Синдзюку…»

— Да. Мы с отцом приписаны к одной и той же больнице в Синдзюку. Он с утра отвёз меня туда на машине.

Эти слова Такуму моментально разрушили надежды Харуюки.

— Си…Синдзюку?.. — напряжённым голосом переспросил Харуюки.

В ответ послышался как всегда мягкий голос Такуму:

— Сам приём закончился быстро. Это ведь только простуда, ничего серьёзного. И вот я решил, что раз уж я в Синдзюку, то стоит заняться сбором информации… и послал письмо старому знакомому из Леонидов. Естественно, это не настолько хороший знакомый, чтобы мы знали друг друга в реальности, поэтому я договорился о встрече в небольшом парке развлечений недалеко от станции, где можно встретиться в локальной сети… я и подумать не мог, что он продаст информацию обо мне ПК…

Харуюки смотрел на укрытое тенями лицо Такуму, а тот пару раз неспешно усмехнулся.

Затем он нагнулся ещё ниже, сжал правую руку ещё сильнее и продолжил говорить всё более низким голосом:

— Похоже, что эти ПК нашли информацию о личности моего «родителя» и составили список людей, подходящих на роль Циан Пайла. Они запихнули меня в групповую кабинку для фулл дайва, а затем один из четверых вытащил какой-то ножик и приказал мне выбрать: либо медленная смерть через постепенное лишение очков в кабельных дуэлях, либо быстрая через одну битву на неограниченном нейтральном поле. Я не знаю, собирались ли они действительно пырять меня, попытайся я сопротивляться. Странные ребята, одним словом…

«Хе-хе, хе-хе-хе». Плечи Такуму мелко содрогались от смеха. Его голос обрёл искажённое звучание, отчего-то знакомое Харуюки.

— Естественно, я выбрал неограниченное поле, просто потому, что в нём больше неконтролируемых элементов. Но… их не зря называют лучшими ПК. У них отработанная тактика, и каждый из них превосходил меня по силе. Как бы я ни сопротивлялся, они все равно с лёгкостью побеждали. Они мучали меня, издевались, и вот уже приготовились нанести последний удар…

Харуюки с трудом слушал леденящий кровь рассказ своего друга, и хрипло вставил:

— …Инкарнация? Ты уничтожил их с помощью Системы

Инкарнации? Т-ты не думай, я тебя не обвиняю. Я бы в такой ситуации тоже её применил…

Но Такуму медленно покачал головой.

— Естественно, я использовал её с самого начала. Но и они оказались экспертами. Мой Цианового Клинок, новичковая техника Увеличения Силы Удара, даже не оцарапала их негативные Инкарнации.

— Тогда… как?.. Как ты смог уничтожить Супернову Ремнант в полном составе?..

Вопрос Харуюки словно утонул в полу освещённой закатом комнаты.

После короткой тишины послышалось начало сухого объяснения, означающего, что ответ на этот вопрос будет непростым:

— Вчера я простудился потому, что ночью вышел из дома под предлогом экскурсии в подготовительную школу. Мой отец не верит в дистанционное обучение и постоянно требует, чтобы я поступил на настоящие подготовительные курсы. Отправился я на юг Сетагаи, в так называемую «заброшенную зону». Там я попал под дождь…

Молча слушавший его слова Харуюки вдруг ощутил холодок на спине.

— Заброшенная зона в Сетагае?.. — повторил Харуюки за ним.

Он слышал об этом месте совсем недавно. А точнее, вчера утром, когда он встретился в закрытой дуэли с Аш Роллером из Зелёного легиона. Он сказал, что слышал слухи о том, что его «братан» Буш Утан вместе со своим партнёром Олив Грабом нападали на заброшенные районы Сетагая и Ота и побеждали в дуэлях, используя неизвестную силу.

Эту информацию знал и Такуму — Харуюки рассказал ему об этом вчера.

Поздним вечером, когда по домам разошлись остальные легионеры, Харуюки поговорил с ним. Он рассказал ему о таинственном Усиливающем Снаряжении, наводняющем Ускоренный Мир, об «ISS комплектах». Вместе с этим он упомянул, что источниками заражения выступают зоны Сетагая, Ота и Эдогава.

Получается, что после этого Такуму не ушёл домой, а пошёл в Сетагаю в одиночку? Действительно, он сказал, что «попробует поискать информацию самостоятельно». Но почему он вдруг решил кинуться на такую опасную территорию?..

Такуму отвернулся влево, словно избегая пристального взгляда Харуюки, а затем склонил голову ещё ниже.

Из сокрытого за могучими плечами рта донёсся приглушённый мягкий голос:

— …Я просто хотел увидеть это своими глазами. Я хотел узнать, действительно ли существует Усиливающее Снаряжение, способное нарушить самый главный принцип Инкарнации, которому научила меня Красная Королева, Скарлет Рейн: «Нельзя обрести силу, не соответствующую склонности аватара»…

— Таку…

— Хару, есть кое-что, что я хочу сказать лично тебе. Увы, но мой дуэльный аватар «Циан Пайл» бракован. Если перевести на язык твоих любимых онлайновых RPG, он «криво собран».

Услышав эти вялые слова, Харуюки тут же открыл рот. Но Такуму повёл левой рукой, остановив возможное возражение.

— Я не пытаюсь выплакаться. В конце концов, это именно я сделал Пайла таким, как он есть. Этот аватар… был рождён практически чистокровным бойцом ближнего боя, но его потенциал ушёл в Усиливающее Снаряжение, задуманное, в основном, для боя на расстоянии. Как я уже рассказывал, причина появления этого аватара — моя детская травма и страх перед тычками в кендо. Но… мне кажется, что это ещё не всё.

Лицо Такуму окончательно скрылось в тени, и Харуюки больше не видел его выражения. Хоть на дворе и стоял июнь, воздух в комнате казался сухим и холодным, словно сдавливающим грудь. Голос Такуму становился всё более низким и хриплым.

— Я размышлял об этом и пришёл к такому выводу. Дуэльный аватар куётся из «душевной травмы», то есть, из самого сильного воспоминания и связанных с ним эмоций. И мне кажется, что когда эти чувства расплывчаты и направлены ко всему окружающему миру, рождается красный аватар, а когда ясны и обращены к конкретным целям, то синий. Выходит, что Циан Пайл был создан из моего желания отомстить старшим детям из той секции кендо, которую я посещал в младших классах. Но, если подумать, в то время в моей жизни было нечто ещё более важное. Да… это вы с Ти. Основой моего дуэльного аватара могли стать мои чувства по отношению к вам…

В этот раз Харуюки всё же смог выдавить из пересохшего горла несколько слов:

— Это описание… подходит и мне. Внутри меня… внутри моего Сильвер Кроу тоже кроются ваши чувства.

— Ага, Хару, пожалуй, ты прав. Но… в отличие от твоего безоружного аватара, у меня с самого начала был этот… Сваебой. Противоречащая сила ближнего и дальнего боя… означающая противоречивые чувства, которые я питаю по отношению к вам.

Я… всё ещё не знаю, как их описать. Но…

Такуму вдруг выпрямился и слегка повернул сокрытое тенью лицо к Харуюки.

— Но я уверен, что именно они заставили меня три года назад вдруг признаться в любви к Ти. Я словно пытался испытать вас. Но это ещё не всё. Именно из-за них я в прошлом году смог установить на нейролинкер Ти ту троянскую программу. Половина моей души желает сохранить наше дружное кольцо из трёх человек, а вторая половина хочет его разрушить. Это противоречие жило во мне всегда. И именно оно исказило мой дуэльный аватар.

— Т-Таку…

Хоть его друг и изливал ему самые сокровенные эмоции, Харуюки не находил ответных слов.

Такуму, казалось, смеялся сквозь слезы и продолжал говорить подавленным голосом:

— Хару, ты когда-нибудь задумывался о том, почему «Лайм Белл» родилась с такой невероятной способностью перемотки времени? Скорее всего… это доказательство того, что в глубине души Ти мечтает вернуться назад. В те старые добрые времена, когда мы дружно играли допоздна. И… это я виноват в том, что у Ти такая печальная мечта. Это я навсегда разбил кольцо нашей дружбы, которое она мечтала сохранить навечно.

На этом месте Такуму развернулся вправо и немного придвинулся к сидящему рядом Харуюки.

Тот увидел, что в глазах за тонкими очками стояли слезы, но не смог выдавить из себя ни слова.

— Я думал, что смогу искупить вину. Случилось чудо, и мы обрели новое кольцо под названием Нега Небьюлас. Я думал, что искуплю свою вину, если буду защищать его изо всех сил. Но… в отличие от твоего аватара и аватара Ти, рождённых из «мечты», Циан Пайл — воплощение «порчи»… и однажды я стану слабым местом Легиона. Нет, я уже начал им становиться. Я начал думать о том, что мне стоит исчезнуть, пока этого не случилось… и поэтому…

— И поэтому?.. — произнёс Харуюки, не в силах больше видеть, как Такуму терзал себя своими собственными словами. А затем он шёпотом произнёс фразу, в правоте которой он постепенно убеждался в ходе их разговора. — И поэтому ты… отправился искать ISS комплект?..

Через несколько секунд Такуму бессильно улыбнулся и кивнул.

— Да… я пришёл в зону Сетагая 3 и долго ждал в списке противников. Наконец, меня вызвал на дуэль другой бёрст линкер

и сразу попросил включить закрытый режим, сказав, что может поделиться со мной силой. Но я не просто жаждал силы. Как и всё остальное Снаряжение, ISS комплект изначально запечатан в карте. Я собирался сохранить её в инвентаре и принести на следующее собрание Легиона, чтобы хозяйка изучила её. Но… когда на меня сегодня напал Супернова Ремнант… а я, находясь на неограниченном нейтральном поле, не смог ничего им противопоставить… я приготовился к смерти, понимая, что в какой-то степени я и сам этого хотел…

По лицу Такуму проскочила такая печаль, что Харуюки чуть не ахнул. Дрожащими губами, словно насмехаясь над собой, он произнёс:

— Я пришёл в себя уже после того, как прокричал команду на активацию ISS комплекта… что случилось потом, я… если честно, помню плохо. Но… одно я знаю точно. Я не просто победил их. Я отплатил им их удары десятки и сотни раз… я пытал и унижал их самыми жестокими способами, я заставил их страдать. Когда я пронзил последнего из них, а затем заставил его сознаться в том, что он ПК, перед наблюдающими за битвой охотниками на Энеми… я увидел, что эти туристы боялись меня больше, чем его.

Такуму ещё пару раз сухо усмехнулся, а затем подвинулся ещё ближе к Харуюки.

Его улыбка исказилась. Едва слышным голосом он обратился к сидевшему совсем близко другу:

— Хару… я вновь совершил ошибку. Я думал… что мечтаю лишь о том, чтобы Ти как можно чаще улыбалась… но…

— О… о чём ты, Таку? Ты… ты ведь использовал комплект лишь единожды, нет? Просто не надевай его опять… или продай в магазин… — возразил Харуюки.

Но Такуму покачал головой и стонущим голосом ответил:

— От него нельзя избавиться. Когда ты надеваешь его в первый раз, он навсегда исчезает из инвентаря и сливается с аватаром. Нет, не только с аватаром… он словно… словно проник в мою голову в реальности…

Вдруг Такуму протянул левую руку и ухватился за правое плечо Харуюки.

— Т-Таку?.. — попытался позвать Харуюки, но его друг ничего не ответил, и лишь усилил хватку.

Не выдержав веса крупного тела Такуму, Харуюки упал на кровать спиной. Но друг не отпустил его плечо. Ошарашенный Харуюки попытался подняться, но справиться с мускулистым Такуму был не в силах.

Тот навис прямо над Харуюки, а затем сказал невероятно слабым, тонким голосом:

— Хару, уничтожь меня.

— Э?..

— Умоляю… развороти меня своими руками. Если ты этого не сделаешь, я… уже не смогу вспомнить, чего хочу… чего когда-то желал…

В правой руке Такуму сжимал неизвестно откуда взявшийся чёрный шнурок.

Это XSB-кабель метровой длины.

Продолжая удерживать Харуюки за плечо, Такуму сначала подключил его к своему синему нейролинкеру.

Он скользнул крепкими, но ловкими пальцами по кабелю, нащупывая второй конец. Затем он начал подносить его к нейролинкеру Харуюки.

Харуюки ощутил небольшое давление. Перед глазами красным цветом загорелось предупреждение о проводном соединении, которое тут же пропало.

Дрожащие губы Такуму вдохнули воздух и начали произносить команду на ускорение.

С его левого глаза скатилась слеза и полетела к щеке Харуюки. Но не успела она долететь, как послышался громоподобный звук ускорения… и мир погрузился во тьму.

Глава 9

Точные правила начального размещения аватаров зависят от ландшафта уровня, но один из фундаментальных принципов состоит в том, что, вне зависимости от того, насколько близко друг к другу находятся дуэлянты в реальном мире, в Ускоренном они появляются как минимум в десяти метрах друг от друга.

Поэтому в тот момент, когда Харуюки принял облик Сильвер Кроу и опустился на уровень, фигуры его лучшего друга перед глазами он не видел.

Под ногами оказался выжженный, потрескавшийся бетон. Стены его дома больше не было, а этажи держались лишь на мощных столбах, покрытых пеплом. Вся улица Коэндзи за спиной Харуюки выглядела так, словно по ней прошлось невероятной силы пламя.

Уровень «Выжженная Земля». По внешнему виду он больше всего напоминал «Закат», но разрушение объектов на этом уровне практически не давало энергии. Не было и функциональных объектов, способных повлиять на тактику. Не было животных. «Голый» мир.

Моментально поняв, на каком уровне оказался, Харуюки вновь устремил взгляд вперёд.

В десяти метрах перед ним стоял, опустив голову и свесив руки, большой аватар.

Его мощные конечности накрывала тускловатая голубая броня. В его маске было несколько горизонтальных щелей. А к правой руке крепилось орудие, из которого выглядывал острый блестящий кол, «Сваебой».

Эту фигуру Харуюки видел несметное количество раз: сначала в роли врага, а затем — в роли верного напарника по Легиону. Но внешний вид этого грузного аватара всегда приводил его в трепет.

Конечно, это не самый крупный аватар Ускоренного Мира — существовало немало аватаров ещё более внушительных размеров, например, Фрост Хорн из Леонидов. Но по ощущению плотности и концентрации чистой мощи этот аватар, пожалуй, один из первых. Во всяком случае, «противоречия» между самим аватаром и его орудием, о котором рассказывал Такуму, во внешнем виде не ощущалось.

Харуюки глубоко вдохнул, решился… и сделал шаг в сторону Циан Пайла.

— Таку.

Строго говоря, использовать реальное имя или кличку,

основанную на нём, во время битв строго запрещалось. Но сейчас они находились в режиме кабельной дуэли, и потому зрителей вокруг не было. Поэтому Харуюки обращался к нему по реальному имени, пытаясь продолжить неоконченный разговор:

— Таку. Почему… почему я должен сражаться с тобой? Я лучше всех знаю, насколько ты силён. Зачем ты пытаешься мне что-то доказать?..

Но тут Такуму, тенью стоявший перед ним, покачал головой, прервав речь Харуюки.

— Нет, Хару. Ты знаешь не мою силу, а мой предел. Вчера, во время «Атаки на Судзаку»… во время финальной битвы с Даск Тейкером… даже во время «Усмирения Брони Бедствия» мне не хватало сил стоять рядом с тобой до конца.

Этот голос, хоть и тихий, не звучал самоуничижительным. Но Харуюки ощутил в его глубине вихрь, требовавший дать ему волю.

— Я не собираюсь опровергать принцип «один уровень — один потенциал». Последние полгода мы с тобой были равны по уровням. Поэтому я знаю, что наши аватары должны быть равны по силе. Мне не хватает… не силы аватара, а силы бёрст линкера. У меня нет твоей силы… которая помогает тебе стиснуть зубы и сражаться, насколько тяжёлым бы ни было положение, кем бы ни оказался твой враг. Да… я признаю. Я всегда завидовал тебе. Я всегда завидовал тому, как ты и твоя форма, рождённая из чистейшей мечты, владеете силой, способной совершать невозможное…

Такуму поднёс левую руку к правой и сжал орудие. Этот жест до боли напоминал ту позу, в которой Такуму сидел на кровати в реальном мире.

Вновь послышался приглушенный голос:

— Эта тьма… этот «комплект ISS» проник в дыры моего сердца и пустил там корни. Это не просто Усиливающее Снаряжение. Это негативная Инкарнация, каким-то образом воплощённая в объекте. Она заражает, оверрайдит душу человека, который надевает его. Затем оно пожирает негативные эмоции, растёт и размножается… Хару, я уже не знаю… какие из этих чёрных чувств принадлежат мне… а какие нашёптывает тьма…

В конце этих слов тело Такуму на мгновение обволокла тёмная аура, и Харуюки отчётливо увидел её.

Крепко сжав кулаки, он сделал ещё один шаг.

Он осознал, что то яростное, холодное давление, которое испускал Такуму — не иллюзия. Но Циан Пайл никогда не умел испускать такую силу. В какой-то мере он действительно перестал быть тем, кем был раньше.

Но, даже понимая всё это, Харуюки повернулся к аватару человека, ровесника, которого считал своим лучшим другом, и искренне произнёс:

— Таку… прости.

Он не думал над словами, он просто давал им выливаться из своей груди. Потому что больше всего в эту секунду он хотел говорить искренне.

— Я не имел ни малейшего понятия о том, что ты думал… о том, что мучило тебя. Ты всегда поддерживал меня и казался мне хладнокровным, спокойным и непоколебимым. Но… этим ты избаловал меня. А ведь у тебя тоже есть нечто, к чему ты хочешь стремиться сам…

Ненадолго прервавшись, Харуюки сжал кулак и направил его в сторону Такуму.

— Но позволь мне сказать тебе вот что. Таку, ты… именно ты был моим идеалом, моим идолом. Я всегда, всегда хотел быть похожим на тебя. Ты говоришь так, будто поддался на искушение ISS комплекта, потому что тебе не хватало своих собственных сил. Но это не так. Я знаю, что ты способен самостоятельно вытащить себя из любого болота.

Харуюки глубоко вдохнул и наполнил свои глаза и кулаки эмоциями…

— Поэтому… я сражусь с тобой, чтобы ты понял это. Я пущу в бой всё, на что способен.

«Да.

Как только ты ускорился и вступил в дуэль, тебе остаётся лишь сражаться. Дать ответы на вопросы может только битва.

Именно этому меня в первую очередь научил самый дорогой для меня человек.»

Такуму поднял голову, словно ощутив жар, исходивший от кулаков Харуюки. В глубине щелей маски вспыхнули голубые глаза.

Харуюки медленно разжал кулаки и вытянул вперёд пальцы, превращая свои ладони в подобия клинков.

Послышался чистый, вибрирующий металлический звук, и эти клинки окутало серебряное свечение. Свет вытянулся сантиметров на пятнадцать, заставив виртуальный воздух вздрогнуть. Инкарнационная техника Харуюки: Лазерный Меч.

— Я буду воевать в полную силу с самого начала. Таку, твой черёд!

В ответ на позыв Харуюки, Такуму молча поднял перед собой правую руку.

Затем он скользнул левой рукой к концу Сваебоя, ухватился за остриё кола и тихо произнёс:

— …Циан Блейд[8].

Послышался резкий звук, с которым выстрелил кол. Левая рука мастерски ухватила мелькнувшую в воздухе молнию и взмахнула ей в воздухе. Надетая на правую руку экипировка разлетелась на части, и освободившаяся ладонь тоже ухватилась за свет. Молния выпрямилась и замерла. Сквозь свет начал проявляться большой меч с синим лезвием. Инкарнационная техника Такуму, которой его научила Красная Королева.

Какое-то время освещаемые закатом аватары молча смотрели друг на друга, стоя на выжженной земле.

Таймер в верхней части поля зрения, начавший отсчёт с 1800, уже добрался до 1500. Оставалось двадцать пять минут. Но поскольку оба они собирались использовать Инкарнацию с самого начала, вряд ли бой займёт даже половину этого времени.

Ухватив меч точно так же, как в реальной жизни на занятиях кендо, Такуму встал в уравновешенную боевую стойку. Он был готов к отражению любой атаки. Но Харуюки уже решил, что пойдёт в атаку первым. Обычно первую половину боя он играл от защиты, накапливая энергию, а во второй половине активировал крылья и отыгрывался, по максимуму используя способности Сильвер Кроу. Но в этом бою речь не шла ни об эффективности, ни о расчёте. Этот бой проводился не ради очередного очка в статистике побед. Это была большая битва, и для Харуюки она значила, что пришло время обнажить душу бёрст линкера, зажечь огонь в своём сердце и бросить в бой всё, на что он способен. Как говорил один очень близкий Харуюки человек, размышления — к чертям собачьим!

Харуюки медленно пригнулся и отвёл световые клинки назад. Напряжение между ними росло в геометрической прогрессии, и в воздухе уже заплясали маленькие искры. И тут…

— Р-ра-а!..

Харуюки изо всех сил оттолкнулся от пола. Разделявшие их десять метров он преодолел моментально. Он занёс руку, вкладывая в неё инерцию движения и фокусируя своё воображение.

Раздался высокий, чистый звук, и Лазерный Меч вытянулся на метр, атакуя левое плечо Циан Пайла. Техника Харуюки относилась к типу «Увеличения Радиуса Атаки», что давало клинкам возможность удлиняться во время атаки или защиты. И именно поэтому от неё крайне сложно уклониться. Даже Даск Тейкер не успел среагировать, когда увидел эту технику в первый раз.

Но…

Как бы ни закручивал Харуюки свой диагональный рубящий удар, Такуму хватило лишь лёгкого движения рук, чтобы полностью заблокировать удар двуручным клинком.

Послышался оглушительный звон, посыпались серебряные и циановые искры. В следующее мгновение клинок Такуму скользнул, и меч Харуюки вдруг начало прижимать вниз.

— Гх…

Ощущая правой рукой давление, Харуюки рефлекторно вскинул левую, из которой вытянулся второй световой меч. Он перекрестил его с первым, сопротивляясь клинку Такуму обеими руками.

Но отыграть он смог лишь полсекунды. Окутывающая двуручный меч синяя аура распространилась на могучие руки Такуму, и клинок словно стал вдвое тяжелее. Такуму разыгрывал мысленный образ подавления противника после скрещивания клинков — действия, отточенного бесконечными тренировками и турнирами кендо. Локти и колени Сильвер Кроу заскрипели от чудовищного давления, испустив оранжевые искры.

Шкала здоровья потеряла несколько делений, чуть-чуть заполнив полоску энергии. Харуюки сразу же потратил этот небольшой запас, взмахнув крыльями за спиной. Тяга позволила ему отдавить синий клинок немного назад, после чего Харуюки немедленно отпрыгнул. Вновь оказавшись на расстоянии от противника, Харуюки вернулся в стойку.

Такуму, до сих пор не сделавший ни единого шага, вновь выставил меч перед собой и прошептал низким голосом:

— Хару, у тебя нет ни единого шанса победить меня в прямом бою на мечах. Я не для того сюда пришёл.

— Да… я знаю, — Харуюки кивнул, а затем медленно поднял правую руку с клинком. — Это было моё приветствие. А теперь я покажу тебе мою текущую «силу» в сочетании с «техникой».

Конечно, слова эти прозвучали чересчур пафосно, но Харуюки произносил их, в том числе, ради самого себя — ему нужно было горючее, чтобы взбодриться.

За каждым взмахом клинка Такуму стояли шесть лет тренировок и недюжинный талант. В честном поединке Харуюки действительно не смог бы одолеть его ни в реальном мире, ни в Ускоренном.

Но Харуюки уже успел обрести технику, способную превратить силу своих противников в свою.

Испытав эту технику на собственной шкуре в битве с Черноснежкой, он впоследствии и сам начал тренировать «Смягчение», в его версии — «Возврат». Этот сложный приём не полагался на блок вражеской атаки и последующую контратаку — он состоял в перехвате вектора вражеской атаки движениями собственного аватара, слиянии движений и изменения их направления.

Харуюки и сам не до конца понимал принцип её действия, но что-то подсказывало ему, что она, в какой-то степени, тоже основана на Инкарнации. Она не настолько сильна, чтобы

порождать Оверрей, но в смене траектории атаки противника однозначно принимало участие воображение применявшего технику человека.

А значит, один из важнейших компонентов этого приёма — вера.

Другими словами, для того, чтобы принять атаку противника, необходимо довериться ей. Нельзя вообразить слияние движений аватаров, если думать об атаке противника исключительно с враждебностью. Суть техники состояла не в жёстком отражении, а в мягком затягивании атаки. Поэтому она и называлась «Смягчением».

Харуюки начал тренировать эту технику всего десять дней назад. В бою он испытывал её всего пару раз (включая недавний бой с Буш Утаном). Он никогда ещё не пытался применить её против клинка, да ещё и Инкарнационного. Но Харуюки обещал Такуму сражаться в полную силу. А значит, попыткам приберечь свои техники не могло быть никаких оправданий.

Харуюки глубоко вдохнул, выдохнул, и укоротил клинок на правой руке до уровня света, покрывающего ладонь.

Пронзительные глаза Такуму сузились. Но он быстро понял, что этот жест не означал, что Харуюки собрался сдаваться. Он не отменял ауру — она просто стала концентрированнее и ярче.

— Поехали, Таку! — крикнул Харуюки.

— Давай, Хару! — призывно отозвался Такуму.

Слегка пригнувшись, Харуюки резко оттолкнулся от пола и снова бросился вперёд. В этот раз Такуму тоже выдвинулся навстречу, намереваясь перехватить инициативу. Синих аватаров, сражавшихся мечами, было с избытком, но мало кто из них мог похвастать опытом кендо. Разницу между этими аватарами и Такуму можно прочувствовать хотя бы по тому, с какой скоростью они применяли техники.

Как и в случае с боксом, настоящего мастера выдавало отсутствие каких-либо видимых признаков приближающейся атаки. В отличие от большинства аватаров, которые изо всех сил размахивали мечом, пытаясь выиграть преимущество и нанести удар, клинок Такуму мог в одно мгновение слегка качнуться, а в следующее оказаться уже перед твоим носом. Попытайся Харуюки напасть на него в реальной жизни, он бы набил себе шишку, даже не успев понять, что произошло.

Но в Ускоренном Мире, в полном погружении, у Харуюки были качества, благодаря которым он мог составить Такуму достойную конкуренцию — внимательность и скорость реакции.

Когда Цианового Клинок начал приближаться к шлему Харуюки, намереваясь разрубить его, Харуюки ощутил его не

только взглядом, но и всеми остальными чувствами, и даже интуицией.

В ушах послышался далёкий пронзительный звук. Мир окрасился новыми цветами. Харуюки ощутил «сверхускорение» и заметил, как клинок Такуму совсем чуть-чуть, но замедлился.

«Сейчас!»

Харуюки осторожно приблизил ладонь правой руки к боковой стороне лезвия, самой безобидной его части.

Не будь его рука покрыта Оверреем, даже этого касания хватило бы, чтобы изничтожить ладонь Харуюки. Потому что в бою схлестнулись силы Инкарнаций, вознёсшихся над внутриигровыми правилами и физикой. И образ скорости света, окутывавший ладонь Харуюки, защищал её от образа разрубания, воплощённого в мече Такуму.

Впрочем, попытайся он ухватиться рукой за лезвие клинка, он моментально лишился бы её. В конце концов, Инкарнация Харуюки относилась к типу «Увеличение Радиуса Атаки», а Инкарнация Такуму — к «Увеличению Мощности Удара». Именно поэтому Такуму и говорил, что у Харуюки «нет ни единого шанса на победу в прямом бою». И именно поэтому Харуюки и пытался отразить атаку Смягчением.

Естественно, могучий и величественный клинок Такуму сбить с курса не так-то просто. Повторить фокус Черноснежки, развернувшую вектор атаки на 180 градусов, у Харуюки не вышло бы при всём желании. Но за время битвы с Буш Утаном Харуюки понял, что отвести от себя смертельный удар куда проще, чем кажется.

Он начал осторожно вкладывать свои силы в ладонь, прислонённую к клинку меча.

Их Оверреи вжались друг в друга и испустили искры. Но отступать было нельзя. В голове Харуюки вновь пронеслась сцена из недавнего боя с Буш Утаном, когда Ардор Мейден отбила Тёмный Удар своей ладонью. Она не использовала Смягчение, но в то же время она не стремилась навредить противнику своей огненной аурой. В её Инкарнации ощущалось лишь желание проникнуть в агрессивное сердце противника и утихомирить, исцелить, очистить его. Естественно, у Харуюки нет и доли её мастерства, но и в нём нет ненависти по отношению к своему противнику. Он хотел лишь донести до Такуму свои мысли.

Мысли о том, насколько он, Арита Харуюки, доверяет ему, Маюдзуми Такуму.

Ему казалось, что аура, окутывающая циановый клинок, была полна смятения, страха, раскаяния и отчаяния Такуму.

Харуюки, следуя своему мысленному образу, коснулся меча

не только пальцами, но и всей ладонью, приближаясь к эмоциям своего друга, а затем надавил на клинок.

Послышался звон, сопровождающий удар клинка о благородный металл, и перед глазами Харуюки пролетели бесчисленные искры. Двуручный меч Такуму оцарапал левую сторону шлема Харуюки и продолжил двигаться дальше.

Харуюки прислонил к мечу руку по локоть, а затем начал выбрасывать её вперёд.

Атака Харуюки по своему виду больше всего походила на «локтевой удар» из кунг-фу. Угодила она точно в левое плечо Циан Пайла. Ощутив упругий удар, Харуюки увидел, как Такуму пошатнулся, но тут же оправился и попытался оттянуть меч назад.

Харуюки понимал, что следующий Возврат уже не будет таким идеальным. Он сражался с Такуму, и тот уже должен был понять логику работы этой техники и придумать способ противостоять ей. А значит, нельзя дать ему уйти. Нужно продолжать наседать… и нападать!

— О-о… о-о!! — кратко взревел Харуюки и, пользуясь накопленной от нанесённого удара энергией, изо всех сил взмахнул левым крылом.

Его на огромной скорости развернуло вправо на месте. Пользуясь этим импульсом, Харуюки направил левое колено в правый бок Такуму, который тот не мог защитить из-за меча. Ещё один болезненный удар.

— Гх… — глухо обронил Такуму.

Но, естественно, так просто его было не остановить. Поняв, что размахнуться клинком не выйдет, он решил атаковать шлем Харуюки рукоятью. В кендо такого удара не было, но Харуюки слышал, что подобная техника есть в школе Иай.

Время для удара выбрано блестяще — Харуюки не мог сбежать ни вперёд, ни назад, ни влево, ни вправо. Но тут он намеренно скользнул правой ногой, которой упирался в пол, и упал вертикально вниз. Рукоять, едва коснувшись лба Харуюки, пролетела мимо.

Неожиданно отчаянное падение Харуюки удивило даже Такуму. В кендо не было приёмов для добивания лежащих противников. Но и сам Харуюки, лёжа на земле, был вынужден прекратить атаку. Такуму занёс правую ногу, пытаясь, видимо, прижать Харуюки к земле.

Но распластавшийся на земле Харуюки вдруг чуть-чуть приподнялся и резко взмахнул крыльями, направляя тягу в противоположную от Такуму сторону. Он тут же скользнул назад, словно утягиваемый невидимой верёвкой. Когда тяжёлая нога

Такуму опустилась на землю, Харуюки уже вскочил с земли, запрыгивая за спину противника. Пользуясь моментом, он отыграл преимущество, ударив незащищённую спину носком правой ноги. Пошатнувшись, Такуму попытался развернуться, но Харуюки взмахнул правым крылом и, скользнув в мёртвую зону Такуму, нанёс прямой удар открытой ладонью.

Покрытая Инкарнацией ладонь вонзилась в левое плечо Циан Пайла, пробив толстую броню, словно бумагу.

Этот боевой стиль, использующий краткие взмахи крыльями для нанесения ударов под любыми углами — ещё одна техника Харуюки, которую он недавно начал тренировать: «Аэрокомбо». Даже десяти процентов энергии хватало на достаточно длинные комбинации, а урон ограничивался лишь количеством последовательно идущих друг за другом ударов. Кроме того, из-за резких непредсказуемых движений, противнику, впервые столкнувшемуся с техникой, крайне трудно что-либо ей противопоставить. Даже Чёрная Королева, столкнувшись с ней, была вынуждена надолго уйти в глухую оборону.

— О-о… о-о-о-о-о! — выкрикнул Харуюки на выдохе и начал атаковать ещё быстрее.

Циан Пайл, как и положено столь чистому синему аватару, достойно держал даже прямые попадания. У него по-прежнему оставалось более 70 % здоровья. Хотя здоровье Сильвер Кроу и находилось на почти максимальном уровне, он вряд ли смог бы победить противника за один натиск.

Но Харуюки уже решил для себя, что суть этой битвы — не в стратегии и подсчётах. Он собирался биться в полную силу с самого начала и до самого конца. Потому что он знал, что некоторые вещи в Ускоренном Мире можно было донести только так.

Мозг Харуюки работал всё быстрее, а вместе с ним ускорялись и движения Сильвер Кроу. Его миниатюрное тело вращалось в воздухе с головокружительной скоростью, описывая бесчисленные дуги всеми четырьмя конечностями. Периодически Лазерные Мечи сталкивались с Цианового Клинком, и от этих ударов содрогался весь уровень, но Харуюки всё ещё не пропускал ни единого удара.

Со временем Такуму начал поспевать за ритмом Аэрокомбо, но ему всё ещё не хватало скорости уклоняться от него, и тело его продолжало покрываться новыми ранами от ударов Харуюки. Шкала здоровья постепенно убывала. Скоро она опустилась ниже 50 % и окрасилась в жёлтый цвет.

В самом пылу битвы Харуюки словно ощутил в своей голове шепчущий голос.

«Ах… Хару…

Ты прекрасен… ты так красиво сражаешься…»

Глаза Циан Пайла в глубине маски сузились настолько, что стали похожими на ниточки, и начали неровно мигать.

«Но… эта красота… слишком хрупка. Когда я вижу её, моё сердце стонет.

Ещё… я хочу, чтобы ты ломал меня ещё сильнее, ещё яростнее. Потому что иначе я…

Захочу уничтожить тебя.»

Его глаза резко вспыхнули.

В груди Циан Пайла с громким звуком раскрылось несколько отверстий.

— …!!

Харуюки тут же попытался скользнуть вправо. Но Такуму, словно предугадав его движения, начал разворачиваться и сам, одновременно выкрикивая название техники:

— Сплэш Стингер[9]!!!

Харуюки увидел, как в его сторону полетело несколько снарядов. С такого близкого расстояния от всех увернуться невозможно. Он резко отпрыгнул назад, параллельно сбивая снаряды световыми клинками. Эта техника Такуму — не Инкарнационная, и потому снаряды не могли пробиться сквозь ауру Харуюки, но их было слишком много. Кое-как перерубив все летевшие в него снаряды, Харуюки обнаружил, что их с Такуму разделяет уже почти пятнадцать метров.

Чёрный дым от разорвавшихся снарядов постепенно сдувало в сторону. Проступивший сквозь него Циан Пайл стоял, свесив руки и опустив голову, прямо как в начале боя. Аура, окутывающая Цианový Клинок, неровно мерцала. Это означало, что мысленный образ вот-вот развеется.

Но…

Харуюки заметил ещё кое-что, чего не было в начале битвы.

Тело синего аватара окутывала клубящаяся бледная тень. Её цвет был знаком Харуюки. Несомненно, это та самая «аура тьмы», которая окутывала Буш Утана в недавней дуэли.

А значит… оно, наконец, готово пробудиться. То самое Усиливающее Снаряжение, сила которого позволила Циан Пайлу одержать верх над четырьмя бёрст линкерами Суперновы Ремнант.

Харуюки глубоко вдохнул и уверенно произнёс:

— Давай, Таку. Используй его.

Такуму молча опустил голову. Харуюки продолжал смотреть прямо на него и говорить:

— Мы ведь договорились сражаться изо всех сил, правда? Теперь «это» — тоже твоя сила. Эта битва не кончится, пока ты не выложишься по максимуму. Давай… используй ISS комплект!

Ему показалось, что Такуму слегка улыбнулся в ответ на его крик.

Харуюки кивнул, а про себя произнёс те слова, что не мог высказать голосом:

«Таку, я верю в тебя. Чем бы ни закончилась эта схватка, я знаю, что ты сможешь одолеть эту тёмную силу.»

Такуму, словно услышав его мысли, кивнул.

Изящный меч, воплощение положительной Инкарнации второго квадранта, исчез. Голубой свет окутал его правую руку, вновь собираясь в Сваебой.

Такуму поднял его к небу… и тихо, но уверенно скомандовал:

— «IS Mode», активация.

И полилась тьма.

Глава 10

Внешний вид ISS комплекта, несмотря на устрашающую мощь этого Усиливающего Снаряжения, был крайне невразумительным.

Чёрная пятисантиметровая полусфера, немного напоминающая социальную камеру. В случае Буш Утана и Олив Граба она проступала на груди.

Но когда команду на активацию произнёс Такуму, сфера появилась в том месте, которая у Сваебоя соответствовала тыльной стороне ладони.

По центру комплекта пробежала горизонтальная линия. Раскрылись створки, и наружу проступил казавшийся живым глаз. Он влажно сверкал цветом мутной крови…

В следующее мгновение из-под Такуму полился и заклубился невероятной плотности и размеров Оверрей. Но его уже нельзя назвать «светом» — он был совершенно чёрным. Это не та мутная «тень», что покрывала Буш Утана. Это аура чистой тьмы.

Харуюки отчаянно сопротивлялся появившемуся вдруг желанию свесить руки.

Испускаемая Такуму аура не шла ни в какое сравнение с аурой Утана. И, словно в доказательство того, что это были не просто спецэффекты, пол под ним пошел трещинами.

«Таку…» — мысленно прошептал Харуюки имя своего друга.

Такуму мягко отозвался:

— Хару.

Его голос звучал совсем не так, как раньше. Он стал искажённым, зловещим и обрёл металлический отзвук. Указав левой рукой на этажи и столбы вокруг них, он продолжил:

— Ты не сможешь сражаться в полную силу в таком узком пространстве…

— А… ага. Выйдем на улицу?..

Судя по всему, на сознание Такуму комплект влиял не так сильно, как на Утана. Харуюки вздохнул с облегчением.

Но…

— Нет, этого не потребуется, — прошептал Такуму и неспешно направил Сваебой в пол. Затем он совершенно безразличным голосом произнёс:

— Дарк Шот.

Вместо кола из Сваебоя вырвался тёмный луч. Он моментально пробил пол и, оставив после себя десятисантиметровую дыру, скрылся внизу.

Прошла секунда… две… три.

Харуюки ощутил далеко внизу мощную вибрацию. Не успел

он и ахнуть, как весь пол покрылся трещинами. Из них тут же начала извергаться похожая на чёрное пламя энергия.

— !.. — резко вдохнув, Харуюки рефлекторно расправил крылья и отскочил назад.

В прыжке он быстро развернул тело и, переключившись на полёт, на огромной скорости кинулся наружу. Ударные волны били его по спине, но он упорно держал курс и всё же смог вылететь по прямой линии в небо «Выжженной Земли». Убедившись, что отлетел на достаточное расстояние, он развернулся.

— Что… — ошарашенно обронил он.

Двадцатитрёхэтажная башня, бывшая в реальности корпусом А его жилого комплекса, рушилась до основания прямо на его глазах.

Конечно, объекты на уровне «Выжженная Земля» разрушались легко. Но не настолько же. Уничтожение такого огромного сооружения могло в корне перевернуть ход битвы, и потому должно было требовать времени и усилий. Насколько Харуюки знал, способностью «разрушать здания за один удар» обладала только «Неподвижная Крепость», Красная Королева, Скарлет Рейн, в полном боевом режиме.

Харуюки отчаянно моргал, не веря своим глазам. Но уже через несколько секунд здание полностью разрушилось, превратившись в груду обломков.

Взгляд Харуюки рефлекторно перевёлся на шкалу здоровья Циан Пайла.

Несмотря на то, что он остался в разваливающемся здании, у него по-прежнему оставалось 40 % здоровья, как и раньше. Но шкала энергии заполнилась до предела — хоть разрушение объектов и давало мало энергии, этого здания ему хватило.

Харуюки вновь перевёл взгляд на руины здания. Что-то выбило изнутри верхушку «пирамиды».

Из груды мелких обломков появился Циан Пайл, окутанный ещё более тёмной аурой.

— Таку… — хрипло прошептал Харуюки. Больше он ничего не мог сказать.

Случившееся так впечатлило его, что Харуюки не мог чувствовать даже изумления и трепета. Да, Буш Утан после активации «режима IS» тоже стал гораздо сильнее, но случившееся с Такуму сложно даже поставить рядом. Выходит… всё это время в глубине его души таились настолько глубокие, душераздирающие страдания.

А значит, Харуюки нельзя проигрывать.

Если бы сила ISS комплекта победила его, то тьма,

захватившая Такуму, стала бы ещё сильнее. А сам Такуму мог вполне угодить в ту самую бездонную яму в своём сердце, на тёмную сторону Инкарнации, о которой предупреждали Черноснежка, Нико и Блад Леопард.

После случая с троянской программой, Такуму изо всех сил пытался вновь найти себя. Он бросил престижную школу в Синдзюку, хваставшуюся всепроникающей информатизацией обучения, и перевёлся в более «аналоговую» Умесато. Он день за днём осторожно прокладывал свой путь до сегодняшнего дня. И Харуюки не собирался позволить кому-то сознательно расковырять в нём старую злобу и сбить его с пути. Он должен вырвать его из лап комплекта и не дать ему взять Такуму под контроль. А для этого…

Он должен победить в этой битве.

Только победа могла показать Такуму силу позитивной Инкарнации. Что крохотный свет надежды, таящийся в ней, на самом деле сияет ярче любого другого.

Всё ещё паря на высоте в семьдесят метров, Харуюки активировал Лазерные Мечи.

Он увидел, как Такуму неспешным движением занёс заражённый ISS комплектом Сваебой и направил на Харуюки.

Харуюки понимал, что сила Тёмного Выстрела была невообразимой. Что этот луч не удастся отразить клинком, как он сделал это в битве с Буш Утаном. Но он видел Такуму, а значит, вовремя дёрнувшись, мог уклониться от атаки. А сразу после этого он мог обрушить в ответ Удар из Пике, добив своего противника.

Харуюки затаил виртуальное дыхание и сфокусировал всё своё внимание на острие жала Сваебоя.

…И именно поэтому он не заметил. Не заметил, что шкала энергии Такуму, которая не должна была тратиться от Инкарнационных техник, резко скакнула со ста процентов до нуля.

— Лайтнинг Дарк Спайк[10].

Такуму произнёс незнакомое название, и Сваебой на мгновение вспыхнул чёрным светом.

И всё. Не вылетел гигантский луч, способный сравнять с землёй здание. Не послышался грохот. Мир не сотрясло. Харуюки ощущал лишь неприятный сухой ветер «Выжженной Земли» и холодок у левого плеча…

— ?..

Вдруг его тело качнулось. В углу поля зрения промелькнуло

несколько огоньков. Посмотрев в их сторону, Харуюки увидел два странных объекта, падающих на землю. Серебряная палка и тонкая плита. Что это? Харуюки пригляделся…

— ?!..

Поняв, что он видит, Харуюки моментально выпучил глаза. Он был так поражён, что не мог даже ахнуть. Рука и крыло.

Уже осознав случившееся, он посмотрел на левое плечо, но там была лишь отполированная до зеркального блеска плоскость. Левое крыло и левая рука Сильвер Кроу были полностью уничтожены.

Тело начало накреняться. Он рефлекторно взмахнул правым крылом, пытаясь удержать себя в воздухе, но этим только окончательно утратил равновесие и быстро полетел вниз, описывая в воздухе спираль, словно опавший лист.

Уже у самой земли он смог взмахнуть правым крылом в противоположную сторону, подавляя вращение, и кое-как приземлился на ноги. Но весь импульс от падения он подавить не мог, и колени с лодыжками испустили фонтаны из искр. Харуюки упал на колени и перевёл взгляд на свою полоску здоровья. Потеря руки и крыла обошлась ему дорого, и здоровье уже опустилось ниже 50 %, окрасив шкалу в жёлтый цвет.

Но куда больше Харуюки шокировал не размер урона, а сам факт его получения.

Он не видел атаки.

Всё, что он заметил в момент выстрела — вспыхнувший на конце Сваебоя чёрный крест. Но того объекта, что вылетел из него и пролетел семьдесят метров в сторону Харуюки, он не заметил вовсе.

В одно время Харуюки самостоятельно собрал программу для тренировки уклонения от пуль на близкой дистанции. Тренировка дала плоды, и он мог весьма уверенно уклоняться от выстрелов даже из крупных винтовок, если видел самого стрелка. Вернее, если бы он не мог уверенно уклоняться от них, то он бы не смог так уверенно летать в небесах. Но… в этот раз он не только не смог уклониться от выстрела, он не успел даже заметить его…

Несмотря на глубочайший шок от произошедшего, в прострации Харуюки пробыл лишь полсекунды.

Умение собираться с мыслями и вставать на ноги вне зависимости от неожиданности произошедшего можно с лёгкостью назвать самым важным навыком бёрст линкера. Харуюки подавил своё изумление и начал просчитывать новую стратегию с учётом того, что способность к полёту он потерял. Ему оставалось только одно — вновь свести битву к контактному

бою и использовать Возврат и Аэрокомбо.

«А теперь… двигайся!» — мысленно крикнул он сам себе и поднялся на ноги, собираясь направиться в сторону уцелевшего корпуса Б.

Но тут вновь случилось нечто неожиданное.

Послышался оглушительный грохот, и земля затряслась, не давая ему сбежать. Шатаясь, Харуюки повернул голову на звук и увидел в десяти метрах от себя приземлившегося на землю аватара. Стоявший на груде обломков Такуму за один прыжок долетел до самого двора.

Тяжёлые аватары ближнего боя вроде Циан Пайла и Фрост Хорна могли своим топотом вызывать мощную вибрацию, которая мешала мобильным аватарам. Но то, что вызвал этот топот, уже нельзя назвать вибрацией, это было целое землетрясение. Харуюки пару раз споткнулся об открывшиеся в земле трещины, а пока он восстанавливал равновесие, Такуму с невероятной для его аватара скоростью преодолел разделявшие их метры и встал точно перед Харуюки.

Ощущение мощи, исходившее от его аватара, парализовало Харуюки. Казалось, будто Циан Пайл стал ещё больше чем раньше.

За горизонтальными щелями маски с тихим звуком зажглись глаза. Но они были уже не голубыми, как раньше, а тёмно-фиолетовыми.

Кое-как выпрямившись, Харуюки посмотрел вверх на Такуму.

Тот заговорил тихим искажённым голосом:

— Прости меня, Хару…

— Таку… — еле слышно произнёс Харуюки, не в силах сказать ничего больше.

Такуму подошёл ещё на шаг.

— Прости… я… всё это время знал о том… что всё закончится именно так. Но при этом я всё равно заставил тебя сразиться со мной. Я просто… хотел избить тебя и ничего не смог с этим поделать…

Ещё шаг. Мощное тело Циан Пайла стояло уже вплотную к Харуюки. Оно походило на скалу и без конца истекало плотной чёрной аурой, поднимавшейся в воздух. Такуму опустил взгляд на источник этой ауры — паразитирующий глаз на правой руке.

— Я слышал, что сила ISS комплекта зависит от того, насколько глубоко укоренилась тьма в сердце владельца. А значит… это тот, кто я есть на самом деле. Я понял это, когда убивал тех четырёх ПК с помощью этой силы. Нет… возможно, я знал это с самого начала. Ведь я даже стал бёрст линкером ради хороших оценок, победы на турнирах и того, чтобы связать Ти со

мной…

— Таку… Таку…

«Нет. Нет. Нет, нет, нет, нет!!!»

Харуюки повторял в своей голове лишь одно слово. Но он не знал, как донести его смысл до Такуму своим голосом.

Мир окрасился в радужные цвета, дёрнулся и поплыл. Харуюки запоздало понял, что из его глаз струились слезы.

Из глаз смотревшего на него сверху Такуму тоже скатилась капля и тут же испарилась в воздухе.

— Спасибо, Хару, — послышался нежный голос друга. — Я рад, что именно ты стал моим последним противником… спасибо.

— П… последним? О… о чём это ты?.. — плачущим голосом переспросил Харуюки, и Такуму тихо ответил:

— Когда закончится эта битва, я пойду в Общество Исследования Ускорения.

— Э?..

— Это они создали это жуткое Снаряжение и распространяют его. Я знаю, что до их верхушки я не дойду. Но если я разведаю пути распространения комплектов, то уверен, что выйду на каких-нибудь важных шишек. Я найду способ вытащить их на неограниченное нейтральное поле и выжму из них всё, что им известно. Даже… — на мгновение голос прервался, но затем Такуму уверенно продолжил. — Если меня лишат всех очков, и я навсегда исчезну из Брейн Бёрста… я всё равно сообщу тебе всё что выяснил. А потом ты добьёшь меня, Хару. Этой… силы, вгрызающейся в душевные травмы бёрст линкеров и сбивающей их с пути, не должно существовать в этом мире. Ускоренный Мир должен принадлежать людям вроде тебя, Ти и командира, способным превратить душевную боль в надежду…

— Таку… но ты… но ведь именно ты… — Харуюки был зол на себя от того, что не смог произнести ничего, кроме этих слов.

Но этих слов хватило, чтобы друг детства, которого Харуюки знал больше десяти лет, понял его чувства. Харуюки почувствовал, что Такуму улыбнулся под маской.

— Хару, я должен поблагодарить тебя ещё кое за что, — словно контрастируя с неистовой аурой тьмы, голос его звучал невообразимо мягко. — Спасибо… за то, что пощадил меня тогда, во время нашей первой битвы. Те восемь месяцев, что я был легионером Нового Нега Небьюласа, я наслаждался жизнью, как никогда раньше. Спасибо за этот подарок, Хару. Увы, я не смогу быть с тобой до конца миссии по твоему очищению, и не увижу конца этой игры… передай мои благодарности командиру, Рейкер и Мейден. И… передай мои извинения Ти.

— Нет! Не говори так, Таку!!! — прокричал Харуюки, отчаянно пытаясь совладать с разрывающей сердце болью.

Он сжал оставшуюся руку в кулак и попытался активировать Инкарнацию. Из-за хаоса, творившегося в его эмоциях, вместо яркого света появилось лишь слабое мерцание. Но тьма между ними всё равно чуть-чуть отступила.

— Если ты уйдёшь из Легиона, Ти будет плакать! Обязательно будет! Неужели ты пойдёшь на это, Таку?!

Услышав этот вопль, Такуму склонил голову. Затем послышался ещё более мягкий голос:

— Да… наверное, будет. Но… я верю, она сможет выстоять и идти вперёд, несмотря ни на что. Ведь это именно из-за меня она начала мечтать о том, чтобы вернуться в прошлое. Прошу, Хару, позаботься о ней.

Улыбнувшись, Такуму поднял огромный левый кулак.

Его покрывала концентрированная гудящая аура. Харуюки поднёс мерцающую слабым серебряным светом руку к этой чёрной дыре и слегка надавил.

— Ну, пришла пора прощаться, Хару. Не грусти обо мне так сильно. Эта тьма была во мне с самого начала. Восемь месяцев назад ты должен был выбрать другой вариант. И я дам тебе возможность исправить эту ошибку…

В его левом кулаке скопилось столько силы, что он начал искрить. Такуму медленно отвёл его.

И произнёс название техники таким нежным голосом, словно пытался утешить и подбодрить Харуюки:

— Дарк Блоу.

Против кулака, похожего скорее на прилетевший из космоса метеорит, Харуюки мог защититься лишь покрытой серебряным светом правой рукой.

Но затем он ощутил удар такой силы, словно перед его лицом взорвался весь мир. Не защитись он Инкарнацией, его тело смело бы моментально.

Но хоть он и избежал мгновенной гибели, у него не было и шанса устоять на месте. Его на гигантской скорости отбросило назад, в сторону корпуса Б.

Летевший горизонтально Харуюки врезался спиной в стену здания. Пробив обуглившийся бетон, он полетел ещё дальше. Ещё стена. Ещё. Наконец, четвёртая смогла остановить его импульс. Отскочив от пола, Харуюки распластался на спине.

От удара у него потемнело в глазах, но он видел, как в левом верхнем углу что-то мигает.

Пусть у Харуюки уже почти не было сил думать, он смог понять, что мигала полоска здоровья, от которой осталось всего

несколько делений.

Разница в их силе была безнадёжной. И Харуюки, впервые за долгое время, ощутил в своём сердце отчаяние.

Все его мысли о том, что, сражаясь в полную силу, он сможет победить и спасти Таку, оказались тщетны. Такуму с самого начала превосходил Харуюки во всем. Именно поэтому он и был его идеалом. Его кумиром.

Что мог сделать Харуюки против него в такой ситуации, лишённый своей единственной реальной силы — полёта?..

Вдалеке послышался тяжёлый гул. Такуму приближался к нему, собираясь положить конец этой битве.

Из глаз Харуюки, сокрытых растрескавшимся шлемом, вновь потекли слезы.

«Я и подумать не мог, что всё закончится именно так. Я верил, что мы — я, Тиюри и Такуму — будем играть вместе всегда. Я всегда верил, что Брейн Бёрст, Ускоренный Мир существует именно ради этого…

— Ты прав.

Вдруг раздался в голове чей-то голос.

Харуюки медленно открыл глаза. Он увидел странный свет на фоне безрадостного выжженного потолка.

От лежавшего на полу Сильвер Кроу отделилась фигура и беззвучно поднялась на ноги.

Тусклая и прозрачная, похожая на призрака. Харуюки не знал, кто это.

Фигура похожа на дуэльного аватара женского пола. Её плечи и талия были оформлены цветочными орнаментами, что делало её похожей на Лайм Белл. Но на голове у неё — короткие упругие волосы, да и броня совершенно другого цвета.

Она словно светилась весенним солнцем, цветом жёлтых крокусов…

Незнакомка села на груду обломков возле Харуюки и вновь заговорила:

— Всё именно так, как ты считаешь. Брейн Бёрст создан не только для конфликтов и взаимной ненависти. В нём можно находить и обретать новые узы.

— Кто… ты?.. Как ты попала сюда?.. Это ведь кабельная дуэль… — спросил он её невыразительным голосом.

В ответ тусклая прозрачная фигура мягко улыбнулась и сказала:

— Я… память. Крошечный осколок сознания, сохранённый системой и живущий в уголке огромного массива информации, описывающего один из её объектов.

— Память?.. — прошептал Харуюки и ощутил, как что-то кольнуло в его собственных воспоминаниях.

«Я знаю её. Я ни разу её не видел, я не знаю её имени, но я знаю её…»

Словно подтверждая эти мысли, шафрановый аватар кивнул.

— Когда ты был в Имперском Замке и переживал воспоминания о прошлом, ты установил временную связь с центральной системой. Именно благодаря ей я говорю с тобой. Но она не продержится долго, — ненадолго прервавшись, девушка вдруг уверенно произнесла невероятное: — Твоего друга всё ещё можно спасти.

— Э?..

Харуюки удивлённо распахнул глаза. С трудом приподняв себя с пола изодранной рукой, он спросил:

— И-и как?.. Ты хочешь сказать, что я всё ещё могу что-то сделать?..

— Внутри тебя всё ещё есть та «сила». Единственная сила, способная противостоять тьме, поглотившей твоего друга… — прошептал шафрановый аватар, и улыбка спала с его лица.

Через мгновение Харуюки осознал, на что она намекала.

И тут же замотал головой.

— Нет… я ни за что не буду применять «это». Если я вызову его ещё раз, то уже не смогу снова стать самим собой…

«Это». Проклятое снаряжение, паразитирующее на Харуюки. В прошлый раз из его хватки Харуюки смог выбраться только благодаря второму режиму Зова Цитрона Лайм Белл.

Броня Бедствия.

Услышав слова Харуюки, шафрановый аватар печально улыбнулся.

— Эта броня тоже не всегда носила имя «Бедствия». Многочисленные трагедии исказили её вид.

— Исказили… вид?..

— Я всё это время скрывалась в уголке этой брони и ждала. Каждый раз, когда броня меняла хозяина, я молилась, чтобы в этом мире появился человек, способный развеять её проклятие. Я все это время ждала человека, способного исцелить его ярость и печаль…

Девушка поднялась с горы обломков, села на колени перед Харуюки и приложила маленькую ручку к израненному серебряному аватару.

— И появился ты. Я уверена, ты сможешь сделать это, ведь ты так похож на него. Пусть пройдёт немало времени, но однажды… поэтому тебе нельзя сейчас сдаваться. Ты должен подняться на ноги ради своего друга…

Её тело стало ещё более тусклым. Она стала превращаться в мутный силуэт, вновь соединяясь в единое целое с Харуюки.

В сознании Харуюки раздался далёкий голос, произнёсший последние слова:

— Давай… вспомни это название и произнеси его… вспомни, как называли эту броню до того, как она стала «Бедствием»… ты… уже должен это знать…

Вдруг в воспоминаниях Харуюки ожила сцена.

Пьедесталы Семи Артефактов внутри Имперского Замка. Шестая звезда Большого Ковша, Эта, она же «Мицар».

Буквы на последней строчке той плиты. Когда он увидел их, то что-то почувствовал. Что-то начало зудеть в его душе, словно какие-то печальные воспоминания пытались вырваться наружу из далёких времён.

Пол вздрогнул от тяжёлой поступи, и Харуюки поднял взгляд.

Такуму добрался до соседней комнаты. От шкалы здоровья Харуюки осталось лишь несколько делений, и тот мог добить его любой атакой.

«Могу ли я остановить Таку? Могу ли я сказать ему хоть что-то, что сможет вытащить его из такой глубокой трясины?» — заговорило отчаяние в груди Харуюки, но он стиснул зубы и прогнал его.

«Словами? Нет.

Эмоции. Кулаки, наполненные эмоциями. Мы с Таку — бёрст линкеры. У нас с ним есть только один способ доносить друг другу наши мысли.»

— Битва изо всех сил. Такая же, как та, с чего всё началось, Таку… — тихо прошептал Харуюки и с трудом поднялся на ноги.

На пол посыпались осколки разбитой брони.

В нём не было ни страха, ни сомнения.

Он устремил взгляд на дыру в стене и произнёс всплывшее из далёкого уголка памяти слово.

— Экипировать… «Зе Дестини».

(Продолжение следует)

Послесловие

Здравствуйте, это Кавахара Рэки и моя первая в 2011 году книга «Accel World 7: Броня Бедствия».

Если подумать, то во всех своих послесловиях в прошлом и позапрошлом году я только и делал, что извинялся. Поэтому в этом году я пообещал себе «не извиняться в послесловиях», но… простите и дайте мне извиниться снова. Хотя, я уже и так попросил прощения за то, что извиняюсь.

Да, конец арки вновь отложен на следующий том! Извините! После того окончания шестого тома я был уверен, что уж в седьмом томе подведу аккуратную черту. Более того, я даже смог написать более-менее детальный прототип, и был уже уверен, что всё пройдёт по плану… но Такуму оказался на удивление упорным, и получилось вот так…

Зато то, что после пятого и шестого томов, где он почти не выступал, ему, наконец, удалось поработать, сильно радует меня как автора. С учётом того, сколько это произведение тянется, мне уже остаётся лишь «писать как пишется» и следовать запросам персонажей. Уже сейчас, когда я пишу это послесловие, идёт работа над следующим томом, и мне самому настолько интересно то, чем закончится прерванная дуэль Харуюки и Такуму, что я с нетерпением строчу на клавиатуре. Подождите ещё немного, пока это окончание не выйдет в виде книги!

А теперь я хочу ещё раз написать о своих мыслях по поводу 2011 года.

Поскольку свою первую цель — «не извиняться» — я уже не выполнил, то придётся переключиться на вторую — продолжать писать без каких-либо крупных трудностей… звучит, правда, вяло… но, с другой стороны, в последнее время у меня бывают пространные мысли о том, что этот навык в работе писателя важнее всего. Если сравнивать эту работу с велогонками, то в них важнее всего не отчаянные безрассудные атаки, а уверенность в том, что в ногах хватит силы для того, чтобы перебраться через следующий холм, через следующий участок… но, опять же, бывают и будут, конечно, и моменты, где нужно показать и спринтерские качества. Надеюсь, в этом году у меня получится крутить ручку и не упускать такие моменты.

Хочу поблагодарить моего редактора Мики и иллюстратора HIMA, которым я в этот самый момент досаждаю тем же, чем и с шестым томом — этот том я тоже едва успел сдать в срок. Надеюсь, в этом году я стану более толковым человеком!

И я искренне надеюсь, что вы, дорогие читатели, которые с самого первого тома столкнулись с надписью «Продолжение следует», проявите великодушие и останетесь со мной!!!

Некий день 2011 года (по ощущениям), хоть на дворе всё ещё 2010-й, Кавахара Рэки

Послесловие команды

От Arknarok — переводчик

Доброе утро.

После улаживания всех оргвопросов мы, наконец, вышли на тот режим работы над ускоркой, в каком, скорее всего, будем работать и далее. Несмотря на это, никто из нас до самого последнего момента не был уверен в том, что мы зарелизим 7-й том именно сегодня. С другой стороны, когда я говорю, что мы понятия не имеем о том, когда релиз очередного перевода, я говорю совершенную правду.

Арка Брони Бедствия продолжает двигаться вперед… и, кстати, этот том в каком-то смысле получается ее хедлайнером. Надо сказать, первые два тома этой арки мне не слишком понравились. 6-й оставляет впечатление того, что за время тома ничего толком не произошло, а 7-й… почему он называется Броня Бедствия, когда эта самая Броня появляется в нем лишь в первой главе? Да, конечно, это совершенно потрясающая глава, занимающая солидную часть тома… но все же. Такое чувство, будто арка Брони Бедствия в какой-то момент превратилась в арку ISSкомплектов.

Кстати, раз уж на то пошло, у Рэки со временем вообще развилась привычка давать томам дурацкие названия. Вернее, именно с этого тома она и берет свое начало. Так что дальше нам предстоит увидеть еще множество томов, где названия будут иметь мало общего с происходящим.

Ну да ладно. Следующий том обещает быть более боевым и захватывающим. Арка Брони Бедствия приближается к своей интересной части…

Большое спасибо всем, кто приложил руку к релизу, и кто уже успел его прочитать или собирается это сделать. Едем дальше!

От Ametrin — редактор

Всем привет!

Уверен, дочитав этот том, многие негодуют. На таком моменте и закончить том… Эх Рэки…

Правда, мне тут товарищи, дочитавшие аксель до конца, говорят, что следующий том закончится еще более обломно… Но

не расстраиваемся! К моменту написания этого послесловия редактура восьмого тома идёт полным ходом. А значит, ждать вам остался совсем немного.

Благодарности… коллегам: Арку, Саунду, Мохнату и Резелю (я не знаю, что он делал, но он тусил с нами в конфе).

И… Fialka911, спасибо за твою мангу! (^ ^)

От Elberet — сканирование

Всем привет. Элберет дес.

Даже как-то непривычно себя видеть в проекте, с такой уникальной ролью. "Сканлейтер"… Мдэ, ну меня и понесло. Ну, пусть я в 6-томе и не отписался (потому что кое-какие дяди забыли мне сказать об этом), ну тогда восстановим справедливость в 7-м томе.

Для начала в очередной раз скажу спасибо Анистару за помощь в покупке томиков ранобэ. Без них я бы не был бы тут. Ну, томики мне пришли и началось… Давайте я расскажу, как весь процесс шел:

1) Сначала, еще до приезда томов, мы списывались с английскими сканлейтерами. Они кучу всего насоветовали. В плане расшивания томиков и сканирования. И началось всё с того, что я взял в руки фен и стал фенить корку тома. Фенил минут 10 и понял, что дело это при моём фене не покатит — хреновато нагревает.

2) … Ну ладно, мы люди русские и у нас есть… БАТАРЕЯ!!! Ну да, я живу в Северодвинске (гугл в помощь кто не знает где это). И они у нас топят норм (особенно когда морозы под -30.. -40). Поставили корку тома на батарею и подождали полчаса… ВАУ!!! Офигенно хорошо странички отлетают. Только опосля каждых 20 страниц надо снова на батарею ставить минут на 10. Дело идет… долго. Ну где-то 1.5–2 часа на том. А ведь ещё сканирование… Ну ладно, разорвали 6 том и передали Мохнату. Правда в некоторых местах клей наезжал прямо на чб иллюстрации. Пришлось немного след. Странички оторвать вместе с ней. Ну… что поделать. Всё на откуп Мохнату.

3) Начинаю рвать 7-й том. Делу — труба. Клея больше раза в 2. Страницы с текстом(без иллюстраций) рву уже пофигу как. Только иллюстрации отрываю очень бережно, чтобы не обрезать. Но это всё как-то плохо. Надо что-то придумывать…

4) И вот я дошел до УТЮГА!!! Что мы берем? Чистый лист А4(порванный на 2 части), лезвие от канцелярского ножа. Нагреваем утюг до максимума и отрубаем его из сети, а затем

через лист А4 прикладываем корку прямо к нему. Ждем полминуты и ОТРЫВАЕМ КОРКУ К ЧЕРТУ! Затем быстро канцелярским ножом выносим весь оставшийся клей (который полностью растопился, но твердеет обратно буквально за пару секунд). И мы видим странички, которые почти сами отваливаются. Далее все просто: открываем именно те страницы где иллюстрации и вытаскиваем только их. Полностью весь том на страницы разбирать не надо. Это хорошо… На том теперь тратиться где-то 15–30 минут. Только вот издательство, как будто специально на некоторых иллюстрациях немного клея оставляет. С этим надо что-то делать.

5) Решение найдено. Что мы имеем: 2 странички (на 1 иллюстрация) и между ними есть проклейка. Обычно их пришлось бы чуть подрезать у корки. Но у нас есть УТЮГ!!! Нагреваем их. Клей полностью растопляется и аккуратно отделяем их. Затем берем лезвие и с иллюстрации соскребаем весь лишний клей. Да, остатки на иллюстрации остаются. Да, при сканировании они блестят. Но мы видим оригинальные линии и рисунок! И это не надо вырезать — просто зафотошопить. И так пошли тома с 8 и по 15. Именно эти тома сейчас распилены и ожидают эдита Мохната, ну и редакта самой текстовой части.

Вот так Элберет овладел Дзеном в распиливании томов ранобэ. В следующем томе я напишу как дело обстоит со сканированием. Это тоже очень увлекательный процесс.

Ну а в остальном… Спасибо громадное Арку, за то что перевел все 17 томов ранобэ. Без тебя всего этого не было бы. Спасибо Аметрину за его редакт. Мохнату за титаническую работу с иллюстрациями. Саунду за выверку качества и слакерство. Хы-хы. Резелю… Я вообще хз что ты тут делаешь, но спасибо и тебе. А также спасибо всем фанатам данной серии. Спасибо что читаете это замечательное ранобэ. Ведь мы пашем именно ради вас. Чтобы вы в отсутствии продолжения аниме могли узнать, что происходит дальше по сюжету. Ну а мы… А мы постараемся и будем продолжать выкладывать вам томики.

Всем до встреч! Элберет.

P.S. Кто знает — тот поймет… Вам письмо от темной Элбы: *Осталось полгода +-3 месяца…*

От Мохнат — работа с изображениями

Всем утра! Или ночи, или дня, так-то я без понятия, какое у вас сейчас время суток… в общем, здравствуйте… не, как-то не то… лан, давайте так

Всем привет!

Надеюсь, вам понравился этот том. Надеюсь, вы остались довольны проделанной мной работой над иллюстрациями. Хотя я хотел бы извиниться за не слишком хорошее качество некоторых из них, в будущем постараюсь подправить их.

Хочу сразу сказать спасибо Элберту, который тратит кучу своего времени на сканирование этих изображений, вместо того чтобы делать что-то еще. И вообще, я считаю, у него самая жестокая роль в команде, ему же приходится расчленять томики ранобэ, чтобы картинки были в наилучшем качестве. Интересно, они к нему во сне не приходят?

Огромное спасибо Арку, который просто молодец, что перевел. Спасибо Аметрину за его редакт, ибо я люблю читать отредаченый текст (да, кстати, я читаю тексты ненамного раньше вас, так что меня не бейте и по айпи не вычисляйте), та и вы тоже, наверное, любите тексты в хорошем качестве ^_^.

Ну, спасибо Резе-нян, который сидит в конфе и смотрит мою работу (не, ну реал же Око Саурона, где я там и он), и с которым можно поспорить. Кстати, он по-прежнему думает, что он ЗКПРНН, хотя он просто Резе-нян, но походу он слишком помешался. Может ему попробовать другого чая?

Спасибо Саунду, хотя саунд не очень. Он решил, что не хочет ставить японские кавычки в тексте для тайпа, и поэтому приходиться ставить их мне. А ведь такие мелочи занимают время, если много таких мелочей — в сумме много времени уйдет на работу, и тома не будут релизиться. К тому же он каждый день спрашивал «готовы ли ирасты или нет», фу саунд, нельзя! Я ж не могу ускориться, хотя если выпить чай, который продают за углом моего дома… но, боюсь, вместо замедления времени я упорюсь и буду смотреть юрийных мишек, нифига не делая.

Кхм, вспомнил про мишек, забыл, чу хотел писать, стал есть шоколад для биттеров. Ну, в общем, вы поняли все про саунда, короче его можно пинать. Главное не верьте его отговоркам, хотя какие у него отговорки, он до сих пор не может придумать что написать в послесловии (кстати, это задерживает том). Впрочем, мне тоже особо не верьте, я же пил чай, перед тем как все это писать.

Спасибо, за прочтение, гляденье, пролистывание, смотренье в завтрашний день, ожидание, за то, что я такой хороший. До скорых встреч!

П.С. ЗКПРНН более не зкпрнн, это теперь снова резе-нян. (У Руйки есть пруфы)

П.С.С. Я выпил уже сегодня свое успокоительное.

П.С.С.С. Саунд не очень.

П.С.С.С.С. Арк тоже не ахти, слишком поздно добавил меня в ускоркоконфу!

От Soundwave — QC

Здрасьте всем, кто дочитал том или, если такие и правда бывают, начал читать с послесловия.

В этот раз к тому было приложено ещё больше усилий, особенно в выискивании очепяток, смысловых втф и эпическом сражении с кавычками. В следующем будет ещё больше страниц, а значит, ещё больше сражений с кавычками. В шестом тоже скоро пройдут сражения с кавычками. Истребить их!

Итак, по делу: многие желают знать, как проходят круги редакта. Не буду говорить всего и за других, но я их не задерживаю, чесслово! Ну почти. Ну не по редакту, а потому что на послесловие идей не хватает. Ну и всего на полчаса, наверное… Мохнату не верьте, не верьте тому, что он говорит вам не верить мне что ему надо не верить! Он упорот, он всегда такой. Между прочим, если б мы заранее не знали, что будет задержка с иллюстрациями, ну и если бы её не было, то том мог бы увидеть свет уже в середине месяца… Хотя кого я обманываю, посленовогодние запои никто не отменял.

В общем, ждите следующий том в ближайшем будущем, но помните: вы будете изнывать, когда прочтёте конец, а следующий том после него будет готовиться к релизу МЕСЯЦ! Потому что это самый огромный том из всей ускорки, вот.

Что ж, спасибо команде, спасибо читателям, спасибо мимокрокодившему ЗКПРНН, с ним весело, хе-хе.

П.С. Не верьте ему, он упарывается чаем, одновременно смотря юри.

П.С.С. Мохнат очень не.

От Злобной кошкодевочки — переводчицы — ока_саурона
Резель нян — нян

Нахал! *ударил саунда по голове*

Нахал! *ударил мохната по голове*

Кто вам разрешал сокращать мой ник, презренные смертные?!

На связи Злобная кошкодевочка — переводчица — око_саурона. Наверное, вы хотите знать, что же я, черт возьми, делаю в чужом афтерворде, в то время как проблемные дети не

переводятся? *шепот саунда: мимокрокодилит…* Эй, что это было?!

НАХАЛ! *Ударил саунда по голове*

Ну так вот, арк закинул меня в ускорко конфу под предлогом чего — нить помочь, так и получилось, что я выправляю всякую ересь, которую они мне подкидывают… *голос Арка: мимокрокодилит он, мимокрокодилит*… Как он посмел это сделать!

НАХАЛ! *Ударил Арка по голове*

Ну и попутно помогаю с иррастами и прочей мелочевкой вроде адаптации навыков и экипировки.

Желаю вам, читатели, удачного чтения, и не сокращайте моё звание, как это сделали те несчастные люди выше… Бобромінь.

Злобная кошкодевочка — переводчица — око_саурона Резель нян-нян.

notes

Примечания

1

Flash Blink, Мгновенный Скачок.

2

Resurrect by Compassion, Воскрешение через Сострадание.

3

Petal Shelter, Убежище из Лепестков

4

Звездомёт.

5

В оригинале была шутка, основанная на схожем звучании с «сиратори», т. е. белым лебедем.

6

Квад-айз Аналист, Quad-eyes Analyst.

7

Bloody Kitty, Кровавый Котёнок.

8

Cyan Blade, Цианновый Клинок.

9

Splash Stinger, Жалящий Всплеск.

10

Lightning Dark Spike, Грозовой Тёмный Шип.